

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Перспективы

Электронный журнал

№ 1
(январь – март)

2019

CENTER FOR RESEARCH AND ANALYTICS
OF FOUNDATION FOR HISTORICAL OUTLOOK

PERSPECTIVES AND PROSPECTS

E-JOURNAL

№ 1

(JANUARY – MARCH)

2019

ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52
П27

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Рецензируемый научный сетевой журнал
«Перспективы. Электронный журнал»
№1 (17) (январь – март)

E-journal «Perspectives and prospects»
№1 (17) (January – March)

journal.perspektivy.info

Издается с 2015 г.
ISSN 2411–3417 = Perspektivy (Moskva. 2015)
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

Редакционная коллегия:

Е.А. Нарочницкая – кандидат исторических наук, главный редактор;

Н.А. Нарочницкая – доктор исторических наук;

Е.Н. Рудая – кандидат исторических наук;

В.Г. Федотова – доктор философских наук;

Л.Н. Шишелина – доктор исторических наук;

П.П. Яковлев – доктор экономических наук;

А.В. Щербина – кандидат филологических наук, ответственный секретарь.

ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52

Москва
2019

Содержание:

Владимир ВАСИЛЬЕВ. США против России в эпоху информационных войн 2.0. Размышления о диалогах в одной книге	6
Екатерина НАРОЧНИЦКАЯ. Украинский конфликт и Крым: испытание французской дипломатии	20
Петр ЯКОВЛЕВ. Венесуэла: кризис эпохи конфликтной многополярности	38
Вадим ТРУХАЧЁВ. Противоречивая политика Австрии в отношении России: позиции партий	53
<hr/>	
Первая мировая война и ее итоги в научном дискурсе и исторической памяти ...	66
Владимир РОМАНОВ. Первая мировая война и трансформация глобального мышления академического сообщества США	67
Екатерина РОМАНОВА. Эволюция британских представлений о Первой мировой войне	92
Артем БАРЫНКИН, Ирина НОВИКОВА. Первая мировая война в современной польской исторической памяти	104
Татьяна ПОКИВАЙЛОВА. Из истории советско-румынских отношений. Прелиминарная конференция 1921 г. в Варшаве	113
Антон КРУТИКОВ. Трудное расставание с «имперскостью». <i>Рецензия на книгу Йохена Белера «Civil War in Central Europe, 1918–1921: The Reconstruction of Poland» (Oxford, 2018)</i>	130
Authors	136
Abstracts and Keywords	137

Contents:

Vladimir VASILIEV. United States versus Russia in the Era of Information Wars 2.0. Reflections on Dialogues from a Book	6
Ekaterina NAROCHNITSKAYA. Ukrainian Conflict and Crimea: a Test for French Diplomacy	20
Petr YAKOVLEV. Venezuela's Crisis in an Era of Conflictual Multipolarity	
Vadim TRUKHACHEV. Austria's Controversial Policy toward Russia: Parties Positions	53
<hr/>	
The First World War and its Results in Scientific Discourse and Historical Memory ...	66
Vladimir ROMANOV. World War I and the Transformation of Global Thinking in US Academic Community	67
Ekaterina ROMANOVA. Evolution of British Perceptions of World War I	92
Artyom BARYNKIN, Irina NOVIKOVA. World War I in Contemporary Polish Historical Memory	104
Tatiana POKIVAYLOVA. From the History of Soviet-Romanian Relations: Preliminary Conference 1921 in Warsaw	112
Anton KRUTIKOV. Hard Parting with "Empireness" <i>Book Review: Böhler J. Civil War in Central Europe, 1918–1921: The Reconstruction of Poland. Oxford, 2018</i>	130
Authors	136
Abstracts and Keywords	137

DOI 10.32726/2411-3417-2019-1-6-19
УДК 327

Владимир Васильев

США против России в эпоху информационных войн 2.0. Размышления о диалогах в одной книге

Аннотация. Дискуссия между российским тележурналистом Д.К. Киселёвым и его американским визави Н.В. Злобиным на страницах книги «Битва за глубоко личное» вполне может претендовать на статус программного документа эпохи новой информационной войны. В ней нашли отражение базовые алгоритмы идейного противостояния между Россией и «коллективным Западом»; сильные и слабые стороны платформ, с которыми вступили в «битву за глубоко личное» широкие слои российской и американской общественности; формирующийся климат дискурса в обеих странах. Анализ этой полемики и ее контекста подводит автора статьи к выводу, что информационная война между Россией и США будет носить длительный характер, а по накалу и остроте во многих аспектах даже превзойдет идейное противоборство периода холодной войны.

Ключевые слова: информационные войны, российско-американские отношения, «странные аттракторы», культурная война, цивилизационное развитие, мироустройство XXI в.

Киселёв Д., Злобин Н. – М.: Эксмо, 2019. – 448 с.

В начале 2019 г. в одном из московских издательств вышла в свет книга «Киселёв vs Zlobin. Битва за глубоко личное» [Киселёв, Злобин], побуждающая к самым серьезным размышлениям. Развернувшаяся на ее страницах дискуссия между известным российским тележурналистом, заместителем генерального директора ВГТРК, генеральным директором российского международного информационного агентства «Россия сегодня» Д.К. Киселёвым и президентом Центра глобальных интересов (г. Вашингтон, США) Н.В. Злобиным¹, выходит далеко за рамки публицисти-

1 Мы не в первый раз обращаемся к анализу высказываний президента вашингтонского Центра глобальных интересов Н.В. Злобина [См., в частности: Васильев Меняющаяся Америка... Васильев Анатомия трампазма...]. Благодаря российским СМИ Н. Злобин хорошо известен широкой российской аудитории, в том числе и ученым-обществоведам, не только как специалист по широкому кругу международных проблем, но и в качестве пропагандиста, отражающего и отстаивающего идеологию официального Вашингтона.

Сведения об авторе: ВАСИЛЬЕВ Владимир Сергеевич – главный научный сотрудник Центра экономических исследований Института США и Канады РАН, доктор экономических наук; vsvasiliev@mail.ru.

ческой полемики. По сути, она вполне может претендовать на статус своеобразного программного документа эпохи информационных войн 2.0. В ней нашли отражение ряд базовых алгоритмов идейного противостояния между Россией и «коллективным Западом»; сильные и слабые стороны платформ, с которыми уже вступили в «битву за глубоко личное» не только авторы книги, но и широкие слои российской и американской общественности; формирующийся климат общественного дискурса в обеих странах.

Идеологическая «разведка боем»

Доходчивое изложение обсуждаемых в публикации проблем общественной жизни России и США, понятное «широким читательским массам», не должно вводить в заблуждение. Н. Злобин не был бы представителем Вашингтона, регулярно бывающим в Москве и в России, если бы потенциально не был способен бы на решение «невыполнимой миссии». Для Н. Злобина Д. Киселёв – это прежде всего «главный пропагандист, главный рупор Кремля» [Киселёв, Злобин, с. 47], прекрасно осведомленный о настроениях в высших эшелонах российской власти. Поэтому основная задача американского политолога – составить четкое и логически артикулированное представление о современной идеологической стратегии и тактике высшего политического руководства России в его информационном противостоянии с Америкой.

Собственно говоря, Н. Злобин и не скрывает этой главной цели диалогов, прямо спрашивая у Д. Киселёва: «Объясни мне механизм. Как все происходит. Я хорошо знаю, как это происходит в западных, например, агентствах (информационных – В.В.). А как у тебя?» [Киселёв, Злобин, с. 49]. Основная «гипотеза» Злобина при этом строится на том, что в современных условиях российские СМИ просто воспроизвели принципы и практику информационной войны с США времен холодной войны. Однако ответ Киселёва озадачивает Злобина. «Если тебя интересует Кремль, – говорит ведущий авторской программы «Вести недели», – то я туда на летучки не хожу». Для Злобина это звучит как откровение: «Не ходишь, так-так... Тебе звонят? Или фельдъегерь доставляет пакет?» [Киселёв, Злобин, с. 49].

Д. Киселёв прекрасно понимает смысл и дальний прицел этих «наивных» расспросов: «Ты все ищешь какую-то скрытую конструкцию руководства ... из Кремля. То есть должен быть какой-то тайный человек, который на самом деле нами всеми руководит? Но какой смысл в подобной конспирации? ... Впрочем, кто-то думает, что для «Вестей недели» мне в Кремле пишут тексты...» [Киселёв, Злобин, с.64].

На основе выкладок Д. Киселёва вырисовывается принципиально иная модель ведения идейно-идеологических баталий в современном информационном пространстве, основанная на творческих качествах, широте взглядов, профессиональном опыте и идейной убежденности «харизматических» теле- и радиоведущих. Как указывает Киселёв, «нельзя сказать, что есть какая-то живая, постоянно пульсирующая кремлевская вертикаль, которая проходит сквозь меня. Её нет». Ушли в прошлое «накачка два раза в день, каждое утро созвон, летучки, контроль, вызовы на ковер, – этого нет.

У нас отношения с сотрудниками администрации президента, как у коллег. Наши усилия взаимодополняющие, основанные на доверии, а не на приказах» [Киселёв, Злобин, с. 64].

Важной частью нового механизма воздействия как на российскую, так и на зарубежную аудиторию стали многочисленные политические и общественные ток-шоу на всех ведущих российских федеральных телеканалах, построенные на конфликте и даже антагонизме высказываемых точек зрения. Как подчеркивает Д. Киселёв, «сам факт таких программ основан на конфликте мнений. Это часть драматургии. Без конфликта не о чем спорить, а у нас – до хрипоты». [Киселёв, Злобин, с. 72–73]. И далее достаточно откровенно поясняет: «Если бы существовал лишь «государственный стандарт», то тебя, Коля, не приглашали бы в наши студии. А так – есть ты. Да ещё в таком объеме, что тебя и на улицах люди узнают» [Киселёв, Злобин, с. 73].

Этот абзац как нельзя лучше характеризует фундаментально новые теоретические принципы, сознательно или бессознательно положенные (либо эмпирически нащупанные) в основу современной информационной политики России. В условиях Интернета и доступа широких слоев населения каждой развитой страны практически ко всем мировым СМИ объективным состоянием информационной среды – по крайней мере, преломленной в сознании рядовой аудитории, – является *состояние хаоса*. Теоретическое изучение свойств хаоса в природных сферах (физических, химических, биологических), начавшееся в 1960-х годах, привело ряд ведущих зарубежных исследователей-математиков – в частности, Э. Лоренца (1917–2008) – к выводу, что хаотические системы имеют тенденцию эволюционировать в направлении сложных геометрических фигур, по большей части напоминающих бабочек, вернее, их крылья [Ghys, p. 24–28].

Этот процесс происходит благодаря существованию «странных аттракторов» – точек или ограниченных пространственно-временных областей, обладающих свойством *притягивать* находящиеся в хаотическом состоянии вещества или энергетические точки природных систем. Согласно математическому определению, «странный аттрактор» представляет собой набор величин в пространстве, к которым тяготеют системы или их элементы. Роль «странного аттрактора» могут играть точка, набор точек, линия, фрактал. Процесс притягивания основан на том, что системы с набором величин, совпадающих с набором величин аттрактора, имеют тенденцию оставаться в его поле, увеличивая тем самым сферу его действия. Противоположным процессом является отталкивание [Willms, p. 6].

По сути, новая информационная политика России и строится на положениях теории аттракторов. Как подчеркивает Д. Киселёв, в российских СМИ «абсолютное многоголосие, полифония» [Киселёв, Злобин, с. 48], создаваемая «целой плеядой журналистов, которые работают на смысл» [Киселёв, Злобин, с. 70]. Поэтому «у каждого свой ракурс, свой взгляд. У публики есть выбор. Есть дискуссии в прямом эфире, многочасовые, ежедневные, приглашают туда и кандидатов в президенты, и фриков, и кого угодно. И именно это разнообразие, информационная полнота и корректность для публики очень привлекательны» [Киселёв, Злобин, с.48].

В мировом информационном пространстве, и особенно в США и Великобритании, классическим «странным аттрактором» стала телекомпания RT («Россия сегодня»), учрежденная в 2005 г. (главный редактор – М. Симоньян). Согласно официальной информации с сайта RT, телеканал «предлагает альтернативный взгляд на текущие события, освещая сюжеты, не попавшие на страницы и экраны мировых СМИ, а также знакомит свою аудиторию с российской точкой зрения на важнейшие международные события» [About RT].

Стремление Н. Злобина понять новый механизм формирования и реализации информационной политики России становится более понятным в свете современных западных, главным образом американских и английских, оценок эффективности ее воздействия на зарубежную аудиторию. Пожалуй, одним из самых резонансных в этом отношении явился открытый вариант сверхсекретного доклада директора Национальной разведки США. Доклад был опубликован в январе 2017 г. под витиеватым названием «Предпосылки «Оценки деятельности и намерений России на американских выборах»: аналитический процесс и установление авторов кибер-происшествия» и послужил основой для всех последующих попыток сил, оппозиционных президенту Д. Трампу, представить его избрание как прямое следствие целенаправленного использования различных инструментов и каналов современного информационного пространства. Среди таких инструментов на первое место были поставлены передачи телеканала RT и радиостанции «Спутник».

Их деятельность была признана «самой дерзкой попыткой влияния» на внутриполитические процессы в США, которые превзошли все кампании информационных войн эпохи холодной войны. В докладе делался общий вывод о том, что «российские усилия по оказанию влияния на выборы президента США в 2016 г. представляют собой существенную эскалацию по сравнению с прошлыми попытками в плане открытости, уровня действий и масштаба приложенных усилий. Мы считаем, что кампания влияния на президентские выборы 2016 г. отражала признание Кремлем того факта, что массовые разоблачения американской политики имеют всемирный эффект...» [Office of the Director...p. 5].

При этом было особо подчеркнуто, что «российская государственная пропагандистская машина, включающая внутренние СМИ и работающие на иностранную аудиторию глобальные медиа, такие как RT и «Спутник», а также сети квазиправительственных «троллей», участвовала в кампании влияния, выступая в роли платформы Кремля для передачи сообщений внутренней и иностранной аудитории» [Office of the Director... p. 3]. Из дальнейших аналитических выкладок и обширной справочной информации об RT недвусмысленно вытекало – во всяком случае, составители американского доклада стремились создать такое впечатление, – что именно RT и «Спутник», не считая, естественно, «главного пропагандиста Путина Дмитрия Киселёва» [Office of the Director... p. 4], и избрали в конечном итоге 45-м президентом США Д. Трампа.

Аналитики разведывательного сообщества США указали в своем докладе, что потенциальная аудитория RT в США может составлять не менее 85 млн человек! [Office

of the Director... p. 10]. Классический эффект, постулируемый теорией «странных аттракторов»¹.

«Репрессии» в духе холодной войны со стороны США последовали незамедлительно. Под ультимативным давлением американских властей в ноябре 2017 г. RT и «Спутник» были вынуждены зарегистрироваться в качестве «иностранных агентов» в соответствии с Законом 1938 г. о регистрации иностранных агентов [Wilson], а RT была лишена аккредитации при Конгрессе США.

«Культурная война» в Америке и сравнительная эффективность информационных баталий

Одно из центральных мест в диалогах Д. Киселёва и Н. Злобина заняли проблемы общественных перемен в Америке и России с начала 1990-х годов, с момента окончания конфронтации времен холодной войны. Подход, обрисованный Киселёвым, сформулирован предельно чётко: «Сейчас у нас не Советский Союз, у нас общество, которое очень сильно отличается от советского» [Киселёв, Злобин, с. 112]. В другом месте он указывает, что зарубежные СМИ, в том числе американские, исходят из того, «что Советский Союз, что Российская империя, что сегодняшняя Россия – одно и то же. Мне кажется, это такая ригидность, заскорузлость, отсутствие пластичности восприятия, которые поддерживаются прессой» [Киселёв, Злобин с. 278]. Тем самым Киселёв точно диагностирует базовый алгоритм американской стратегии ведения информационной войны против современной России, который, возможно, и является самым уязвимым местом медийного поведения США.

Продолжая свою мысль, Д. Киселёв указывает, что российские представления об Америке претерпели за последние 15–20 лет существенные изменения. «Если бы мы с такими мерками подходили к Соединённым Штатам – а мы помним, что там действительно темнокожих людей вешали еще совсем недавно, – то над нами смеялись бы. То есть страны все же меняются. Ещё отец Обамы ездил на задней скамейке автобуса – для цветных. И если бы мы так подходили, не видя перемен, – мне кажется, это было бы несправедливо в отношении Америки» [Киселёв, Злобин, с. 278].

Н. Злобин мастерски подстраивается под эту линию рассуждений и, походя фальсифицируя историю США XIX в., пытается законсервировать стереотипы советской пропаганды времен холодной войны. «В том-то и дело, – восклицает он, – что так и подходят! Как только дискуссия об Америке, сразу же вспоминают и негров, и индейцев – хотя конкретно к Соединённым Штатам индейцы почти никакого отношения не имеют, – и атомную бомбу, сброшенную на Хиросиму семьдесят с лишним лет назад», указывая при этом, что «Америка – молодая страна, ее история гораздо короче российской.

1 Эффект «крыльев бабочки», впервые сформулированный в начале 1960-х годов, был определен следующим образом: «Бабочка могла бы взмахнуть крыльями и привести в движение молекулы воздуха, которые могли ускорить движение других воздушных молекул, что в свою очередь привело бы в движение огромные массы воздушных молекул, и в конце концов на противоположной стороне планеты мог возникнуть мощный ураган!» [Andrews, p.6].

И темпы изменений в этой короткой истории гораздо выше российских» [Киселёв, Злобин, с. 279].

Глобализация информационного пространства, безусловно, способствовала резкому повышению информированности российского общества о процессах и изменениях, происходящих в американском обществе. Не говоря уже о возможности для десятков и сотен тысяч «бывших» и настоящих россиян составить собственное представление и об «американском рае», и о «заокеанском аде», и о «чистилище» для иммигрантов, хлынувших в «страну обетованную» с начала 1990-х годов. Именно колоссальный приток иммигрантов – как легальных, так и нелегальных – стал, пожалуй, одним из самых видимых (и наиболее болезненных для США) факторов, резко изменивших культурологическое поле американского общества.

Достаточно отметить, что если в начале 1990-х годов в США ежегодно прибывали 1,0 млн иммигрантов, то на рубеже XX–XXI вв. их приток увеличился до 1,5 млн человек [Passel, p. 3]. в результате произошел колоссальный скачок абсолютной и относительной численности иммигрантского населения США, то есть лиц, рожденных за пределами Америки. Так, если в 1990 г. численность этой группы населения составляла 19,8 млн человек, или 7,6% общей численности американцев, то к 2000 г. она возросла до 31,1 млн (11,1%), к 2010 г. – до 40,0 млн (12,9%), а в 2017 г. достигла 44,5 млн (13,7%) [Migration Policy Institute].

Отнюдь не случайно «иммигрантское цунами» начала 1990-х годов совпало с появлением в 1991 г. монографии профессора социологии и религиоведа Вирджинского университета Дж. Хантера «Культурная война: борьба за самоопределение Америки». Базовая концепция монографии была проста: на смену религиозным войнам Средневековья пришла «культурная война» Современности, проистекающая из полярно противоположных (как сказали бы ранее – антагонистических) взглядов практически на все стороны американской общественной жизни. Обсуждение в американском обществе таких проблем, как аборт, свобода ношения оружия, отделение церкви от государства, неприкосновенность частной жизни, употребление наркотиков, положение сексуальных меньшинств, цензура, и многих других все в большей степени попадало в «силовое поле» взаимоисключающих оценок и суждений, что и генерировало феномен «культурной войны», в конечном итоге направленной на взаимную аннигиляцию дебатующих сторон.

Как впоследствии указывал Дж. Хантер, «культура прежде всего и главным образом играет символическую роль. Ее основное назначение – дать названия предметам и тем самым очертить контуры реальности, создать нормы-рамки для общественных дебатов». Американский религиовед резюмировал, что «самые кровавые столкновения в настоящее время происходят вокруг символов» [Is there...]. В этом плане на смену холодной войне, как фактору самоопределения идентичности Америки, с начала 1990-х годов стала приходиться «культурная война», которая постепенно к началу второго десятилетия XXI в. и поляризовала американское общество, особенно его политическую систему [Willick, p. 2].

Процесс поляризации состоял в том, что на протяжении последних 20–25 лет «ядра» генезиса полярных взглядов по обе стороны политического спектра («крайне либеральные» и «крайне консервативные»), доля которых в общей численности американского населения не превышает примерно 5–7%, постепенно распространили свое влияние на более широкие следующие концентрические круги людей, ориентированных на либеральную и консервативную идеологию, доля которых составляет порядка 12–15% населения, а те, в свою очередь, привнесли раскол в американское «идейно-политическое болото», общая численность которого достигает в совокупности от 30 до 40% населения. Таким образом, по меньшей мере 60 млн политически активных американцев оказались на передовой линии «культурной войны» XXI столетия [Is there...].

В результате Республиканская и Демократическая партии превратились в два враждующих лагеря, живущих в разных социально-экономических «реалиях». В этих условиях рациональное решение политических и общественных проблем Америки стало невозможным или крайне труднодостижимым. В ситуации «культурной войны» конкурентные начала американской политической и общественной системы быстро стали превращаться в свои противоположности, пагубно сказываясь на самой общественной системе США.

Н. Злобин активно «лоббирует» главную, с его точки зрения, особенность американского менталитета – «американцы очень не любят монополии и считают, что монополии всегда заканчиваются плохо». По его представлению, «американцы верят в конкуренцию, в борьбу лучших. Их внутреннее законодательство, внутреннее экономическое и политическое устройство – это на девяносто девять процентов механизмы недопущения монополизации, экономической или политической, внутри страны. Это основа американской жизни» [Киселёв, Злобин, с. 196–197].

Однако «культурные войны» последних двух десятилетий в Америке сделали невозможным традиционное двухпартийное согласие даже по самым основополагающим общественным проблемам: сильная оборона, эффективная система социальной безопасности, недопустимость чрезмерного вмешательства государства в социально-экономическое развитие. Как указывает американский писатель и политический обозреватель М. Грюнвальд, отличительной особенностью современной американской конкурентной политической борьбы стала «трансформация даже беспартийных проблем в безумные битвы за политические партийные базы, что делает практически невозможным решение политиками проблем в двухпартийной системе. Сотрудничество и компромисс начинают выглядеть как капитуляция или даже как предательский сговор с врагом» [Grunwald].

Именно на «культурной поляризации» внешних и внутренних проблем американского общества блестяще сыграли российские СМИ, главным образом RT и «Спутник», которые – оставим это утверждение на совести М. Грюнвальда – спровоцировали «протесты и контрпротесты по таким горячим вопросам, как полицейские перестрелки и пограничная стена Трампа» [Grunwald]. Идущую в США полным ходом «культурную войну» прекрасно видят в России. Как образно указал в этой связи Киселёв, «вот победил

на выборах Дональд Трамп. И такое впечатление, что он натянул на Америку мокрую майку. И ткнул в неё два провода из розетки. Страну, да и весь мир трясет так, что я подобного и не припомню. И в самом Белом доме черт знает что творится. Кадровая чехарда, интриги, анонимки, поклепы, nepoтизм, какая-то «группа внутреннего сопротивления»...» [Киселёв, Злобин, с. 147].

Из фундаментальной особенности современного института президентской власти в США, позволившей Д. Трампу стать первым в американской политической истории президентом «культурной войны», проистекает многое, в том числе и обвинения в адрес России по поводу вмешательства в американские выборы 2016 г. Фактически Трамп, сознательно или бессознательно, превратился в президента, ведущего к разделению, а не сплочению американской нации [Scher]. Используя свои властные полномочия – например, принимая решение о временной приостановке деятельности ряда федеральных министерств и ведомств в декабре 2018 г. – январе 2019 г. – он апеллирует исключительно к своей избирательной политической базе, вместо того чтобы формировать политическую базу для достижения рациональных целей внутренней и внешней политики (например, получения дополнительного финансирования для укрепления режима безопасности на американо-мексиканской границе). В самих США косвенным образом признается, что Россия в отношении западных стран, и в частности США, в настоящее время использует принципиально иную стратегию информационного противостояния. Так, согласно официальному докладу Исследовательской службы Конгресса, США несколько упрощенно подходят к пониманию целей и задач информационной войны, под которой американцы «обычно понимают использование и управление информационными потоками для получения и использования конкурентных преимуществ, включая наступательные и оборонительные действия». США буквально воспринимают понятие «информационная (политическая) война», которая трактуется как «использование политических средств для принуждения противника к подчинению американской воле». Однако существует и другой подход к ведению информационных войн, основанный «на стратегии «разделяй и властвуй», нацеленной на гражданское общество, чтобы посеять неразбериху в конкретных социальных группах и создать тем самым паралич в принятии решений» [Congressional Research Service... p. 2].

Таким образом, в своем позиционировании в мире и, в частности, в информационной политике, обращенной к внешнему миру, Россия извлекла уроки из опыта советского прошлого.

Обострение идейно-идеологического противостояния в многополярном мире

В начале 1990-х годов, после распада СССР и принятия современной Россией идей и ценностей демократии, рыночной экономики, международной открытости, быстро сформировался устойчивый стереотип, что идеологическое противостояние России и США, евразийского Востока и «коллективного» Запада стало достоянием истории, что оно было специфическим феноменом XX в., когда после 1917 г. мир оказался разделенным на две противоборствующие социально-экономические и политические системы – социализм и капитализм.

На фоне эйфории как в России, так и в США относительно того, что в эпоху «конца истории» идейно-идеологические разногласия не будут более омрачать российско-американские отношения, раздался скептический голос известного американского политолога, профессора Гарвардского университета С. Хантингтона (1927–2008). Выдвинув и обосновав теорию «столкновения цивилизаций», которое придет на смену идеологической войне между социализмом и капитализмом, он достаточно точно спрогнозировал первопричину грядущего идейно-информационного столкновения между Россией и Западом (США).

С. Хантингтон подчеркнул, что, «конфликт между либеральной демократией и марксизмом-ленинизмом, несмотря на все существенные различия между ними, являлся борьбой между идеологиями, которые в целом в качестве конечных целей признавали свободу, равенство и процветание». Цели же «традиционной, авторитарной и националистической России могут быть совершенно иными», и поэтому «западный демократ мог вести интеллектуальный спор с советским марксистом», однако для него «было бы практически невозможно вести дискуссию подобного рода с российским традиционалистом». Поэтому, пророчествовал гарвардский профессор, если «русские откажутся от марксизма-ленинизма и при этом одновременно отвергнут ценности либеральной демократии и начнут вести себя как истинные русские, но не как западники, то отношения между Россией и Западом вновь могут стать весьма прохладными и конфликтными» [Huntington, p. 44–45].

Можно сказать, что с этой точки зрения российско-американские отношения были чуть ли не «обречены» на информационную войну 2.0. Высказывания Д. Киселёва, по сути, можно рассматривать как конкретизацию тезисов С. Хантингтона. «Я считаю, – заявил Киселёв, – что советская мораль и советская система потому во многом рухнули, что они противоречили традиционным российским нормам, представлениям о должном и недолжном, о человеческом. Попросту говоря, противоречили человеческой природе» [Киселёв, Злобин, с. 112].

Это высказывание рельефно отражает сущность и возможные последствия информационной войны 2.0 между Россией и США. Во-первых, это именно БИТВА, а не диалог или интеллектуальный спор; во-вторых, её интенсивность определяется тем, что на карту поставлено «глубоко личное», «человеческая природа» спорящих сторон. Как указывает Н. Злобин – и здесь заокеанскому политологу можно верить, – «Америка ни с кем сегодня не будет говорить на равных. Это очевидно». Д. Киселёв резюмирует: «Это плохо кончится. И прежде всего для самой Америки» [Киселёв, Злобин, с. 285]. Информационная война 2.0 между Россией и США сравнительно быстро стала вестись с помощью двух самых разрушительных идеологических оружий «массового поражения» – русофобии и антиамериканизма. Злобин охотно признает, что в настоящее время идет процесс «демонизации России на Западе» и он дал свои плоды, что «на самом деле имидж России в Америке просто отвратительный» и «десятилетия пройдут, прежде чем отношение к России изменится к лучшему» [Киселёв, Злобин, с. 426, 250, 248].

Д. Киселёв точно подмечает, что *«не надо расчеловечивать образ России, а потом на этом основании отягощать межгосударственные отношения и нарушать договоренности, вводить какие-то ограничения, санкции, выносить политические суждения и вердикты, подхлестывать гонки вооружений и, образно говоря, ставить Россию в перекрестке прицела»* [Киселёв, Злобин, с. 248] (выделено мной – В.В.). В этом и состоит самая большая опасность информационной войны 2.0 по сравнению с советско-американским идеологическим противостоянием в период с 1947 г. по конец 1980-х годов. В основе идеологической конфронтации XX в. лежала борьба вокруг достоинств и недостатков достаточно абстрактных для обыденного сознания общественных систем – социализма и капитализма. Идеологические стереотипы «коммунисты» vs «капиталисты» также носили расплывчатый и неконкретный характер: десятки миллионов коммунистов противостояли миллионам капиталистов, и всегда можно было сказать, что и среди коммунистов, и среди капиталистов – с человеческой точки зрения – есть «достаточно разные люди», что охотно признавалось даже официальной идеологией СССР и США.

Демонизация граждан России и США носит вполне конкретный и доходчивый характер. Перефразируя Д. Киселёва, можно сказать, что «в перекресток прицела» огнестрельного оружия легко взять как «россиянина», так и «американца».

СССР и США как общественные системы находились под прицелом межконтинентальных баллистических ракет (МБР), запрятанных где-то глубоко под землей в хорошо замаскированных пусковых шахтах. И это обстоятельство, возможно, в немалой степени способствовало тому, что идеологическое противостояние между СССР и США закончилось без «единого применения» ядерного и какого-либо другого оружия.

С антиамериканизмом все обстоит существенно сложнее. В качестве отправной посылки для понимания специфики антиамериканских настроений в России можно взять высказывания Н. Злобина о том, что «мы живем в американизированном до предела мире» и «мир сегодня настолько американский, каким он не бывал никогда» [Киселёв, Злобин, с. 307]. С рубежа 1980–1990-х годов, когда в мире стали полным ходом развиваться процессы глобализации, многие исследователи прямо заговорили о том, что глобализация – это не более чем эвфемизм для американизации мира, для превращения США в глобального гегемона. Уже в начале XXI в. японский специалист-международник Ё. Симэмура писал, что «более радикальные критики гомогенизации мировой культуры считают глобализацию формой «культурного империализма», утверждая при этом, что идущая под руководством США глобализация подрывает местные и религиозные культуры и стимулирует распространение американских товаров массового потребления и американского образа жизни в каждом уголке Земного шара. Они указывают при этом, что Америка навязывает американские стандарты, т.е. американскую систему ценностей, с её упором на права человека, демократию и свободную конкуренцию» [Shimemura, p. 81].

С начала 1990-х годов Россия превратилась в своего рода «общенациональный центр по изучению США», последовательно пройдя стадии постижения Америки, на-

чиная от «поверхностной» романтической влюбленности в нее и кончая знакомством с ее цивилизационной «стервозной сущностью» [Киселёв, Злобин, с. 172–173]. В ходе этого углубленного знакомства с американским образом жизни и менталитетом выявилась одна достаточно удивительная особенность Америки, своего рода парадокс, состоящий в том, что самыми большими в мире антиамериканцами являются сами американцы! И Н. Злобин вольно или невольно признает это, делая особый акцент на том, что «и «Уотергейт», и «Левински-Клинтон», и «Иран-контрас», и офшоры в Панаме, и арабские связи семьи Клинтон, – все эти и многие другие скандальные сюжеты раскопаны именно американскими журналистами. Все плохое, что мир знает об Америке, он знает благодаря американской журналистике» [Киселёв, Злобин, с. 186] (выделено мной – *В.В.*).

Фактически современный антиамериканский настрой российских СМИ не является антиамериканизмом, заимствованным из советского прошлого. Он скорее стал разновидностью «плагиата», вследствие которого «розово-гламурные» картинки американского образа жизни были заменены на «очерняющие» США материалы, публикуемые в самих США.

Тот факт, что антиамериканизм широко распространен в мире, подтверждают результаты опроса общественного мнения, проведенного социологической службой Pew Research Center в 25 странах весной 2018 г. и опубликованные осенью того же года. Положительно к США (с рейтингом одобрения свыше 50% опрошенных респондентов в каждой стране) относятся в 50% стран, отрицательно (с рейтингом одобрения ниже 50%) – в 43% стран. При этом самым большим парадоксом стало то, что хуже всего к Соединенным Штатам относятся их ближайшие соседи – Мексика и Канада (соответственно 32% и 39% положительно относящихся к США) [Trump's... р. 3, 6].

Результаты этого опроса имеют фундаментальный политический и культурно-социологический смысл. Они означают, что чем ближе внешний мир знакомится с американской цивилизацией, чем глубже он проникает в ее сущность, тем большее отторжение начинает вызывать Америка, тем в большей степени среди населения различных стран, включая политические элиты, начинают расти антиамериканские настроения.

«Бойтесь данайцев, даже дары приносящих»

В заключение остановимся более подробно на методологии и далеко идущей направленности аргументов Н. Злобина. Нет смысла разбирать каждый из его тезисов, содержащих критику различных сторон жизни современного российского общества, внешнюю и внутреннюю политику российского руководства, – при всей, на первый взгляд, справедливости многих из них. Правда, некоторые рассчитаны на малоинформированных читателей и имеют сугубо «внутреннее» российское прочтение. Не следует забывать, что Злобин тоже является умелым пропагандистом, достаточно хорошо ориентирующимся в лабиринтах «загадочной» российской ментальности.

Так, он с пафосом восклицает: «Вот я, живя в Америке, не могу себе представить, чтобы президент Обама или Трамп проводили прямую линию, где им бы звонили и говорили: «Проведите газ в нашу деревню, господин президент! Мы тут замерзаем!» Или просили выкопать наконец колодец, или построить детскую площадку. Это же абсурд!» [Киселёв, Злобин, с. 413]. Однако Н. Злобину можно напомнить эпизод с водным кризисом в г. Флинт (шт. Мичиган), разразившимся в 2014 г. и вызвавшим огромный резонанс в США. С 2014 г. в систему питьевого водоснабжения этого городка вследствие многих факторов стала поступать вода с огромным содержанием свинца, вызывающего серьезные заболевания легких, нервной системы и органов пищеварения. Бездействие местных властей и их финансовые трудности привели к тому, что жители городка напрямую обратились в Белый дом. По личному распоряжению Б. Обамы в январе 2016 г. для ликвидации загрязнения в системе питьевого водоснабжения г. Флинт было выделено 5 млн долл. из федерального бюджета [Flint Water...], а в начале мая 2016 г. Б. Обама лично посетил г. Флинт, дабы на месте удостовериться в действенности принятых мер, и даже демонстративно выпил стакан очищенной по новой технологии воды из системы водоснабжения [Libby]. Так что насчет «выкопать новый колодец» – с поправкой на американскую специфику, – это не только про российского президента.

«Ручное управление» американским бизнесом (как средним, так и крупным) стало отличительной особенностью стиля руководства экономикой со стороны Д. Трампа. В 2016 г. во время избирательной кампании он призвал своих сторонников бойкотировать продукцию корпорации Apple за то, что она переносит производство в Китай, а в январе 2018 г. позвонил председателю совета директоров Apple Т. Куку и лично поблагодарил его за обнародованные в начале 2018 г. планы корпорации инвестировать в американскую экономику 350 млрд долл. [Balakrishnan]. Так что уделять внимание детским площадкам или многомиллиардным инвестициям в экономику – это проблема президентских приоритетов, хотя в иные времена *детские площадки могут оказываться* гораздо важнее *планов крупного бизнеса* по возвращению производственных мощностей из-за океана.

Где-то в середине диалогов Н. Злобин достаточно откровенно обрисовал конечную цель своей линии дебатов с Д. Киселёвым: побудить его (а заодно и российское руководство) принять «эффективный конвейер американской государственной власти и поставить его у себя»: «Так вот, государство – это тот же конвейер Форда. Это структура, институт, функция. Ничего сакрального тут нет. Это не какой-то миф, не загадка. Это конкретная системная функция. Мы, американцы, создали почти идеальное на сегодняшний день государство. Оно функционирует независимо от того, какой человек занимает офис в Белом доме. Защита от дурака, разные балансы и сдержки – все это есть. Ну так возьмите это государство, как вы уже взяли наши лекарства, витамины, конвейер Форда, айпад, телефон, компьютер» [Киселёв, Злобин, с. 192].

Иными словами, идеологические установки США (и «коллективного Запада») в отношении России в ходе информационной войны 2.0 остаются теми же, что и в ходе информационной войны с Советским Союзом. Холодная война закончилась распадом СССР именно потому, что его руководство на рубеже 1980–1990-х годов попыталось принять

американизированную политическую и государственную систему. По существу, правящие круги США сейчас не скрывают, что наиболее желательным для них исходом информационной войны 2.0 должен стать «распад России» [Bugajski]. Поэтому нельзя не согласиться со Н. Злобиным, который, подводя итоги своей идейной дуэли с Д. Киселёвым, заявил: «...мы, к сожалению, обречены на относительно долгий период конфронтационной внешней политики», поскольку «мы уже никогда не вернемся к той политической эйфории и тем отчасти наивным проектам глобального переустройства, которые сложились после окончания холодной войны и распада СССР» [Киселёв, Злобин, с. 445]. Информационное противостояние России и «коллективного Запада», видимо, будет носить длительный характер, а по накалу и остроте во многих отношениях будет даже превосходить идейное противоборство между СССР и США в период холодной войны.

Литература

- Васильев В.С.* Меняющаяся Америка: размышления над «Империей свободы» Н. Злобина // Перспективы. Электронный журнал. 2017. №1(9). С. 101–109. – URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/b15/1_2017.pdf (дата обращения: 18.02.2019).
- Васильев В.С.* Анатомия трампа: команда 45-го президента США. // Перспективы. Электронный журнал. 2017. №3(11). С. 52–62. – URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/772/3_2017_2_.pdf (дата обращения: 18.02.2019).
- Киселёв Д., Злобин Н.* Киселёв vs Zlobin. Битва за глубоко личное. М. 2019.
- About RT // RT. Question More. – URL: rt.com/about-us/ (date of access: 18.02.2019).
- Andrews A.* The Butterfly Effect: How Your Life Matters. Naperville. 2009.
- Balakrishnan A.* Trump says he called and thanked Tim Cook after Apple revealed its US investment plan // CNBS. Jan 19 2018. – URL: cnbc.com/2018/01/18/trump-called-and-thanked-ceo-tim-cook-after-apples-jobs-announcement.html (date of access: 18.02.2019).
- Bugajski J.* Managing Russia's dissolution // The Hill. 01.09.19. – URL: thehill.com/opinion/national-security/424511-managing-russias-dissolution (date of access: 18.02.2019).
- Congressional Research Service. Information Warfare: Issues for Congress. March 5, 2018. R45102. II + 16 pp.
- Flint Water Crisis Fast Facts // CNN. December 6, 2018. – URL: edition.cnn.com/2016/03/04/us/flint-water-crisis-fast-facts/index.html (date of access: 18.02.2019).
- Ghys É.* The Lorenz Attractor, a Paradigm for Chaos // Chaos. Poincaré Seminar 2010. Basel, Springer. 2013. Pp 1–54.
- Grunwald M.* How Everything Became the Culture War // Politico Magazine. November/December. 2018. – URL: politico.com/magazine/story/2018/11/02/culture-war-liberals-conservatives-trump-2018-222095 (date of access: 18.02.2019).
- Huntington S.* A Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. Summer 1993. Pp. 22–49.
- Is There A Culture War? Transcript // Pew Research Center. Religion & Public Life. May 23, 2006. – URL: pewforum.org/2006/05/23/is-there-a-culture-war/ (date of access: 18.02.2019).
- Libby N.* Why President Obama just drank the water in Flint // Vox. May 4, 2016. – URL: vox.com/2016/5/4/11591894/obama-flint-water (date of access: 18.02.2019).
- Migration Policy Institute. U.S. Immigrant Population and Share over Time, 1850–2017. – URL: migrationpolicy.org/programs/data-hub/charts/immigrant-population-over-time (date of access: 18.02.2019).

Office of the Director of National Intelligence. Background to «Assessing Russian Activities and Intentions in Recent US Elections»: The Analytic Process and Cyber Incident Attribution. ICA 2017–01D. 6 January 2017.

Passel J., Suro R. Rise, Peak, AND Decline: Trends in U.S. Immigration 1992–2004. Pew Hispanic Center. Report. September 27, 2005. – URL: pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/5/reports/53.pdf (date of access: 18.02.2019).

Scher B. The Culture War President // Politico Magazine. September 27, 2017. – URL: politico.com/magazine/story/2017/09/27/trump-culture-war-215653 (date of access: 18.02.2019).

Shimemura Yo. Globalization vs. Americanization: Is the World Being Americanized by the Dominance of American Culture // Comparative Civilizations Review. Fall 2002. Pp. 80–91.

Trump's International Ratings Remain Low, Especially Among Key Allies. Most still want U.S. as top global power, but see China on the rise. Pew Research Center. October 1, 2018.

Willick J. The Man Who Discovered 'Culture Wars' // The Wall Street Journal. May 25, 2018. P. 7.

Willms St., Werner M. The Lorenz Attractor. Theory of strange Attractors and the chaotic Butterfly-Effect. Proseminar ITP – 15.07.15. Leibniz Universität Hannover. 2015.

Wilson M. Russian news outlet Sputnik registers with DOJ as foreign agent // The Hill. 11.17.17. – URL: thehill.com/business-a-lobbying/business-a-lobbying/360912-russian-news-outlet-sputnik-registers-with-doj-as (date of access: 18.02.2019).

DOI 10.32726/2411-3417-2019-1-20-37

УДК 327

ЕКАТЕРИНА НАРОЧНИЦКАЯ

Украинский конфликт и Крым: испытание французской дипломатии

Аннотация. Франция оставалась в стороне от американских и европейских проектов, которые внесли решающий вклад в генезис украинского конфликта. Но она пассивно солидаризировалась с линией Евросоюза – и оказалась своего рода «заложницей» драматических последствий чужих интересов и концепций. Новая диспозиция девальвировала усилия и достижения Пятой республики в отстаивании своего видения европейской и мировой архитектуры. Опасаясь маргинализации, Франция включилась в события, инициировав – в рамках коллективной западной линии – «нормандский процесс» урегулирования. Однако в логике евроатлантической парадигмы, которую Париж принял для себя в украинском конфликте, поле для маневра у него минимально.

Ключевые слова: внешняя политика Франции, российско-европейские отношения, Восточное партнерство, украинский конфликт, санкции, «нормандский процесс», Э. Макрон, урегулирование конфликта на Украине.

«Крымская весна» 2014 г. на фоне нелегитимной смены власти в Киеве и разворачивающейся гражданской войны на Украине, как известно, стала рубиконом в отношениях между Россией и Западом. Воссоединение Крыма с Россией в принципе имеет собственную основу, не зависящую от перипетий сегодняшней украинской истории. Вместе с тем актуализация этой основы, ее воплощение в политическую реальность и международный резонанс этого акта оказались тесно связаны с процессами на Украине и вокруг нее. Анализировать международное восприятие крымской проблемы и ее место в современной мировой политике вряд ли возможно в отрыве от украинского узла.

Противоречия вокруг крымских и украинских событий вернули отношения Россия–Запад в режим конфронтации, дав импульс деградации всей системы общеевропейского и международного сотрудничества. Из этого, однако, не следует, что «новая холодная война» порождена Крымом и украинским конфликтом. Напротив, пертурбации на Украине, с их крымским продолжением, сами являются продуктом геополитических и мировоззренческих противоречий не только и не столько украинского, сколько международного масштаба, конфронтационных тенденций и проектов предшествующих

Сведения об авторе: НАРОЧНИЦКАЯ Екатерина Алексеевна – ведущий научный сотрудник Института Европы РАН, директор Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, главный редактор журнала и портала «Перспективы», кандидат исторических наук; ye_naroch@inbox.ru.

лет. События 2014 г. стали «часом истины» и спусковым крючком, назревавшего в российско-американских и российско-европейских отношениях не один год.

Линия Франции в крымском и украинском вопросах представляет особый интерес как минимум по двум причинам. Во-первых, речь идет о крупной стране, традиционно претендующей на неординарную миссию в европейской и мировой дипломатии, к тому же долгое время приверженной привилегированным отношениям с Россией. Во-вторых, французский политический класс и французское экспертное сообщество являют один из самых если не самый яркий пример неоднозначного восприятия крымской и украинской тем на Западе, заметно расходящегося с правительственным курсом. В данной статье анализируется главным объектом официальная политика Франции, в том числе ее роль в генезисе украинских событий 2014 г.; дилеммы, которые они создали для французской дипломатии; мотивация, содержание и значение ее позиций по различным аспектам крымского и украинского досье.

На пути к украинскому кризису

В историческом ракурсе французский подход к украинским событиям лишен специфического «шлейфа», который имеется, например, у германской политики, не говоря уже об амбициях Польши, для которой земли современной Украины веками были территорией ее исторических притязаний. Германия еще в конце XIX – начале XX вв. строила планы геополитической реконфигурации Mitteleuropa под своей эгидой, поощряя центробежные тенденции в западных и «малороссийских» губерниях Российской империи. А в 1918 г., сразу после подписания Брестского мира, немецко-австрийские войска поспешили занять значительную часть современной Украины, поддерживая Центральную Раду против других самопровозглашенных правительств революционного времени. Подобный опыт геополитической вовлеченности и особых замыслов в отношении данного пространства у французов отсутствовал. В годы Гражданской войны в России Франция в наименьшей степени из держав Антанты делала ставку на территориальное раздробление российского государства.

В наше время, после распада СССР, Французская Республика, в отличие от США, Германии, Польши, балтийских государств, тоже не стремилась влиять на внутриукраинские дела. А вот ее роль в международных разногласиях вокруг геополитического статуса постсоветской Украины, имеющего критическое значение для общего международного баланса, была гораздо существеннее – до определенного момента.

Франция, которая в 1966 г. вышла из военной организации НАТО и вернулась туда лишь 42 года спустя, возглавила оппозицию экспансии Атлантического блока вглубь постсоветского пространства. Отношение французских элит к атлантизму всегда было противоречивым и более настороженным, чем в других европейских странах альянса. К тому же французы, в силу собственного исторического опыта, державного статуса и военно-стратегического мышления, лучше многих понимали, что вытеснение России с территории ее исторического становления, как и приближение к ней военной инфра-

структуры НАТО, подрывают российские экзистенциальные интересы, что оно чревато издержками и проблематично в принципе.

Несмотря на отчетливый евроатлантический тренд последних десятилетий, во Франции не исчезло тяготение к стратегическому сотрудничеству с Россией, имеющее давние корни и рационально-прагматического, и ментально-духовного порядка. Тем более сохранило позиции понимание ценности сильной России для сбалансированности европейской и мировой конфигурации, для многополярного мира, модель которого привлекает французов гораздо больше, чем *Rex Americana* или американо-китайское доминирование.

Хотя качество российско-французских и в целом российско-европейских отношений 1990–2000-х годов было далеко от «стратегического партнерства», в качестве идеала взаимодействия этот концепт влиял на повестку дня. Франция, при поддержке Германии, Италии и ряда других стран, составляла противовес открыто антироссийским устремлениям внутри Евросоюза и в политике США. На Бухарестском саммите НАТО 2008 г. этой группе государств удалось не допустить предоставления Украине официального статуса кандидата на вступление в Североатлантический альянс. В острый момент вооруженного конфликта в Закавказье в августе 2008 г. Н. Саркози от имени ЕС успешно выступил в роли посредника между Западом и Россией.

Курс на экономический отрыв Украины от России и Таможенного союза также не вдохновлял французов. Серьезных экономических интересов там у них не было: в 2013 г. Украина занимала 54-е место во французском экспорте и 67-е – в импорте; число французских производственных объектов на ее территории составляло в 2010 г. порядка 50 против примерно 800 немецких [Latsa, p. 288, Chevènement].

Поскольку основополагающим приоритетом французских политических элит в последние десятилетия стал интеграционный проект Европейского союза, они согласились с расширением ЕС в Центрально-Восточной Европе (ЦВЕ) и в целом поддержали политику распространения его влияния на постсоветское пространство. При этом определение восточной стратегии Евросоюза Франция предоставила другим – Европейской комиссии, Германии, Швеции, странам «новой Европы» с их антироссийскими фобиями, жадой реванша и региональными амбициями. Такое «разделение труда» сложилось еще со времен Ж. Ширака, когда в ЕС была запущена Европейская политика соседства, охватывавшая в том числе Украину. Программа Восточного партнерства (ВП), которая дополнила американскую политику на Украине и внесла лепту в назревание гражданской войны, курировалась Польшей и Швецией под опекой Германии.

Формально программа Восточного партнерства предполагала лишь развитие сотрудничества с восточными соседями и не была направлена против России, но подлинные задачи отличались от декларативных. Авторитетный историк, постоянный секретарь Французской академии Э. Каррер д'Анкокс публично рассказывала, в том числе на слушаниях в Сенате, что польский президент А. Квасьневский в личной беседе с ней не скрывал истинного настроения Польши (разговор шел при свидетелях): «Мы тут для того,

чтобы забрать Украину в Европейский союз, после чего граница с Россией может закрыться чем-то вроде нового железного занавеса!» [La crise ukrainienne...; Les relations avec...]

Н. Саркози, продвигавший в ЕС средиземноморские проекты, не скрывал своего сдержанного отношения к Восточному партнерству. Однако единственным аспектом этой программы, который французская дипломатия не отдала полностью на волю брюссельской бюрократии и партнеров, был вопрос о восточной границе Евросоюза. Острые дебаты, развернувшиеся на Варшавском саммите ВП 2011 г., писал позже французский дипломат, посол Филипп Лефор, сделали очевидным, что формула ВП «изначально прикрывала глубокие разногласия государств-членов в отношении...будущей судьбы пространства между Балтийским и Каспийским морями. В представлении меньшинства, в основном из Восточной и Северной Европы... границу Союза следовало провести между Украиной и Россией... Для большинства [во главе с Францией. – Е.Н.] такая перспектива была неприемлемой» [Lefort, p. 110].

Во французском истеблишменте сложилось твердое убеждение, что Евросоюз достиг предела расширения, за которым сколько-нибудь эффективное функционирование невозможно. К Украине, с почти 50-миллионным населением, это относилось в первую очередь. Кроме того, разрастание восточного фланга ЕС было невыгодно Франции с точки зрения внутренней структуры Евросоюза. Оно неминуемо повысило бы влияние центрально-восточноевропейской группы в ЕС, а также объединившейся Германии, на доминирование которой в ЕС французы и без того давно смотрят с тревогой и ревностью. Кроме того, понимая неоднородность Украины, ее вплетенность в русскую историю и значение для России, Н. Саркози и часть его администрации во главе с премьер-министром Ф. Фийоном считали контрпродуктивным пытаться полностью вырвать Украину из российской орбиты. Явная враждебность таких проектов российским жизненно важным интересам и их волюнтаризм не вписывались во французское видение российско-европейских отношений. «Украина должна сохранять свое положение моста между Европой и Россией, – повторял уже в 2015 г. Н. Саркози. – Предназначение Украины не в том, чтобы входить в Европейский союз и НАТО» [цит. по: Vitkine].

В 2008 г. именно Н. Саркози, председательствовавший тогда в ЕС, предложил в качестве альтернативы включению Украины в Евросоюз и НАТО заключить с ней договор об ассоциации с ЕС. При этом разработка документа была отдана на откуп Европейской комиссии и антироссийски настроенным новым членам ЕС – «спонсорам» Восточного партнерства. Позже, когда внутриукраинский раскол стал явью, множество французских экспертов и политиков указывали на «ответственность» либо «ошибки» брюссельских инстанций, готовивших договор с Украиной [см.: Нарочницкая Франция и украинский...].

Со своей стороны, Франция и не пыталась воздействовать на европейскую концепцию экономической ассоциации с постсоветскими республиками. Во всяком случае, никаких открытых данных на этот счет нет. Это подтверждается словами бывшего министра Ж.-П. Шевенмана: «Мне неизвестно... обсуждал ли вообще Европейский совет вопрос

[ассоциацию с Украиной. – Е.Н.] содержащий в зародыше самый серьезный геополитический кризис Европы со времен кризиса евrorакет 1982–1987 гг.» [Chevènement].

«Нынешний украинский кризис, – напоминал Ж.-П. Шевенман, выражая мнение многих французских аналитиков, – был предсказуем начиная с «оранжевой революции» 2004 г. и первой попытки вовлечь страну в НАТО в 2008 г. Этого кризиса можно было избежать. Достаточно было, чтобы Европейский союз в момент запуска программы Восточного партнерства в 2009 г. задал формат договора об ассоциации с Украиной, совместимый с поставленной в 2003 г. задачей стратегического партнерства между ЕС и Россией – созданием пространства свободного обмена «от Лиссабона до Владивостока». Потребовалось бы, разумеется, принять во внимание интегрированность украинской и российской экономики. Тем самым Евросоюз не дал бы сделать из себя инструмент в руках адвокатов распространения НАТО все дальше на восток» [Chevènement].

Задавалась ли в принципе французская дипломатия вопросом, как вписать ассоциацию с Евросоюзом ближайших союзников России в концепт Большой Европы, интерес к которому проявляли все французские президенты со времен де Голля вплоть до конца 2000-х годов? Если нет, то сколько-нибудь последовательный поиск формулы партнерских отношений с Россией не велся. Помимо общепризнанной импульсивности Н. Саркози, последовательности не могли не мешать разногласия внутри французского истеблишмента, в правящей партии и правительственной команде. Ф. Фийону и отчасти Н. Саркози импонировала логика голлизма, с ее вниманием к историческим реальностям и убеждением в ценности партнерства с «великой Россией». Но она была совершенно чужда, например, Б. Кушнеру, занимавшему в 2007–2010 гг. пост министра иностранных дел, – врачу по образованию, выходцу из левоцентристской среды, который к тому же был известен своим дипломатическим непрофессионализмом и при котором опытные дипломатические кадры часто оттеснялись от решения профильных вопросов.

У Ф. Олланда, сменившего Н. Саркози в 2012 г., в принципе не было мотивов подвергать сомнению правильность восточной стратегии Брюсселя. Его стандартное для представителя леволиберальной среды внешнеполитическое кредо строилось на комбинации краткосрочного прагматизма с догмами европейской интеграции, продвижения демократии и прав человека в их сегодняшнем либертарном понимании. Ни склонностью к «большой» международной политике, ни особым интересом к партнерству с Россией, ни знанием реалий постсоветских государств он не отличался. Что же касается расширения НАТО, то президент Олланд неоднократно подтверждал свое отрицательное отношение к атлантической интеграции Украины, которое является для французского политического класса предметом консенсуса.

Конкретика восточной политики ЕС тем временем оставалась за кадром французских интересов. Детальная проработка так называемой «углубленной всеобъемлющей зоны свободной торговли и ассоциации» с восточными партнерами находилась в руках Европейской комиссии и курировалась европейским комиссаром от Чехии Штефаном

Фюле. Украину поставили перед альтернативным выбором: или торгово-экономическая ассоциация с ЕС – или участие в евразийском Таможенном союзе.

Когда вслед за отказом В. Януковича подписать в таком виде договор ассоциации с ЕС в Киеве стартовали беспорядки, официальный Париж трактовал (а возможно, и воспринимал) эти события в черно-белой гамме, в которой их представляли западные СМИ, – как вдохновляемое тягой к демократии и европейским ценностям народное восстание против коррумпированного режима и «шантажа» Москвы. То, что реально происходило тогда в украинской столице и в разных частях страны, где разгорались очаги смуты и гражданской войны, было или не замечено, или недооценено, или проигнорировано.

Между тем, некоторые французские эксперты и политики предупреждали, что ситуация с Украиной «в реальности гораздо сложнее» и что ее надо срочно выводить из тупика. «Ничего нет опасней для Украины, чем быть вынужденной делать альтернативный выбор между Востоком и Западом», – предупреждал в декабре 2013 г. директор аналитического центра «Обсерво» при Франко-российской торгово-промышленной палате Арно Дюбьен, добавляя, что в украинскую оппозицию входят «люди...чья идеология априори должна была бы их дискредитировать и побудить западные СМИ быть гораздо осторожнее в оценке происходящего...» [Dubien].

Тем не менее Ф. Олланд, как и остальные главы европейских государств и правительств, не прибыл на последний саммит Россия – ЕС, предоставив вести переговоры с В. Путиным высшим чиновникам Евросоюза Ж.-М. Баррозу и Х. Ван Ромпею. Путин предложил рассмотреть варианты технико-экономического решения, которое позволило бы Украине находиться одновременно в зоне свободной торговли с ЕС и в Таможенном союзе. Баррозу и Ван Ромпей отказались даже обсуждать это, под предлогом того, что содержание договора об ассоциации есть суверенное дело Украины [Chevènement]. И это несмотря на то, что В. Янукович еще в конце 2013 г. высказался за создание трехсторонней европейско-украинско-российской комиссии как раз для согласования проблемных аспектов этого договора.

Франция оставалась в основном в стороне от игры, которую на стадии приближения украинского кризиса вели американцы, заинтересованные члены ЕС и брюссельский аппарат. Но она пассивно солидаризировалась с общей линией Евросоюза – и оказалась заложницей ее последствий. «Воспламенение Украины» с ноября 2013 г. явилось для французской дипломатии неожиданностью: «...мы ничего не предвидели», – признался тогдашний посол в Киеве Филипп де Сюрмен [Marchand]. Более того, украинский переворот, связанный, как вскоре выяснилось, с планами атлантической интеграции Украины, девальвировал мнение и усилия французской дипломатии по такому капитальному вопросу, как пределы расширения НАТО. Создавшийся расклад, к которому Франция не имела прямого отношения, маргинализировал, оттеснял ее на второй план большой европейской политики. Оказались во многом сведены на нет предыдущие достижения Пятой республики в отстаивании своего видения и влияния на ключевые параметры международной архитектуры.

Испытание «нормандского формата»

Среди многочисленных американских и европейских представителей высокого ранга, которые открыто поддерживали Евромайдан еще в декабре 2013 – январе 2014 г., французов, насколько известно, не было. Но когда обострение в Киеве достигло пика, в Париже сочли невозможным оставаться в тени, особенно на фоне активности Германии. Впрочем, Ф. Олланд, погруженный в экономические вопросы, малийский кризис и сирийские дела, на несколько месяцев предоставил принимать решения по украинскому досье министру иностранных дел Л. Фабиусу.

20 февраля Л. Фабиус прибыл в украинскую столицу, где вместе с министрами иностранных дел Германии и Польши участвовал от имени ЕС в переговорах между правительством и оппозицией. Франция выступила одним из гарантов соглашения с В. Януковичем от 21 февраля, которое подписал, вопреки ошибочному стереотипу, не Фабиус, а директор отдела континентальной Европы МИД Эрик Фурнье. После чего европейская тройка покинула Киев, предоставив оппозиции свободу действий. Теоретически ее миссия, писал профессор страсбургского Института политических наук Ж.-К. Ромер, давала шанс урегулировать кризис, но «Франция, похоже, не поняла всю важность этой диспозиции, тогда как «треугольник» («веймарский треугольник» в составе Франции, Германии и Польши. – Е.Н.) представлял идеальный формат для возобновления переговоров с Россией – хотя бы ради того, чтобы избежать маргинализации Франции» [Romer, p. 10].

Через несколько дней, последовав примеру США, Германии, Польши и ряда других государств, Франция – в нарушение соглашения от 21 февраля – признала законной неконституционную смену власти в Киеве. Политика нового режима, отмена статуса русского языка, политическое возвышение радикальных националистических группировок и их произвол, объявление «антитеррористической операции» против несогласных с переворотом критике не подвергались. Напротив, действия не признавшей майданную власть части населения Украины, референдум 16 марта в Крыму и присоединение Крыма к России, а также провозглашение ЛНР и ДНР встретили резкое осуждение. Ф. Олланд был в числе западных руководителей, которые еще 4 марта 2014 г., сразу после пресс-конференции В. Путина о ситуации на Украине, выразили намерение ответить на крымский референдум антироссийскими санкциями. Вину за обострение ситуации в восточной Украине и ее переход в стадию вооруженного противостояния Париж, так же как США и ЕС в целом, возложил на Россию.

Франция поддержала исключение России из «большой восьмерки», отмену саммитов ЕС – Россия, прекращение переговоров Евросоюза о новом варианте базового Соглашения о партнерстве и сотрудничестве с РФ и в целом приняла участие в антироссийских санкциях всех уровней, введенных Евросоюзом, Советом Европы и иными структурами с французским участием.

Крайне болезненную для французов дилемму в контексте санкций создавала ситуация с «Мистралями». Подписанный в 2011 г. контракт на строительство двух верто-

летоносцев типа «Мистраль» для российского флота был находкой для французского кораблестроения, страдавшего от недозагрузки мощностей и безработицы. Для России главную ценность представлял политико-символический аспект сделки. Впервые крупная западная держава продавала РФ сложную, технически передовую военную технику – как нормальному международному контрагенту, если не союзнику. Это реальное подкрепление риторики о стратегическом партнерстве далось Н. Саркози непросто. В Атлантическом союзе, ЕС и самой Франции этот проект с самого начала столкнулся с неодобрением сторонников жесткой линии в отношении «путинской России». Во французском военном руководстве он получил зеленый свет лишь после того, как Жан-Луи Жоржелена на посту начальника генерального штаба сменил Эдуар Гийо.

На фоне крымских событий 2014 г. контракт на «Мистрали», к тому времени полностью оплаченный Россией, мгновенно попал под прицел жесточайшей критики. США, Великобритания, Германия, инстанции ЕС и множество влиятельных фигур призывали французское руководство разорвать его, нередко в патетическом и ультимативном тоне¹. О давлении, которое по разным линиям оказывалось за кадром публичной политики, остается только догадываться. Американский суд оштрафовал один из крупнейших банков Франции BNP-Paribas почти на 9 млрд долл. [BNP Paribas...], используя в качестве предлога давние операции банка с контрагентами в Судане, Иране и на Кубе. После столь устрашающего «урока» французские банки в массовом порядке начали отказываться от финансирования любых проектов с российскими партнерами.

Ф. Олланд приостановил запланированную на сентябрь 2014 г. передачу России первого корабля, на котором уже находился российский экипаж, но еще несколько месяцев медлил с окончательным решением. Во Франции развернулась острая полемика. Сторонники контракта апеллировали к тому, что санкции против РФ, введенные в ответ на присоединение Крыма, не могут распространяться на ранее заключенные сделки, а нарушение обязательств обернется для Франции колоссальными материальными и морально-политическими потерями. Проведенное в январе 2015 г. социологическое исследование показало явно негативное отношение французов к разрыву контракта. Подавляющее большинство считало, что такой шаг нанесет серьезный ущерб национальному судостроению (77 %); подрвет позиции Франции на рынке вооружений (69%); повредит ее международной репутации (56%); не окажет положительного влияния на урегулирование украинского кризиса (75%); 64% четко высказались за поставку «Мистралей» России [Français, la perception du conflit... p. 9–10]. Тем не менее в апреле 2015 г. Олланд объявил об одностороннем расторжении контракта. К тому времени французам удалось договориться с Россией о минимизации своих материальных потерь (принципиальное согласие, по некоторым данным, было достигнуто в период заключения второго Минского соглашения).

1 «Франция обязана немедленно прекратить поставку двух вертолетоносцев «Мистраль», – требовал председатель фракции Европейской народной партии в Европарламенте Манфред Вебер. – ...совершенно невыносимо, чтобы Франция продолжала ... обучать российских солдат управлению ими» [цит. по: Ducourtieux].

Особая роль Франции на украинском направлении связана с созданием четырехстороннего «нормандского формата» переговоров по урегулированию конфликта в составе Франции, Германии, России и Украины. Не поддерживая призывы к полной «международной изоляции» России, Ф. Олланд пригласил В. Путина на празднование в июне 2014 г. юбилея высадки союзников в Нормандии, где присутствовал и новоизбранный президент Украины П. Порошенко и где, вопреки неодобрению со стороны Б. Обамы, не пожелавшему присоединиться к французскому начинанию, родилась «нормандская четверка». В общей сложности при Ф. Олланде в «нормандском формате» состоялось пять саммитов, несколько телефонных переговоров на высшем уровне и 14 встреч на уровне глав или представителей МИД.

Плодом именно «нормандского процесса» стало второе (основное) Минское соглашение, официально именуемое «Комплекс мер по выполнению Минских соглашений» (то есть протокола, подписанного 5 сентября 2014 г. трехсторонней контактной группой в составе представителей Украины, России и ОБСЕ). Второе Минское соглашение было согласовано на саммите «нормандской четверки» 11–12 февраля 2015 г. в результате 17-часовых переговоров, после чего подписано трехсторонней контактной группой и представителями ДНР и ЛНР. Минские договоренности снизили интенсивность боевых действий, предотвратили дальнейшую эскалацию и неизбежную в этом случае интернационализацию вооруженного конфликта на Юго-Востоке Украины. С немалым трудом удалось добиться их одобрения Советом Безопасности ООН, преодолев скрытое противодействие США и Великобритании. Минские соглашения являются единственным формально признанным всеми «игроками» планом разрешения конфликта. Однако, трактуемые противоборствующими сторонами по-разному, они остаются невыполненными, а их способность быть основой политического урегулирования на Украине многими аналитиками подвергается сомнению.

Как бы то ни было, «нормандский процесс» оказался одним из достижений посредственной дипломатии Ф. Олланда. Франция в какой-то мере подтвердила свою миссию посредника между Западом и Востоком в кризисных ситуациях. В отличие от прошлого, важнее всего для Парижа было то, что «нормандский формат» позволил ему выступать на равных с Берлином, укрепить образ франко-германского тандема как лидирующей силы в ЕС, потеснив на украинском направлении «новую Европу» во главе с Польшей. Иницировав «нормандский формат», Ф. Олланд не стремился единолично играть автономную роль в украинском урегулировании. Напротив, французы действовали строго в координации с немцами, в том числе в дипломатических контактах с Киевом. По сути «нормандская четверка» была франко-германским проектом, в котором А. Меркель исполняла не менее важную если не первую партию, согласуя к тому же ключевые шаги с Б. Обамой.

«Нормандскую» инициативу Парижа представляли как проявление если не голлистской, то «голлисто-миттерандистской» относительно независимой политики в украинском конфликте¹. Изъян этой трактовки в том, что она исходит из узко-процедурного ракурса,

1 Такое мнение высказал, например, директор парижского Института международных и стратегических исследований Паскаль Бонифас, выступая 15 декабря 2015 г. в аналитическом центре «Обсерво» при Франко-российской торгово-промышленной палате в Москве.

игнорирующего содержательную составляющую политики. «Нормандский процесс», при всей его значимости, – это всего лишь переговорный механизм плюс достигнутый в его рамках нечеткий, а главное, поверхностный компромисс. И он далеко не компенсирует остальные аспекты французской роли в связи с украинской драмой и ее капитальными последствиями. На стадии назревания украинского раскола, в интерпретации событий, оценке действий сторон – во всем этом курс Франции в конечном счете вписался в общую линию НАТО и ЕС. Во многом поэтому «нормандский формат» и не позволил добиться почти ничего, кроме полузамораживания конфликта, а в последующем забуксовал.

Показательно, что на пике успеха «нормандского процесса» в 2015 г. 63 % французов были удовлетворены степенью присутствия своей страны в переговорах по урегулированию украинского кризиса, но лишь 49% считали роль Франции в урегулировании конфликта достаточно эффективной [Français, la perception du conflit, p. 7].

В полной мере Париж участвовал в санкционном давлении на Россию. Правда, подобно представителям Австрии, Венгрии, Италии, Чехии, Греции, Кипра и некоторых других стран ЕС, французские лидеры неоднократно высказывались против автоматического продления санкций, за их пересмотр и снятие. Но при каждом голосовании в Европейском совете они, как и остальные, соглашались с продлением или даже расширением санкционных мер. Этот парадокс принято объяснять зависимостью прежде всего от США, системы Евросоюза, Германии как лидера ЕС...

Американский фактор, конечно, играет немалую роль. Например, в евроатлантических инстанциях представителям Франции не удавалось провести отличную от американской точку зрения по украинской теме, хотя – и на это тоже стоит обратить внимание – они пытались это сделать. Раздражение французских военных прорвалось наружу на слушаниях в Комитете по обороне и вооружениям Национального собрания Франции 25 марта 2015 г. Глава управления военной разведки генерал Кристоф Гомар тогда заявил: «Я помню, как на одном из этих форумов нам пытались выкручивать руки по вопросу Украины. ...Реальная трудность с НАТО состоит в том, что американская разведка там главенствует, тогда как данные французской разведки принимаются во внимание лишь отчасти ...НАТО объявила, что русские собираются вторгнуться на Украину, в то время как по данным Управления военной разведки (Франции. – Е.Н.) ничто не подтверждало эту гипотезу... Будущее показало, что мы были правы» [Audition du general...]. Стенограмма выступления генерала опубликована на официальном сайте Национального собрания, но французские СМИ обошли его молчанием, хотя такой эпизод не мог не обсуждаться в кулуарах и остаться неизвестным журналистам. Только благодаря отдельным блогам, агентству Sputnik и соцсетям он получил некоторую известность.

И все же коллективная евроатлантическая линия обеспечивается далеко не одним американским доминированием, но и установками самих европейских элит, а также сложным взаимодействием разнообразных интересов и приоритетов европейских участников. Что касается антироссийских санкций, то пожелания европейских лидеров на тему их отмены могут иметь неоднозначный подтекст и смысл. Отчасти такие декларации призваны успокоить затронутых санкциями европейских производителей и «до-

машних» сторонников нормальных отношений с Россией, отчасти – служат разменной монетой в дипломатическом торге внутри западных объединений.

Если снятие санкций обуславливается соблюдением Минских соглашений, а вина за невыполнение последних возлагается почти исключительно на Россию, как это происходит во французском случае, то речь идет, видимо, о заведомой риторике и своего рода форме давления на российскую сторону. Стоит иметь в виду, что за последние пять лет немалая часть французских производителей, пострадавших от санкционной войны с Россией, уже переориентировалась на иные рынки и источники финансирования. Отсюда не следует, что стратегический интерес к российскому рынку вовсе потерян, но прессинг конкретных бизнес-запросов в пользу нормальных отношений с Россией во Франции объективно ослаб.

Избрание Э. Макрона в мае 2017 г. не изменило ключевых аспектов французской позиции по вопросам Крыма, Украины и российско-европейских отношений. В отличие от своих главных соперников – Ф. Фийона, М. Ле Пен и Ж-Л. Меланшона, он еще на этапе предвыборной кампании акцентировал ценностные разногласия с Россией и осуждал ее за Крым и Донбасс, обещая вести с В. Путиным «требовательный диалог».

После избрания Э. Макрон сам заговорил о возможном расширении санкций, если Россия не прекратит поддерживать сепаратистские регионы Донбасса. А в декабре 2017 г. Европейский совет впервые без дискуссий продлил санкции в связи с ролью России в донбасском конфликте – на основании совместного доклада французского президента и немецкого канцлера. Ужесточение американских санкций против РФ вызвало открытый протест Франции (и ЕС) только в той части, где речь шла об экстерриториальном характере нового американского санкционного закона, который позволяет США наказывать за его нарушение любых, в том числе европейских юридических и физических лиц. «Экстерриториальный характер данного текста представляется незаконным с точки зрения международного права», – говорилось в заявлении представителя французского МИД [La France vent...].

Произошел более чем заметный спад переговорной активности в рамках «нормандского процесса», хотя вначале Э. Макрон демонстрировал живой интерес к его продолжению. После первой встречи с В. Путиным в Версале в мае 2017 г. он даже поспешил объявить, что договорился о скорейшем проведении саммита «нормандской четверки». По всей видимости, молодой президент был готов к этому на своих условиях – в русле его общего настроения к России, продемонстрированного в ходе версальской встречи¹. Так или иначе, за два года с мая 2017 г. по этой линии состоялись считанные телефонные беседы четырех лидеров (лето 2017), всего одна встреча министров (июнь 2018, Берлин) и «усеченный» трехсторонний саммит А. Меркель, Э. Макрона и П. Порошенко без В. Путина (май 2018, Ахен).

1 Как пишет Дж. Локланд, анализируя прием, оказанный В.Путину Э. Макроном в Версале, «суть его «месседжа» в адрес России очевидна: он рад иметь дело с русскими, но только на своих условиях» [см. Локланд, с. 65].

Первейшим внешнеполитическим приоритетом для Э. Макрона является Европейский союз, который он призывает реформировать, чтобы вдохнуть в него новую жизнь, не меняя – и это главное – основ его постнациональной неолиберальной философии. Объективная миссия этой программы, ради которой его поддержали «сильные мира сего» – провести ребрендинг и оптимизацию ЕС, спасти переживающий небывалый кризис брюссельский интеграционный проект перед лицом растущих протестных настроений, не допустить к власти сторонников иной, альтернативной стратегии развития Европы [О новом идейном конфликте в западных обществах на примере Франции см., напр.: Нарочницкая Суверенизм...]. Стремление западного «мейнстрима» к реваншу и подавлению внутреннего инакомыслия становится дополнительным мотивом давления на Россию с ее ментальной независимостью, геополитической субъектностью и видением мироустройства. Этим в принципе задано сохранение прежней логики евроатлантического подхода и к украинскому узлу, и (во многом) к вопросу Крыма, несмотря на рискованность и проблематичность с рациональной точки зрения конфронтационного курса.

Вместе с тем амбиции и незаурядные личные достоинства Э. Макрона не исключали с его стороны сюрпризов (даже в духе того, который в 2000 г. ждал ельцинскую «семью»). Во всяком случае, на заре его президентства такие парадоксальные надежды среди французских оппозиционных аналитиков имелись. Макрона явно влекли «большая политика», лавры «титана дипломатии». А более энергичное использование элементов голлистского внешнеполитического наследия [Нарочницкая Внешнеполитическое наследие...] сулило как минимум тактические выгоды. Отвечало оно и запросу со стороны немалой части общества и французского истеблишмента, в среде которого в последние годы растет интерес к концепции голло-миттерандизма.

Э. Макрон тоже апеллировал к голло-миттерандизму и высказался за конец «неоконсерватизма по-французски». В традициях де Голля он с самого начала старался делать ставку на прямые личные контакты с лидерами ведущих держав. Если бы французскому президенту удалось установить привилегированный диалог как с Д. Трампом, так и с В. Путиным, теоретически это могло бы стать прологом к совместному поиску выхода из украинского тупика.

Отдельные нетривиальные шаги Э. Макрона на российском (и украинском) направлении заслуживают внимания прежде всего из-за той реакции, которую они вызвали у влиятельных мейнстримных идеологов, подобных Бернару Анри Леви¹. Так, спустя некоторое время после поездки на Петербургский международно-экономический форум 2018 г. Э. Макрон внезапно оказался объектом алармистской критики.

Симптоматичная публикация близкого к Б.-А. Леви политолога Филиппа де Лара на франко-ангоязычном сайте Telos-eu начиналась с вопроса «Что случилось с пре-

1 Бернар Анри Леви (Bernard Henri-Lévy), общественный деятель и философ-публицист, известный своей политической ангажированностью, в том числе в международных конфликтах, агрессивным стилем и широкими связями в высших сферах, является одной из знаковых фигур леволиберального, глобалистского, постмодернистского мышления, представляемого в качестве единственно допустимого («pensee unique»). Безусловный сторонник Евромайдана.

зидентом Макроном в Санкт-Петербурге?». «То, что он сказал и не сказал во время своего визита в Россию, – утверждалось в статье, – означает впечатляющий поворот во внешней политике. ... По Украине поворот разительный: слово «Крым» не было произнесено ни разу, как и слово «война». Признав, что «уважает значительную роль, которую отводит себе Россия в своем региональном окружении», г-н Макрон затем заявил, что «мирное урегулирование кризиса в Донбассе является ключевым элементом возвращения к мирным отношениям между Европой и Россией». Эту фразу в контексте предыдущей можно было понять лишь в том смысле, что надо не защищать суверенитет Украины, а избавляться от занозы, мешающей «мирным отношениям». А ведь всего за несколько дней до этого, по случаю открытия Керченского моста, Франция подтвердила, что *никогда* не признает аннексии Крыма, а Жан-Ив Ле Дриан (министр иностранных дел. – Е.Н), находясь с визитом в Киеве, четко указал на Россию как на агрессора в донбасской войне, открыто порвав с лицемерной дипломатией «уважения Минских соглашений всеми сторонами». О санкциях г-н Макрон упомянул всего единожды и только затем, чтобы сказать, что «*несмотря на санкции*» французские компании в России занимают первое место среди иностранных предприятий по числу рабочих мест» [Lara].

Но «самым тревожным проявлением смены политического курса» Ф. де Лара, которому не откажешь в знании контекста и проницательности, счел то, что Э. Макрон обсуждал с В. Путиным российско-европейскую дилемму в парадигме Ф.М. Достоевского и в своей речи прямо апеллировал к мысли великого русского писателя. Действительно, на совместной пресс-конференции двух президентов 24 мая в Петербурге Э. Макрон произнес слова с глубоким подтекстом, на которые журналисты не обратили особого внимания: «...я убежден, что две наши страны призваны и заинтересованы определить подлинную почву примирения всех европейских противоречий, как выразился в своей «Речи о Пушкине» Достоевский, о котором мы только что вспоминали»¹ [Conférence...]. Далее Ф. де Лара подробно объяснял, почему, с учетом интеллектуального склада Макрона и места Достоевского в русской мысли, это не было обычным парадным цитированием, а отражало нечто большее.

Когда в июле 2018 г., через два дня после возвращения Э. Макрона из Москвы, где он вновь встречался с В. Путиным на финале футбольного чемпионата, грянуло громкое «дело Беналля», многих озадачило особое рвение, с которым принялись раскручивать скандал все ведущие СМИ. Возникли версии, трактующие это как «сигнал» Э. Макрону со стороны контролирующей медийную сферу влиятельных кругов. Одна из версий связывала это с наметившимся взаимопониманием между французским и российским лидерами.

1 В официальном переводе на русский язык, размещенном на сайте Елисейского дворца, это место сформулировано несколько иначе: «...мы продолжаем этот исторический курс, определив в нем место нашим контактам в качестве реальной площадки для «внесения примирения в европейские противоречия», говоря словами ДОСТОЕВСКОГО из его речи о ПУШКИНЕ. Я уверен, в этом - призвание и взаимный интерес наших стран. Конечно, вероятно, в этом - суть отношений наших двух стран. Все европейские противоречия свойственны и нашим народам, но нам удавалось раньше примирить их – мы сумеем сделать это в будущем – чтобы создать общую площадку примирения» [Conférence...]

Так ли обстояло дело, точнее, присутствовал ли этот фактор среди прочих и насколько реальной была эволюция позиций главы французского государства, достоверно судить трудно. Как бы то ни было, «примирение противоречий» не имело видимого продолжения, а глубокий внутривластный кризис, в который повергло Францию движение «желтых жилетов», оттеснил российско-украинские сюжеты на дальнюю периферию макроэкономической повестки дня.

Открытые данные, разумеется, не дают полной картины действий французской дипломатии в украинском и крымском вопросах, однако очертить их главные контуры вполне позволяют.

Франция не просто не признает де-юре российский статус Крыма. Она проводит политику демонстративного, подчеркнутого непризнания его выхода из состава Украины и присоединения к РФ. Сугубо негативно оценивается последующее политико-экономическое развитие крымского региона. Французский МИД регулярно воспроизводит практически неизменные формулы, добавляя текущие детали по мере событий. В стандартный свод входят не только «незаконность аннексии Крыма» и «твердая приверженность полному восстановлению суверенитета и территориальной целостности Украины в ее международно признанных границах», но и «озабоченность милитаризацией полуострова и ухудшением положения с правами человека, а именно крымских татар»; осуждение проводимых на полуострове «незаконных выборов» [См. на сайте французского МИД раздел по Украине: *Ukraine...*]. Типичный пример с перечислением всех пунктов – выступление постоянного представителя Франции в СБ ООН 15 марта 2018 г. [*L'annexion...*]. Безусловному осуждению подверглись действия России в связи с инцидентом в Керченском проливе, а также ее подход к правовому статусу пролива и режиму судоходства в акватории Азовского моря. Любые международные проекты в Крыму бойкотируются официальным Парижем. При этом, как выразился французский специалист по России Пьер Лоррен, «мы все знаем, и западные руководители прекрасно знают, что Крым останется российским...» [*Les dirigeants...*].

В конфликте на Юго-Востоке Украины Франция по-прежнему признает единственной основой урегулирования Минские соглашения и призывает к их выполнению, возлагая вину за отсутствие прогресса в этом и периодические вспышки боевых действий главным образом на Россию. Даже если действия Киева в отношении неподконтрольных территорий вызвали в Париже неодобрение и тревогу, публично это практически не артикулировалось. Нарастание украинских формирований в зоне конфликта, продолжение обстрелов населенных пунктов ДНР и ЛНР – все это на Кэ д'Орсе не комментировали по существу, «призывая обе стороны соблюдать перемирие» [*Ukraine – Q&R – Extrait... 15 février 2018*]. Закон о реинтеграции Донбасса не вызвал у Франции никаких замечаний. Между тем даже ангажированные на стороне Киева эксперты, как Мари Мандрас, не раз признавали, что у Киева нет концепции политического решения проблемы особого статуса Востока страны. «Мы до сих пор ждем, когда украинский президент и украинский парламент объяснят свое видение и программу для восточного Донбасса», – отмечала М. Мандрас два с половиной года спустя после подписания Минских соглашений [*This is What...*].

Признаки раздражения в адрес П. Порошенко и его правительства просматривались. Разумеется, попытки шантажа со стороны Киева, вроде заявления о том, что Украина выйдет из Минских соглашений, если России вернут право голоса в ПАСЕ, удаивались отпора, пусть и в корректной форме. Тем не менее Париж продолжал до недавнего времени оказывать явную политическую поддержку режиму П. Порошенко на Украине и его позиций в связи с конфликтом. Правда, коммюнике французского и украинского дипломатических ведомств различались по степени подчеркивания франко-украинского согласия. Но, находясь на Украине, французские официальные лица с готовностью акцентировали согласие и публично оперировали понятиями из лексикона киевской стороны, называя Россию агрессором и захватчиком, чего они в иных случаях избегали.

Таким образом, в главных содержательных параметрах официальная позиция Франции в украинском конфликте не изменилась и не выбивалась из коллективной линии НАТО–ЕС. В качестве «трека» переговоров администрация Э. Макрона держится за «нормандский формат», поскольку приоритетом для нее остается франко-германский тандем, выступающий от имени Европы и продвигающий концепт единой внешней политики ЕС. На фоне кризиса «нормандского процесса» и характера противоречий между его сторонами, эта установка вылилась в дальнейшую стагнацию урегулирования.

Специфика французской позиции связана с отдельными элементами украинского досье, такими как параметры гипотетической миротворческой миссии ООН, работа военных наблюдателей и другие [см. Нарочницкая Франция...]. Среди самого важного стоит отметить, что Франция не одобряет планы увеличения военной помощи Украине, в том числе со стороны США, и избегает собственного военного присутствия в зоне конфликта. Призывы П. Порошенко заменить российских военных, покинувших Совместный центр контроля и координации, немецкими и французскими специалистами остались без ответа. Американское предложение направить в Керченский пролив французские военные корабли Париж тем более отверг, расценив его как «ненужную провокацию».

Таким образом, Франция настороженно подходит ко всему, что способно спровоцировать вооруженную эскалацию и интернационализацию украинского противостояния. Вместе с тем политика администрации Макрона явно не ориентирована на активный поиск урегулирования. Глубокое вовлечение в украинские дела не отвечает ни возможностям, ни приоритетам Франции. Складывается впечатление, что больше всего Францию в этой связи волнуют ее конкурентные позиции в рамках евроатлантического сообщества. Ситуация полужамороженного конфликта для нее предпочтительнее, чем, например, изменение «миротворческого» формата при оттеснении франко-германской пары на второстепенные позиции.

Дилемма для Франции состоит в том, что, взяв на себя миссию одного из главных западных «кураторов» переговоров, она поставила на кон свой дипломатический имидж, как и имидж Евросоюза. Затягивающийся тупик в «нормандском процессе» девальвирует ее роль. Между тем Париж связан коллективной евроатлантической линией и необходимостью координировать свою позицию с Берлином и Вашингтоном. В рамках

той парадигмы, которую Париж принял для себя в украинском конфликте, поле для маневра у него минимально.

На украинском направлении французская дипломатия оказалась заложницей драматических последствий не своих, а чужих интересов, подходов и проектов. Движение в заданном ими фарватере означает разрыв с внешнеполитическим наследием голлизма, с его основополагающим принципом самостоятельности решений и пониманием ценности сотрудничества с Россией. Противоречит оно и характерному для голлизма учету исторических реальностей – в данном случае реальностей общей русско-украинской истории. Об этом очень точно сказал бывший депутат Национального собрания Анри Гэно: «Де Голль стремился проводить политику, основанную на реальностях. Закрывая глаза на реальности – исторические, культурные, демографические, географические... мы обрекаем себя на провал... Такой провал мы наблюдаем в международной политике, в конфликте между Россией и Украиной, где Европа и Соединенные Штаты не приняли во внимание географию и культуру» [Guaino].

Литература

- BNP Paribas согласился заплатить \$8,97 млрд за нарушение санкций США // РИА Новости. 01.07.2014. – URL: <https://ria.ru/20140701/1014215242.html> (дата обращения: 09.04.2019).
- Локланд Дж. Феномен Эмманюэля Макрона // Перспективы. Электронный журнал». 2018. №2(14). С. 49–68. – URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/5c2/Lokland-DOI_2018_2_49_68.pdf (дата обращения: 09.04.2016)
- Нарочницкая Е.А. Внешнеполитическое наследие голлизма в современной Франции // Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века. Отв. ред.: А.В. Кузнецов, М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, П.П. Тимофеев. М. 2016. С. 210–220.
- Нарочницкая Е.А. «Суверенизм» против «глобализма»: выборы 2017 г. через призму идейно-ценностного конфликта // Франция при президенте Эммануэле Макроне: в начале пути / Отв. ред. М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, Ю.И. Рубинский, П.П. Тимофеев. М. 2018. С. 152–160.
- Нарочницкая Е.А. Франция и украинский конфликт // Актуальные проблемы Европы: Науч. журн. / РАН. ИНИОН. М. 2018. № 4: Современные вооружённые конфликты: политика европейских государств. С. 56–80.
- L'annexion illégale de la Crimée a des conséquences sur la sécurité internationale. Intervention de M. François Delattre, représentant permanent de la France auprès des Nations unies. Réunion du Conseil de sécurité en format Arria – 15 mars 2018 // Représentation permanente de la France auprès des Nations Unies à New York. – URL: <https://onu.delegfrance.org/L-annexion-illegale-de-la-Crimee-par-la-Russie-a-des-consequences-sur-la> (date of access: 09.04.2019).
- Audition du général Christophe Gomart, directeur du renseignement militaire, sur le projet de loi relatif au renseignement. Commission de la défense nationale et des forces armées. Mercredi 25 mars 2015. Séance de 9 heures. Compte rendu n° 49 // Assemblée Nationale. – URL: <http://www.assemblee-nationale.fr/14/cr-cdef/14-15/c1415049.asp> (date of access : 09.04.2019).
- Chevènement J.-P. Crise ukrainienne, une épreuve de vérité // Le Monde. Juin, 2015. – URL: <https://www.monde-diplomatique.fr/2015/06/CHEVENEMENT/53060> (date of access: 09.04.2019).

- Conférence de presse conjointe du Président de la République, Emmanuel Macron et de Vladimir Poutine à Saint-Pétersbourg // Elysée. 24.05.2018. – URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/05/24/conference-de-presse-conjointe-du-president-de-la-republique-emmanuel-macron-et-de-vladimir-poutine-a-saint-petersbourg> (date of access: 09.04.2019).
- La crise ukrainienne. Intervention de Mme Hélène Carrère d'Encausse, secrétaire perpétuel de l'Académie française, au colloque «La Russie en Europe» du 23 septembre 2014 // Fondation Res Publica. – URL : https://www.fondation-res-publica.org/La-crise-ukrainienne_a847.html (date of access : 09.04.2019).
- «Les dirigeants occidentaux savent très bien que la Crimée restera russe», estime Pierre Lorrain // RT. 18.03.2019. – URL : <https://www.youtube.com/watch?v=Lxli1Q7nhm0&feature=youtu.be> (date of access: 09.04.2019).
- Dubien A.* Quels sont les causes et enjeux du « non » ukrainien à l'Union européenne ? // IRIS. 06.12.2013. – URL: <http://www.iris-france.org/43810-quels-sont-les-causes-et-enjeux-du-non-ukrainien-a-lunion-europeenne/> (date of access : 27.02.2018).
- Ducourtieux C.* Vente de Mistral à la Russie: «Cette hypocrisie a suffisamment duré» // Le Monde. 02.09.2014. – URL: http://www.lemonde.fr/europe/article/2014/09/02/le-president-du-pp-estime-impensable-la-livraison-par-la-france-de-mistral-a-la-russie_4480698_3214.html (date of access: 27.02.2018).
- Français, la perception du conflit ukraino-russe et la livraison de navires de guerre à la Russie. Sondage IFOP pour La Tribune. Janvier 2015. – URL: http://www.ifop.com/media/poll/2912-1-study_file.pdf (date of access: 27.02.2018).
- La France vent debout contre les sanctions américaines «illicites» contre la Russie // Challenges. 26.07.2017. – URL: https://www.challenges.fr/monde/etats-unis/la-france-et-l-ue-vent-debout-contre-les-sanctions-americaines-illicites-contre-la-russie_489735 (Date of access – 27.02.2018).
- Guaino H.* De Gaulle, la France et moi // Le Figaro. 03.04.2015. – URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/politique/2015/04/03/31001-20150403ARTFIG00419-henri-guaino-de-gaulle-la-france-et-moi.php> (date of access: 27.02.2018).
- Lara Ph. de.* Où est passé Emmanuel Macron? // Telos. 20.06.2018. – URL: <https://www.telos-eu.com/fr/politique-francaise-et-internationale/ou-est-passe-emmanuel-macron.html> (date of access: 09.04.2019).
- Latsa A.* Un printemps russe. Genève. 2016.
- Lefort Ph.* La crise ukrainienne ou le malentendu européen // Politique étrangère. 2014. Vol. 79. №2. P. 109–121.
- Macron : la France «ne reconnaîtra pas l'annexion de la Crimée» // Le Figaro. – 26.06.2017. – URL: <http://www.lefigaro.fr/flash-actu/2017/06/26/97001-20170626FILWWW00150-macron-la-france-ne-reconnaitra-pas-l-annexion-de-la-crimee.php> (date of access: 27.02.2018).
- Marchand P.* Le conflit ukrainien, des enjeux géopolitiques et géoéconomiques. P. 1. – URL: <https://journals.openedition.org/echogeo/13976?gathStatIcon=true> (date of access: 09.04.2019).
- Merchet J.-D.* Mistral : le vrai coût de l'annulation du contrat // L'Opinion. – 24.08.2015. – URL: <https://www.lopinion.fr/edition/international/mistral-vrai-cout-l-annulation-contrat-56840> (date of access: 27.02.2018).
- Les relations avec la Russie : comment sortir de l'impasse ? B. Audition de Mme Hélène Carrère d'Encausse, Secrétaire Perpétuel de l'Académie Française, le 4 Février 2015 // Senat. – URL: <http://www.senat.fr/rap/r15-021/r15-02116.html> (date of access : 09.04.2019).

- Romer Ch.* Crise ukrainienne : conséquences stratégiques // La crise ukrainienne vue par les chercheurs. Note de recherche stratégique 6. IRSEM. P. 9–11. – URL: <https://www.defense.gouv.fr/content/download/257790/3126653/file/NRS%20UKRAINE.pdf> (date of access: 27.02.2018).
- Situation en Ukraine: l'action de la France // France Diplomatie. Février 2017. – URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/defense-et-securite/crises-et-conflits/ukraine-23669/> (date of access: 27.02.2018).
- This is What Macron Might Do About Russia's Invasion of Ukraine // Hromadske International. 01.07.2017. – URL: <https://en.hromadske.ua/posts/this-is-what-macron-might-do-about-russias-invasion-of-ukraine> (date of access: 09.04.2019).
- Ukraine: Macron promet un échange « exigeant » et sans « concession » avec Poutine // Europe 1. 27.05.2017. – URL: <http://www.europe1.fr/international/ukraine-macron-promet-un-echange-exigeant-et-sans-concession-avec-poutine-3343271> (date of access: 27.02.2018).
- Ukraine // France Diplomatie. – URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/ukraine/> (date of access: 09.04.2019).
- Ukraine – Q&R – Extrait du point presse (15 février 2018) // France Diplomatie.. – Mode of access: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/ukraine/evenements/article/ukraine-q-r-extrait-du-point-presse-15-02-18> (date of access: 27.02.2018).
- Vitkine B.* Crise ukrainienne : Nicolas Sarkozy reprend la rhétorique du Kremlin // Le Monde. 09.02.2015. – URL: https://www.lemonde.fr/europe/article/2015/02/09/crise-ukrainienne-nicolas-sarkozy-reprend-la-rhetorique-du-kremlin_4572863_3214.html (date of access: 09.04.2019).

DOI 10.32726/2411-3417-2019-1-38-52

УДК 323; 327; 338

ПЕТР ЯКОВЛЕВ

Венесуэла: кризис эпохи конфликтной многополярности

Аннотация. Кризис в Венесуэле поставил на карту не только настоящее и будущее этого государства, обладающего крупнейшими в мире запасами нефти, но и баланс сил в латиноамериканском регионе, а также, в известной степени, на глобальном уровне. Внутренний политический конфликт, глубоко разделивший венесуэльское общество, перешел национальные границы и стал одним из нервных узлов мировой политики. В силу особой значимости Венесуэлы для ведущих держав современного мира отношение к событиям в этой стране приобрело четко выраженную геополитическую коннотацию. По существу, мир столкнулся с первым кризисом эпохи конфликтной многополярности.

Ключевые слова: Венесуэла, кризис, Группа Лимы, США, политика санкций, Китай, Россия, пути урегулирования конфликта.

Социально-экономический и политико-институциональный кризис, охвативший Боливарианскую Республику Венесуэла (официальное название страны с 1 января 2000 г.), приковал к себе широкое международное внимание. Как отмечала испанская газета *Cinco Días*, «мир смотрит на Венесуэлу затаив дыхание» [Muñoz Puigserver]. Для такой оценки есть ряд веских причин, анализ которых позволяет говорить о трех измерениях кризиса в этой крупной латиноамериканской стране.

Во-первых, речь идет о крайне противоречивых и глубоко драматичных внутренних процессах, развитие которых привело одно из потенциально богатейших государств Латинской Америки (а может, и всего мира) на грань гуманитарной катастрофы. Здесь проходит проверку на прочность левая идея в ее специфическом варианте боливарианской революции, нацеленной на строительство «социализма XXI века».

Во-вторых, события в Венесуэле в буквальном и переносном смысле слова перешагнули через национальные границы и затронули интересы соседних латиноамериканских республик, политически раскололи регион, который в силу многих причин критически нуждается в единстве. От того, как разрешится конфликт между сторонниками и противниками Николаса Мадуро, во многом будут зависеть модальность и содержательное наполнение объединительных процессов в Латинской Америке.

Сведения об авторе: ЯКОВЛЕВ Петр Павлович – руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор экономических наук; yakovlev@yandex.ru.

В-третьих, совершенно очевидно, что венесуэльский кризис стал пунктом пересечения мегатрендов мировой политики, болевой точкой международных отношений на этапе их современной трансформации. В том или ином исходе венесуэльской коллизии заинтересованы не только государства Западного полушария во главе с Вашингтоном, который с помощью финансово-экономических санкций пытается повлиять на события в Венесуэле, но и европейские страны, а также Китай и Россия, выстроившие с режимом Чавеса – Мадуро отношения тесного стратегического партнерства.

Все это позволяет говорить об уникальном характере венесуэльского кейса – первого геополитического кризиса эпохи конфликтной многополярности.

Внутренний ракурс «социализма XXI века»

Современный социально-экономический облик Венесуэлы начал складываться в 1958 г., когда был свергнут президент Маркос Перес Хименес, вошедший в историю как последний представитель «эпохи великих диктаторов» Латинской Америки 1940–1960-х годов [Gonzalo Ramírez]. Страна вступила в длительную полосу перемен, носивших весьма неустойчивый и противоречивый характер. С одной стороны, участие в создании в 1960 г. Организации стран – экспортеров нефти (ОПЕК) и интенсивная эксплуатация национальных нефтяных богатств, долгое время находившихся в руках ведущих международных монополий (так называемые «Семь сестер»: British Petroleum, Chevron, Royal Dutch Shell, Exxon, Mobil, Gulf Oil, Texaco), привлекла в страну крупные иностранные инвестиции, позволила заметно укрепить экономику и повысить общественное благосостояние. К концу 70-х Венесуэла заняла лидирующее место в регионе по размеру душевого ВВП, в стране сложился сравнительно многочисленный (по латиноамериканским меркам) средний класс, были реализованы масштабные инфраструктурные проекты. В то же время модель роста, почти полностью ориентированная на добычу и экспорт нефти, оставляла за бортом социально-экономического развития и маргинализировала огромные массы населения. Почти половина венесуэльцев оказались «лишними на празднике жизни». Их положение еще больше ухудшилось в 1990-е годы, когда произошло снижение мировых цен на нефть [Seijas].

Таким образом, приход к власти в 1999 г. антисистемного политического лидера Уго Чавеса в значительной мере явился ответом на материальные трудности предшествовавшего десятилетия, когда страну потрясли массовые протесты на фоне обвального падения цен на нефть и попыток местного истеблишмента использовать методы «шоковой терапии» и провести неолиберальные реформы за счет основной части населения. Победив на президентских выборах на волне народного недовольства, У. Чавес провозгласил начало боливарианской революции (названной так в честь Освободителя Латинской Америки Симона Боливара) и взял курс на строительство «социализма XXI века», ставшего не только венесуэльским, но шире – латиноамериканским общественным феноменом [Sarquís]. Идеологи «социализма XXI века» утверждали, что данная концепция представляет собой новую политическую и социально-экономическую модель, основанную на отрицании рыночной экономики и жесткой неолиберальной

политики, противостоянии с западными державами (прежде всего с США) и обещании глубоких внутренних перемен в пользу большинства населения [Socialismo...].

В экономической плоскости речь шла о создании в Венесуэле некапиталистического хозяйственного уклада. Длительное время он соседствовал с сохранившимися анклавами рыночной экономики. При этом финансовой базой НЭПа по-венесуэльски послужили стремительно растущие нефтяные котировки, щедро наполнявшие национальный бюджет. В 2001–2011 гг. стоимость венесуэльского экспорта (практически полностью состоящего из нефти и нефтепродуктов) выросла в 3,6 раза: с 25,3 до 91,1 млрд долл. [ITC...].

Макроэкономическая политика У. Чавеса включила в себя: широкую национализацию ключевых частных предприятий и банков; подчинение Центробанка распоряжениям правительства; введение пособий для бедных слоев населения и фиксированных (зачастую экономически необоснованных) цен на горючее и многие потребительские товары; рискованные манипуляции с обменным курсом доллара; многомиллиардные закупки вооружений (прежде всего в России) и т.д. Вместе с тем в стране (во многом благодаря помощи кубинских специалистов, чьи услуги оплачивались поставками нефти по заниженным ценам) была ликвидирована неграмотность, улучшилось здравоохранение, была реализована масштабная программа жилищного строительства, создавались так называемые «народные предприятия», призванные обеспечить занятость многочисленных безработных. Проблема в том, что большинство этих производств были неэффективны и тянули экономику назад. Судьбоносное значение имело прямое вмешательство некомпетентных правительственных чиновников (зачастую – военных и бывших военных) в деятельность государственной нефтяной компании *Petróleos de Venezuela S.A. (PDVSA)*, приносившей львиную долю валютных поступлений от экспорта.

Все это со временем обернулось колоссальными государственными расходами, значительно превысившими возможности доходной части бюджета. Особенно сильную (по сути – невосполнимую) брешь в венесуэльских финансах пробило падение среднегодовых показателей добычи нефти: с 3155 тыс. баррелей в сутки в 2000 г. до 1602 тыс. в 2018 г. В этот же период произошло резкое снижение удельного веса Венесуэлы в совокупной добыче стран – членов ОПЕК: с 10,6 до 4,4% (табл. 1).

У. Чавес ушел из жизни в марте 2013 г., когда финансово-экономический кризис только набирал силу. Пожинать плоды макроэкономических просчетов и хозяйственной разрухи, ускоренной обвалом нефтяных цен в 2014 г., пришлось Н. Мадуро, бывшему не слишком влиятельным вице-президентом, но в силу сложившихся обстоятельств ставшему политическим преемником «вечного команданте» – харизматичного лидера боливарианской революции.

14 апреля 2013 г. Н. Мадуро с небольшим перевесом в 1,5% голосов победил на внеочередных выборах лидера оппозиции, губернатора штата Миранда Энрике Каприлеса и занял пост президента. Новый глава государства не обладал авторитетом и ха-

ризмой У. Чавеса и не смог предотвратить ослабления внутривнутриполитических позиций правящего режима. Подтверждением тому явились парламентские выборы 2015 г., на которых оппозиционная коалиция «Круглый стол демократического единства» (MUD) добилась значительного успеха и получила 109 из 167 мест в Национальной ассамблее [20 años...]. «Рабочий президент» Н. Мадуро удержал контроль над исполнительной и судебной властью, а также силовыми структурами, включая армию, тогда как оппозиция возглавила высший законодательный орган. В попытке нейтрализовать или по крайней мере уменьшить институциональное влияние своих противников Н. Мадуро инициировал в июле 2017 г. создание так называемой Конституционной ассамблеи, призванной заменить легально действующий парламент и таким образом преодолеть ситуацию фактического двоевластия [Яковлева].

Таблица 1

Среднегодовая добыча нефти в Венесуэле (тыс. баррелей в сутки)

Год	Добыча	Доля в ОПЕК	Год	Добыча	Доля в ОПЕК
1975	2346	9,0%	2011	2500	7,5%
1980	2168	8,5%	2012	2500	7,3%
1985	1677	10,8%	2013	2500	7,5%
1990	2137	9,4%	2014	2500	7,5%
1995	2750	10,5%	2015	2500	7,2%
2000	3155	10,6%	2016	2277	6,2%
2005	2565	7,8%	2017	2007	5,7%
2010	2410	7,3%	2018	1602	4,4%

Источник: EIA. Monthly Energy Review. February 2019. Washington, 2019. P. 194.

Между тем социально-экономическое положение в Венесуэле продолжало стремительно ухудшаться. К катастрофическим последствиям привела аграрная реформа 2001 г. Ее сердцевиной стала ликвидация сравнительно продуктивных и рентабельных фермерских хозяйств и передача их земель, имущества и орудий труда крестьянским кооперативам, члены которых, как правило, не обладали необходимым опытом и навыками крупного сельскохозяйственного производства. В результате выпуск аграрной продукции резко снизился, что породило острую нехватку большинства видов продовольствия. Непродуманные макроэкономические решения нанесли тяжелый урон и другим отраслям венесуэльской экономики, вступившей в полосу затяжного кризиса. По данным МВФ, в 2013–2018 гг. ВВП страны сократился на 50%, что, как правило, случается в период длительных и тяжелых войн [International...].

Подлинным бичом венесуэльцев стал безудержный рост цен. В январе 2019 г. инфляция росла на 3,5% в день и составила 191,6%. Другими словами, за один месяц цены увеличились почти в три раза. За 12 месяцев этот показатель достиг 2688000% [Inflación...]. Общим местом стали перебои с подачей электричества, нищенские зарплаты, тотальная нехватка медикаментов, продовольственных и промышленных товаров первой необходимости, разгул «черного рынка», всепроникающая коррупция, крайняя неэффективность большинства предприятий (главные из которых контролируются

ются государством). По данным Института международных финансов, в 2007–2018 гг. внешний долг Венесуэлы увеличился в 2,5 раза и составил 156 млрд долл., или около 740% годового экспорта, что является рекордным показателем для развивающихся стран [The Institute...]. Под обвинения в причастности к наркотрафику попали видные деятели чавистского режима, включая высокопоставленных военных и родственников Н. Мадуро [Acusan...]. Таков печальный итог почти 20-летнего строительства «социализма XXI века».

В условиях нарастающих проблем и ширящегося недовольства действиями правительства оппозиция пошла на крайний шаг: 23 января 2019 г. избранный председателем Национальной ассамблеи лидер партии Народная воля (Voluntad Popular, VP) Хуан Гуайдо провозгласил себя временным президентом страны. Политическое противостояние в Венесуэле резко обострилось, а институциональный кризис вступил в новую, решающую стадию.

Куда ведет дорога через Лиму

В свое время приход У. Чавеса к власти явился основополагающим элементом подъема левонационалистических движений в Латинской Америке, краеугольным камнем объединительных процессов в регионе. Именно венесуэльский лидер совместно с тогдашним президентом Аргентины Нестором Киршнером сорвал в 2005 г. план Вашингтона создать под своей эгидой единое интеграционное пространство от Аляски до Огненной Земли (проект АЛКА – Американской зоны свободной торговли) [Латинская...]. Вместо этого латиноамериканские страны приступили к формированию собственных (без участия США) интеграционных объединений и укреплению уже существовавших организаций. Каракас стал деятельным сторонником этого процесса и даже инициировал учреждение Боливарианского союза для народов нашей Америки (АЛБА) с участием Кубы, Никарагуа, Боливии, Эквадора и ряда островных карибских государств [Яковлев].

Активную роль режим У. Чавеса сыграл в создании Союза южноамериканских наций (УНАСУР) и Сообщества латиноамериканских и карибских государств (СЕЛАК), впервые в истории объединившего все 33 страны региона, но, в отличие от действующей с 1948 г. Организации американских государств (ОАГ), не включившего США и Канаду. Кроме того, Каракас присоединился к Общему рынку стран Южной Америки (МЕРКОСУР). Другими словами, участие Венесуэлы в интеграционных процессах явилось метаусловием расширения ее политических и торгово-экономических связей на региональном уровне.

Пока в Венесуэлу направлялся мощный поток нефтедолларов, ее политическая роль в Латинской Америке (особенно в Карибском бассейне) была весьма заметной. Страны, входящие в АЛБА, получали ощутимую финансовую помощь (в частности, путем поставок нефти по льготным ценам), что поддерживало их социально-экономическое развитие. В обмен члены АЛБА демонстрировали свою лояльность Каракасу и рассматривали У. Чавеса в качестве неформального лидера карибского субрегиона. Все изме-

нилось с резким ухудшением положения в самой Венесуэле, которая на пике кризиса была вынуждена свертывать помощь другим странам и утратила возможность играть прежнюю роль в латиноамериканских делах.

Максимальные риски возникли в венесуэльско-кубинских торгово-экономических отношениях. Начиная с 2000 г., когда У. Чавес и Ф. Кастро договорились о поставках на Кубу 100 тыс. баррелей венесуэльской нефти в сутки, двусторонние торгово-экономические, политико-дипломатические и военные контакты заняли центральное место в системах внешних связей обеих стран. В обмен на нефть Гавана направила в Венесуэлу десятки тысяч врачей, учителей, военных советников, агентов спецслужб, спортивных тренеров и других специалистов (их общее количество, по оценкам, в отдельные годы превышало 40 тыс. человек). Такой бартер был взаимовыгоден, поскольку позволял чавистскому режиму реализовывать широко разрекламированные социальные проекты, а кубинским властям – гарантированно получать достаточное количество нефти для внутреннего потребления, а также частичного реэкспорта, приносявшего дополнительные валютные доходы. Своего пика экономическое взаимодействие Гаваны и Каракаса достигло в 2013 г., когда на долю Венесуэлы пришлось 75% совокупного кубинского экспорта профессиональных услуг: 7,8 из 10,4 млрд долл. [Bermúdez].

Разумеется, обвальное сокращение производства венесуэльской нефти нанесло тяжелый удар по сотрудничеству двух стран в хозяйственной области, но практически не изменило характера политического партнерства, которое поддерживалось на прежнем высоком уровне. В Латинской Америке Куба осталась самым твердым сторонником сохранения у власти правительства Н. Мадуро.

Отчетливо выраженное региональное измерение венесуэльскому кризису придала волна мигрантов, грозящая захлестнуть соседние южноамериканские страны. В условиях галопирующей гиперинфляции, постоянного обесценения заработной платы, острой нехватки продовольствия, медикаментов и промышленных товаров массового спроса сотни тысяч венесуэльцев покинули родину. Многие переехали в Испанию и Соединенные Штаты, но большинство обосновалось в Колумбии, Бразилии, Перу и Эквадоре, что не вызвало большого энтузиазма у местных жителей, столкнувшихся с дополнительной конкуренцией на рынке труда. По далеко не полным данным, обнародованным ООН, начиная с 2015 г. число венесуэльских эмигрантов составило примерно 3,4 млн человек, из которых 2,7 млн находятся в регионе: в Колумбии – свыше 1,1 млн, в Перу – более 500 тыс., Чили – около 300 тыс., Эквадоре – 220 тыс., Аргентине – 130 тыс., Бразилии – 100 тыс. и т.д. [ONU...].

События в Венесуэле и вокруг нее не могли не вызвать глубокой озабоченности во многих странах Латинской Америки, включая ведущие: Аргентину, Бразилию, Колумбию, Перу, Чили. Исследователи отмечают, что роль континентальной ОАГ и ее генерального секретаря Луиса Альмагро в венесуэльском кризисе была «плачевной». Неэффективными оказались и механизмы латиноамериканских региональных организаций. МЕРКОСУР приостановил членство Каракаса в своих рядах, АЛБА проявила себя крайне слабо, СЕЛАК и Тихоокеанский Альянс дистанцировались от событий в Венесуэле.

УНАСУР не только бездействовал, но сам оказался на грани развала, поскольку президенты Колумбии и Чили выступили с предложением заменить его новой организацией – ПРОСУР, но уже без участия режима Н. Мадуро [Presidente...].

В августе 2017 г. в перуанской столице Лиме была создана наднациональная организация с целью разрешения венесуэльского политического кризиса – Группа Лимы. Ее образовали Канада и 13 латиноамериканских стран, занявших (за исключением Мексики) откровенно негативную позицию в отношении режима Н. Мадуро. На встрече в Оттаве (начало февраля 2019 г.) представители государств-членов Группы Лимы приняли декларацию, в которой выразили поддержку Х. Гуайдо и призвали к «немедленному восстановлению демократии в Венесуэле мирным путем без использования силовых методов» [Ottawa...].

В конце февраля – начале марта 2019 г. Х. Гуайдо, несмотря на судебный запрет покидать Венесуэлу, посетил столицу Колумбии Боготу, где принял участие в заседании Группы Лимы. Затем он совершил поездку в Бразилию, Парагвай, Аргентину и Эквадор (страны, руководство которых негативно относится к режиму Н. Мадуро) с целью укрепить общие модальности регионального подхода к урегулированию венесуэльского кризиса. В ходе встречи в Боготе и переговоров с латиноамериканскими лидерами Х. Гуайдо добился своей цели и получил политическую поддержку государств региона. Вместе с тем члены Группы Лимы исключили возможность военной интервенции в Венесуэлу, хотя и потребовали немедленной отставки Н. Мадуро и передачи власти «исполняющему обязанности президента Хуану Гуайдо» [EL Grupo...].

Иную позицию в отношении венесуэльского кризиса заняли Боливия, Мексика, Уругвай и страны-члены Карибского сообщества (КАРИКОМ), сформировавшие так называемый «механизм Монтевидео». Указанный формат выдвинул инициативу инклюзивного диалога между всеми политическими силами Венесуэлы, чтобы совместными усилиями найти выход из кризиса. По первоначальному замыслу участников «механизма Монтевидео», процесс кризисного урегулирования включает четыре этапа: 1) согласование условий диалога между правительством и оппозицией; 2) проведение переговоров и определение точек соприкосновения сторон; 3) выработку и подписание соглашений о нормализации обстановки в стране; 4) реализацию заключенных соглашений под международным наблюдением. Как отметил в своем твиттере Н. Мадуро, правительство Венесуэлы выразило согласие с предложением членов «механизма Монтевидео» добиться нормализации обстановки в Венесуэле путем диалога правящего режима и его противников. В свою очередь, Х. Гуайдо негативно отнесся к указанной инициативе. По его мнению, переговоры лишь дадут шанс Н. Мадуро выиграть время и остаться у власти [Crisis...].

Позиция Х. Гуайдо была учтена так называемой Международной контактной группой (МКГ) по ситуации в Венесуэле. Созданная в рамках Европейского союза, МКГ сделала платформой своей политики тезис о том, что прошедшие в Венесуэле в мае 2018 г. президентские выборы не были «свободными, честными, заслуживающими доверия и демократически легитимными», и призвала к «срочному проведению свободных,

транспарентных и заслуживающих доверия выборов президента в соответствии с международными демократическими стандартами и Конституцией Венесуэлы». Одновременно члены МКГ заявили, что «всецело поддерживают Национальную ассамблею в качестве демократического, легитимного органа власти Венесуэлы, а также ее председателя в его институциональной роли» [Международная...].

МКГ подключила к своей работе ряд латиноамериканских стран (Уругвай, Мексику, Коста-Рику, Боливию, Эквадор), с представителями которых провела совещание 7 февраля 2019 г. в уругвайской столице. По итогам встречи была принята декларация, не упоминавшая о необходимости внутривенесуэльского диалога, но содержащая готовность государств-членов МКГ обеспечить международные гарантии проведения в Венесуэле новых «свободных и транспарентных президентских выборов». По существу, делалась попытка поставить развитие ситуации в этой южноамериканской стране под внешний контроль. Не случайно делегации Боливии и Мексики отказались подписать заключительный документ встречи, поскольку, по заявлению мексиканского министра иностранных дел Марсело Эбрарда, расценили его содержание как «вмешательство во внутренние дела» венесуэльского государства [Grupo...].

Таким образом, в контексте региональной политики (и с учетом подключения к латиноамериканским посредническим инициативам Европейского союза) до настоящего времени не удалось выработать согласованной позиции, чтобы посадить за стол переговоров все заинтересованные стороны венесуэльского кризиса. Данное обстоятельство, на наш взгляд, служит препятствием мирному решению разгорающегося конфликта и чревато новыми обострениями общественно-политического противостояния.

Геополитический разлом

Приход к власти У. Чавеса положил начало крутому геополитическому повороту в международной политике Венесуэлы, которая на волне антиамериканской риторики стала интенсивно искать сближения с новыми крупными международными игроками на латиноамериканском экономическом и политическом пространстве.

Характер стратегического партнерства приобрели китайско-венесуэльские отношения, что на фоне резкого обострения противоречий между Вашингтоном и Каракасом выглядело прямым вызовом США. Компании КНР стали важными импортерами нефти, поставляемой на мировой рынок PDVSA, инвестировали в венесуэльскую экономику десятки миллиардов долларов и создали совместные предприятия в ряде ключевых отраслей. Помимо инвестиций в проекты с венесуэльскими партнерами, Китай стал крупнейшим кредитором Венесуэлы. По далеко не полным данным, с 2007 г. Пекин кредитовал Каракас под будущие поставки нефти на сумму от 50 до 60 млрд долл. Однако после прихода к власти Н. Мадуро экспорт «черного золота» в Китай сильно сократился. Если в 2012 г. PDVSA вывезла на китайский рынок жидких углеводородов на 14 млрд долл., то в 2017 г. стоимость поставок составила около 7 млрд долларов [ИТС...]. Дальнейшее ухудшение экономического положения в Венесуэле превратило для КНР импорт нефти из этой страны и реализацию многих намеченных проектов в сложную проблему.

Попытка активизировать экономическое сотрудничество между Каракасом и Пекином была предпринята в середине сентября 2018 г., когда в ходе официального визита в Китай президента Венесуэлы Н. Мадуро были подписаны 28 соглашений о сотрудничестве между двумя странами в ключевых секторах венесуэльской экономики и социальной сферы (нефтяная промышленность, горная добыча, промышленные технологии, здравоохранение, общественная безопасность). Выступая на состоявшемся в Пекине заседании Смешанной двусторонней венесуэльско-китайской комиссии, Н. Мадуро отметил, что пакет новых соглашений «открывает путь к расширению деятельности созданных обеими странами совместных предприятий» [Venezuela...]. В частности, такие компании, как Sinovensa, Petrourica, Petrozumano и др., призваны сыграть заметную роль в разработке гигантских месторождений битуминозных песков так называемого «пояса Ориноко».

В то время как США, Канада, а также многие европейские и латиноамериканские государства признали Х. Гуайдо законным временным президентом Венесуэлы, Китай оказался в числе стран, поддержавших Н. Мадуро в качестве легитимного главы венесуэльского правительства. В то же время Пекин интересуется будущее его экономических проектов в этой южноамериканской стране и беспокоят перспективы выполнения Каракасом своих финансовых обязательств. По сообщениям международных СМИ, китайские дипломаты установили контакты и провели переговоры с представителями Х. Гуайдо о судьбе кредитов и инвестиций КНР в случае смены государственной власти в Венесуэле.

События в Венесуэле напрямую затронули стратегические интересы Российской Федерации, поскольку у российского руководства с правительствами У. Чавеса и Н. Мадуро сложились тесные взаимоотношения в политико-дипломатической, торгово-экономической и военно-технической сферах. При этом стороны неоднократно подчеркивали, что российско-венесуэльское взаимодействие носит не конъюнктурный, а долговременный характер.

В международно-политическом плане Каракас положительно оценил стремление Москвы «обеспечить новую геополитическую структуру мира, которая сможет ограничить гегемонию и захватнические претензии империалистического центра», и осудил санкционную политику, проводимую Соединенными Штатами против Венесуэлы, России и ряда других государств [Лавров...]. Демонстрируя эффективную солидарность с международной политикой Кремля, правительства У. Чавеса и Н. Мадуро признали независимость Южной Осетии и Абхазии (сентябрь 2009 г.) и на мировых площадках поддержали позицию РФ по Украине.

В экономической области сотрудничество двух стран приобрело масштабный и диверсифицированный характер, охватив такие отрасли, как нефтегазовую, энергетическую, строительную, транспортную, финансовую, а также некоторые сектора обрабатывающей промышленности. Лидирующую роль в этом процессе сыграли ведущие российские компании: ПАО «НК «Роснефть», ОАО «Газпром», «Газпромбанк», ОАО «Интер РАО ЕЭС», «Уралмаш», ПАО «КамАЗ», ОАО «Новошип», АКБ «Еврофинанс Мос-

нарбанк» и др. В частности, «Роснефть» стала одним из крупнейших инвесторов в Венесуэле, которую менеджмент компании рассматривает в качестве страны с «самой перспективной ресурсной базой в мировой нефтяной отрасли» [Роснефть...]. Исходя из такой оценки, в декабре 2018 г. Москва и Каракас договорились об инвестициях в венесуэльскую нефтяную промышленность в размере более 5 млрд долларов [Российские...].

Венесуэла стала одним из крупнейших покупателей российских вооружений и военной техники. По имеющимся оценкам, в 2005–2017 гг. суммарный объем венесуэльского импорта данной продукции из России превысил 11,5 млрд долл. Российские предприятия поставили в эту южноамериканскую страну истребители Су-30МК, ударные и военно-транспортные вертолеты Ми-35М, Ми-17 и Ми-26, танки, самоходные артиллерийские установки, боевые машины пехоты, реактивные залповые системы огня «Град» и «Смерч», средства противовоздушной обороны и т.д. Помимо закупок вооружения, важными направлениями российско-венесуэльского военно-технического сотрудничества стали строительство завода по производству автоматов АК-103 и создание сервисного центра по ремонту вертолетной техники. Как отмечалось в исследовании руководителей госкорпорации «Ростех» С.В. Чемезова и С.С. Гореславского, выход на венесуэльский рынок явился примером диверсификации отечественного экспорта продукции военного назначения [Чемезов].

Понятно, что именно Москва заняла наиболее твердую и последовательную позицию поддержки правительства Н. Мадуро – как на влиятельных мировых площадках (в частности, в Совете Безопасности ООН), так и на уровне двусторонних межгосударственных отношений. Свидетельством этому стали политические итоги поездки в Россию исполнительного вице-президента Венесуэлы Делси Родригес в начале марта 2019 г.

Визит Д. Родригес состоялся в момент резкого обострения ситуации в Венесуэле и вокруг нее. В этих чрезвычайно сложных условиях российское руководство в лице председателя Совета Федерации В.И. Матвиенко и министра иностранных дел С.В. Лаврова выступило в поддержку существующего в Каракасе политического режима. Выражая официальную позицию Москвы, В.И. Матвиенко на встрече с Д. Родригес заявила: «Россия поддерживает народ и законно избранное правительство Венесуэлы в борьбе за независимость своей страны. Выступаем против вмешательства извне в дела суверенных государств. Разрешить искусственно созданный кризис в Венесуэле можно только путем налаживания инклюзивного национального диалога» [В. Матвиенко...].

В ходе переговоров российские представители обратили внимание на необходимость наращивания двустороннего делового сотрудничества и формирования новых механизмов взаимодействия. Вместе с венесуэльскими коллегами они обсудили повестку очередного заседания Межправительственной российско-венесуэльской комиссии высокого уровня (Москва, начало апреля 2019 г.). Стороны договорились использовать это мероприятие для предметного обсуждения перспектив реализации крупных проектов в геологоразведке и недропользовании, совместных инициатив в области

фармацевтики, информационных технологий, ядерной медицины, мирного космоса, сфере военно-технического сотрудничества. Кроме того, было условлено «продолжать плотный диалог» и тесно координировать действия делегаций России и Венесуэлы в Совете Безопасности ООН и в других международных структурах. С.В. Лавров дал положительную оценку усилиям стран-членов «механизма Монтевидео» и готовности правительства Н. Мадуро вступить в диалог с представителями оппозиции [Выступление...].

Нефть и политика санкций

Стратегическое целеполагание внешней политики чавистских правительств с первых лет их пребывания у власти включало в себя активное противодействие политике США в Латинской Америке и, прежде всего, в Карибском бассейне. Каракас стал одним из главных идейно-политических оппонентов Вашингтона на региональном уровне, а также в рамках международных форумов, прежде всего в ООН, где венесуэльские руководители не упускали случая выступить с острой критикой США, нередко переходившей границы дипломатической этики и носившей откровенно оскорбительный характер в отношении американских президентов. Например, У. Чавес публично, в том числе с трибуны ООН, называл Дж. Буша «дьяволом, тираном, алкоголиком и больным человеком, ничего не смыслящим в политике», а Б. Обаму – «бедным невеждой». Разумеется, такого рода высказывания ухудшали венесуэльско-американские отношения и делали режим Чавеса/Мадуро еще более неуютным Белому дому. Сложность ситуации заключалась в том, что в финансово-экономическом плане Венесуэла, несмотря на диверсификацию внешних связей, продолжала зависеть от американского рынка, на который поставлялась значительная часть венесуэльской нефти (табл. 2). Это, безусловно, делало чавистов уязвимыми перед возможным давлением со стороны Вашингтона.

Таблица 2

Добыча нефти в Венесуэле и экспорт в США (среднегодовой показатель, тыс. баррелей в сутки)

Год	Добыча	Экспорт в США	Доля экспорта в США в добыче (%)
2000	3155	1546	49
2005	2565	1529	60
2010	2410	988	41
2015	2500	827	33
2016	2277	796	35
2017	2007	674	34
2018	1502	587	39

Источник: EIA. Monthly Energy Review. February 2019. Washington, 2019. P. 64, 194.

Белый дом прибег к традиционному инструменту давления и с декабря 2014 г. включил механизм санкций против правительства Н. Мадуро. Под предлогом «нарушения прав человека» сначала американский конгресс, а затем (в марте 2015 г.) президент Б. Обама ввели ограничительные меры в отношении физических и юридических лиц,

замешанных в таких нарушениях и «представляющих угрозу национальной безопасности и внешней политике Соединенных Штатов» [Naim].

Фронтальная санкционная и внешнеполитическая атака на Каракас началась с приходом в Белый дом Д. Трампа. Буквально через неделю после инаугурации (20 января 2017 г.) новый президент затребовал у своих помощников информацию о ситуации в Венесуэле, а 15 февраля принял в Белом доме Лилиан Тинтори – жену видного венесуэльского оппозиционера Леопольдо Лопеса (он состоит в той же партии «Народная воля», что и Х. Гуайдо), находившегося под арестом по обвинению в поджоге, терроризме и убийстве. На этой встрече, носившей беспрецедентный характер, присутствовали вице-президент Майкл Пенс и влиятельный сенатор-республиканец Марко Рубио, оба – ключевые члены президентской «команды ястребов», приступившей к подготовке отстранения Н. Мадуро от власти. Несколько позднее в команду вошли конгрессмен Марио Диас-Баларт, советник по национальной безопасности Джон Болтон, государственный секретарь Майкл Помпео, а также известный критик политики нормализации отношений с Кубой юрист Маурисио Клавер-Кароне [Mars].

В январе 2019 г. специальным представителем США по Венесуэле был назначен ветеран-неоконсерватор Эллиот Абрамс (под него в Государственном департаменте специально создали эту должность), печально известный своей причастностью в середине 1980-х годов к скандальной сделке «Иран – контраст». Именно Э. Абрамс стал главным ответственным за постоянные контакты между американской администрацией и Х. Гуайдо [Elliot...].

Анализируя экономическое положение в Венесуэле, высокопоставленные американские чиновники пришли к выводу, что режим Н. Мадуро оказался в эпицентре «идеального шторма» – сопряжения негативных внутренних и внешних факторов, серьезно ослабляющего его позиции. Из этого был сделан вывод о возможности изменить политический строй в стране путем давления на официальный Каракас и поддержки оппозиции. В результате Вашингтон с подачи «команды ястребов» дал старт мощной кампании санкций, нацеленных на финансовое удушение правительства Н. Мадуро. Вместе с тем не исключается и военная интервенция – в частности, «для защиты 47 тыс. американских граждан, находящихся в Венесуэле» [Guimón].

Центральное место в этой операции заняли меры в отношении компании PDVSA и ее американского филиала Citgo Petroleum. 28 января 2019 г. Белый дом отдал распоряжение заблокировать счета PDVSA и Citgo, а затем передал оппозиции право контролировать некоторые денежные потоки и венесуэльские активы на территории США. С учетом того, что экспорт нефти в Соединенные Штаты обеспечивает Венесуэле львиную долю валютных поступлений, данное решение отрезало правительство Н. Мадуро от значительной части внешнего финансирования и явилось для него тяжелейшим ударом.

Не менее важной задачей администрации Д. Трампа является вбить клин в отношения между Н. Мадуро и армией, которая (в первую очередь в лице порядка двух

тысяч привилегированных генералов) весь период боливарианской революции являлась главной опорой правящего режима. Сейчас вашингтонские ястребы установили каналы коммуникаций с венесуэльскими военными, убеждая их перейти на сторону оппозиции. Многие эксперты считают, что результат этих контактов станет решающим фактором, способным определить исход кризиса [EE.UU. ...].

«В Венесуэле борьба идет между диктатурой и демократией, и инициативой владеют сторонники свободы», – так изложила позицию Белого дома пресс-секретарь вице-президента М. Пенса Алиса Фара накануне совещания своего шефа с членами «Группы Лимы» в Боготе в конце февраля 2019 года [Vicepresidente...]. На этой встрече сам М. Пенс заявил, что администрация Д. Трампа «на 100%» поддерживает венесуэльскую оппозицию и будет добиваться отстранения Н. Мадуро от власти. В этой связи американский вице-президент обратился к членам «Группы Лимы» с призывом последовать примеру США и заморозить в своих странах активы PDVSA [Remarks...]. Тем самым Вашингтон добивался международного распространения санкций, односторонне введенных против правительства чавистов. Судя по всему, этот курс станет главным направлением политики администрации Д. Трампа в отношении Венесуэлы.

Литература:

- В. Матвиенко: Разрешить искусственно созданный кризис в Венесуэле можно только путем инклюзивного национального диалога. 3 марта 2019. – URL: council.gov.ru/events/news/102261/ (дата обращения: 05.03.2019).
- Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Исполнительным вице-президентом Венесуэлы Д. Родригес, Москва, 1 марта 2019 года. – URL: mid.ru/foreign_policy/news/ (дата обращения: 02.03.2019).
- Лавров: Россия намерена развивать стратегическое партнерство с Венесуэлой. 27 мая 2015. – URL: tass.ru/politika/1998376 (дата обращения: 01.02.2019).
- Латинская Америка в современной мировой политике. М.: Наука, 2009. С. 36–38.
- Международная контактная группа по Венесуэле. 04.02.2019. – URL: eeas.europa.eu/delegations/Russia_ru/57640/ (дата обращения: 15.02.2019).
- Роснефть. Развитие проектов в Венесуэле. – URL: rosneft.ru/business/Upstream/Exploration/razvitieproektovvvenesujele/ (дата обращения: 05.03.2019)
- Российские интересы в Венесуэле // Коммерсантъ. 24.01.2019.
- Чемезов С.В., Гореславский С.С. Диверсификация российского экспорта вооружений: венесуэльский case study // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 2. С. 29–33.
- Яковлев П.П. Интеграция в Латинской Америке: центристские и центробежные тренды // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, 2017, том 10, № 4. С. 90–91.
- Яковлева Н.М. Электоральный суперцикл в Латинской Америке: политические тренды // Перспективы. Электронный журнал. 2018. № 1(13). С. 69–80. – URL: perspectivy.info/upload/iblock/a42/Yakovleva_69_80.pdf (дата обращения: 02.02.2019).

- Acusan a dos familiares de Nicolás Maduro por cargos de narcotráfico en Nueva York. 12 Noviembre, 2015. – URL: cnnespanol.cnn.com/ (date of access: 02.02.2019).
- Bermúdez A.* Maduro vs Guaidó: qué se juega Cuba en la crisis política de Venezuela. 13 febrero 2019. – URL: bbc.com/mundo/noticias-america-latina-47221184 (date of access: 05.03.2019).
- Crisis en Venezuela: las 4 fases del Mecanismo de Montevideo para negociar una salida al conflicto (y por qué lo rechaza Juan Guaidó). 8 febrero 2019. – URL: bbc.com/mundo/noticias-america-latina-47165104 (date of access: 15.02.2019).
- EE.UU. está en contacto directo con militares venezolanos y los insta a dejar a Maduro. 8 de Febrero de 2019. – URL: americaeconomia.com/ (date of access: 05.03.2019).
- El Grupo de Lima reitera que la transición venezolana debe hacerse ‘pacíficamente’. 26.02.2019. – URL: eith.eus/es/noticias/internacional/6225060/ (date of access: 01.03.2019).
- Elliot Abrams, prominent D.C. neocon, named special envoy for Venezuela. – URL: politico.com/story/2019/01/25/elliott-abrams-envoy-venezuela-1128562/ (date of access: 05.03.2019).
- Gonzalo Ramírez C.* Secretos de la Dictadura 1948–1958. Caracas. 1996.
- Grupo de contacto otorgará garantías para que se realicen elecciones en Venezuela // El Comercio. Lima. 07.02.2019.
- Guimón P.* El talón de Aquiles de Maduro estaba en Estados Unidos // El País. Madrid. 04.02.2019.
- Inflación interanual en Venezuela llega a 2.688.000% en enero, según datos del Congreso. 8 de Febrero de 2019. – URL: americaeconomia.com/ (date of access: 05.03.2019).
- International Monetary Fund. Transcript of IMF Press Briefing. February 7, 2019. – URL: imf.org/en/News/Articles/2019/02/07/tr020719-transcript-of-imf-press-briefing (date of access: 05.03.2019).
- ITC. Trade statistics for international business development. – URL: trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c862%7c%7c000%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1 (date of access: 05.03.2019).
- Mars A.* Así se lanzó Trump al derribo de Maduro // El País. Madrid. 03.02.2019.
- Muñoz Puigcerver J.M.* Venezuela, ¿hay luz al final del túnel? // Cinco Días. Madrid. 04.02.2019.
- Naim M., Toro F.* Venezuela’s Suicide. Lessons From a Failed State. – URL: foreignaffairs.com/articles/south-america/2018-10-15/ (date of access: 08.02.2019).
- ONU: Número de venezolanos que salieron del país huyendo de la crisis se eleva a 3,4 millones. 22 de Febrero de 2019. – URL: americaeconomia.com/ (date of access: 05.03.2019).
- Ottawa Declaration for Venezuela. 05.02.2019. – URL: canada.ca/en/global-affairs/news/ (date of access: 13.02.2019).
- Presidente chileno respalda creación de bloque sudamericano para reemplazar a Unasur. 18 de Febrero de 2019. – URL: americaeconomia.com/ (date of access: 05.03.2019).
- Remarks by Vice President Pence to the Lima Group. Bogotá, Colombia. February 25, 2019. – URL: whitehouse.gov/briefings-statements/ (date of access: 02.03.2019).
- Sarquís D.J.* Crisis en Venezuela. – URL: revistafal.com/crisis-en-venezuela-2/ (date of access: 05.03.2019).
- Seijas A.* El petróleo, factor predominante en la economía venezolana. 10 de enero de 2011. – URL: andresseijas.blogspot.com/2011/01/el-petroleo-factor-predominante-en-la.html (date of access: 05.03.2019).
- Socialismo Latinoamericano del Siglo XXI. – URL: ecured.cu/Socialismo_Latinoamericano_del_Siglo_XXI (date of access: 05.03.2019).

The Institute of International Finance. Economic Views: How Much does Venezuela Owe? – URL: iif.com/ (date of access: 08.03.2019).

20 años del chavismo en el poder: por qué esta vez Nicolas Maduro parece cerca del final. – URL: infobae.com/america/venezuela/2019/02/02/ (date of access: 12.02.2019).

Venezuela y China firman 28 nuevos acuerdos. 14.09.2018. URL: americaeconomica.com/ (date of access: 20.10.2018).

Vicepresidente de EE.UU. se reunirá con el Grupo de Lima en Colombia para hablar sobre Venezuela. 21 de Febrero de 2019. – URL: americaeconomia.com/ (date of access: 25.02.2019).

DOI 10.32726/2411-3417-2019-1-53-65
УДК 327; 329

Вадим Трухачёв

Противоречивая политика Австрии в отношении России: позиции партий

Аннотация. За последние годы Австрия превратилась в одного из ключевых партнеров России в Европе. Австрийские политики не раз предлагали пути к ослаблению и отмене антироссийских санкций, при том что Австрия каждый раз соглашалась с их продлением при голосовании в Евросоюзе. В австрийской элите существуют весьма разные точки зрения на отношения с Россией, и такая пестрая палитра мнений так или иначе отражается и на российско-австрийских связях, и на внешней политике Австрии в целом.

Ключевые слова: Австрия, Россия, Евросоюз, партии, С. Курц, санкции.

За последние годы Австрия превратилась в одного из ключевых партнеров России в Европе. Российские и австрийские государственные деятели постоянно обмениваются визитами. Австрийские политики, в отличие от большинства своих коллег по Евросоюзу, не призывают к ужесточению санкций в отношении России и постоянно подвергают сомнению их эффективность. Такое положение вещей сложилось еще в 2014–2017 гг., когда у власти находилась коалиция социал-демократов и консервативной Австрийской народной партии (АНП), а с формированием в 2017 г. правительства в составе АНП и Австрийской партии свободы (АПС) отношения с Россией даже укрепились.

Основой двустороннего взаимодействия являются экономические связи. В России много лет успешно работают такие гиганты австрийского бизнеса, как Raiffeisen Bank, строительная компания Strabag, местные «дочки» Siemens и германских автоконцернов. Кроме того, Австрия остается крупным покупателем российских энергоносителей. Ранее страна должна была стать конечной точкой газопровода «Южный поток», а теперь ратует за строительство «Северного потока – 2».

Однако нельзя сказать, что Австрия стала «опорой России» в Европе. Несмотря на примирительные заявления руководителей страны, австрийцы из года в год голосуют за продление антироссийских санкций ЕС. Кроме того, внутри австрийской элиты существуют разные подходы к тому, как следует выстраивать отношения с Россией. Весьма различные точки зрения порой имеют место даже внутри одной политической силы.

Сведения об авторе: ТРУХАЧЁВ Вадим Вадимович – доцент факультета международных отношений и зарубежного регионоведения РГГУ, кандидат исторических наук; vadimvts@mail.ru.

Разброс мнений в Австрийской народной партии

Правящая АНП оказалась единственной из ведущих политических сил страны, уделившей в предвыборной программе 2017 г. значительное внимание отношениям с Россией. Австрийские консерваторы заявили о готовности сотрудничать с Москвой: «Мы хотим постепенно уменьшить российские санкции... Австрия должна стать более вовлеченной в вопрос сотрудничества с Россией. Нам не следует возвращаться к блоковому мышлению в Европе... Долгосрочный и устойчивый мир в Европе будет возможен только с Россией, а не против нее» [Der neue Weg...].

Партия признает, что введенные Евросоюзом антироссийские ограничения вредят австрийской экономике. Действительно, торговый оборот между Австрией и Россией в 2014–2016 гг. снижался, и только в 2017 г. наметилась тенденция к росту [Bilaterale...]. Но о безусловном и немедленном прекращении действия санкций консерваторы не говорят – речь идет, скорее, об их поэтапном снятии, в увязке с украинской ситуацией: «Санкции, которые мы продолжаем применять против России, наносят ущерб нашей экономике. Для нас выполнение Минских соглашений остается центральным критерием снятия санкций. Поскольку прогресса в этом отношении очень мало, мы работаем над постепенным прекращением санкций по мере постепенного осуществления Минских соглашений» [Der neue Weg...].

Федеральный канцлер и руководитель АНП Себастьян Курц выдвинул похожие идеи еще в 2016 г., когда, будучи министром иностранных дел, готовился к австрийскому председательству в ОБСЕ. По его словам, в XXI в. нельзя мыслить в категориях холодной войны, надо поощрять Россию за каждый шаг, который она делает навстречу Западу. «Нам необходимо восстановить доверие в Европе и перейти от системы наказаний в виде санкций к системе стимулов... – отмечал Курц. – За каждый позитивный локальный сдвиг мы должны постепенно ослаблять санкции» [OSZE...].

В 2018 г. С. Курц, уже будучи канцлером, возглавил австрийское председательство в Евросоюзе. А в начале июня того же года Вену с визитом посетил В.В. Путин. На совместной пресс-конференции канцлер Австрии сделал очередное заявление по поводу необходимости работы над ослаблением санкций: «Во время своего председательства Австрия будет работать над улучшением отношений между Россией и ЕС, и я надеюсь, что мы сможем добиться прогресса в диалоге, включая постепенное облегчение санкций» [Bundeskanzler...].

В отличие от С. Курца, его предшественник на посту председателя АНП, вице-канцлер и министр экономики в 2014–2017 гг., Райнхольд Миттерленер в 2014 г. прямо выступил в поддержку антироссийских мер, поскольку «единственной альтернативой санкциям было бы военное вмешательство». С его точки зрения, Европе следовало продемонстрировать единство перед лицом действий России, при этом Австрия должна взять на себя роль активного переговорщика в отношениях с Москвой. Признавая, что ограничительные меры ударят по австрийской экономике, вице-канцлер считал,

что «политическая целесообразность сейчас имеет решающее значение» [Mitterlehner verteidigt...].

Ближе к концу 2016 г. тональность высказываний Р. Миттерленера изменилась. Он по-прежнему ссылаясь на необходимость выполнения Россией Минских соглашений 2015 г., однако теперь уже не соглашался с призывами ужесточить давление на РФ и даже намекнул на возможность снятия ограничений. «В долгосрочной перспективе санкции не являются правильным способом для налаживания хорошего сотрудничества» [Mitterlehner für...]. Таким образом, позиции Миттерленера и его однопартийца Курца к этому времени почти не отличались.

Однако среди видных функционеров АНП имеет место и более критический подход к России. Наиболее ярко его выразил комиссар ЕС по вопросам расширения и европейской политики соседства Йоханнес Хан. По его мнению, антироссийские меры воздействия нужно было вводить и они дали свои плоды. «ЕС был вынужден ввести санкции, так как Россия... подрывает европейскую архитектуру мира и безопасности последних двух десятилетий... В том, что наши экономические и финансовые меры в сочетании со снижением цен на нефть оказались эффективными, нет ни малейшего сомнения. Они дали понять Москве, что ее недопустимый торг имеет высокую экономическую цену», – утверждал австрийский еврокомиссар [Interview...].

В то же время Й. Хан ничего не говорил об ужесточении ограничительных мер и высказывался за продолжение диалога с Россией. «Санкции – не самоцель, а инструмент политики. Поэтому мы всегда оставляли дверь открытой для переговоров с Россией... РФ должна принять предложение о долгосрочном и устойчивом решении конфликта (на востоке Украины – В.Т.)». В целом Хан настаивал на правильности линии Евросоюза с его «двусторонним подходом» (санкции и переговоры), подчеркнув, что «санкции останутся в действии столько, сколько требуется для оказания давления» [Ibidem].

Многолетний лидер Народной партии, канцлер Австрии в 2000–2006 гг. Вольфганг Шюссель, напротив, изначально выступал против антироссийских санкций. Осенью 2014 г. он был одним из почетных гостей Валдайского форума, где произнес: «Экономические, политические санкции, военные действия – это всегда свидетельство слабости... У России и Европы сложилась эффективная сеть взаимодействия в экономике, политике, культуре. Пусть оно не всегда является легким, но взаимодействие существует» [Цит. по: Трухачёв].

Можно сделать вывод, что внутри Австрийской народной партии существуют разные мнения относительно антироссийских санкций. Преобладает же точка зрения, отраженная в выступлениях канцлера С. Курца и в партийной предвыборной программе: надо работать над снятием ограничительных мер. Однако речь идет не о безоговорочной отмене санкций, а скорее о смягчении – в случае, если Москва будет стремиться к выполнению Минских соглашений (стороной которых она юридически не является). Причем заявленное Курцем намерение добиваться ослабления санкций, судя по итогам завершившегося австрийского председательства в ЕС, воплотить в жизнь так и не удалось.

Социал-демократы: антироссийский поворот

В отличие от консерваторов, входившая с ними в большую правящую коалицию с 2006 по 2017 г. Социал-демократическая партия Австрии (СДПА) в своих программных документах об отношениях с Россией не писала. Однако в программе СДПА 2018 г. есть фрагмент, где говорится о том, как нужно выстраивать отношения с ближайшими соседями Евросоюза. «Особое значение для внешней политики ЕС имеет активное партнерство с соседними странами – как на европейском континенте, так и за его пределами... С теми государствами, которые не являются частью Евросоюза, нам необходимо установить стабильные отношения, такие как привилегированные партнерства, где в центре внимания окажется не только экономическое сотрудничество» [Sozialdemokratische...]. Тем самым на необходимость сотрудничества с Россией (пусть и косвенно) австрийские левые указывают.

Будучи долгие годы у руля государства, австрийские левые политики довольно четко обозначали свое видение отношений между Евросоюзом и Россией. Один из бывших лидеров СДПА, президент Австрии в 2004–2016 гг. Хайнц Фишер, не поддерживая в целом действия России, еще в 2014 г. предостерегал от ужесточения санкционной политики в отношении Москвы и даже раскритиковал линию ЕС. «Евросоюз также допустил ошибки во время кризиса.... Украине должно быть разрешено сотрудничать как с Европой, так и с Россией в духе партнерства, но в Брюсселе сочли, что надо поставить на обсуждение лишь Соглашение об ассоциации, – подчеркивал бывший президент... – Последствия известны. Конечно, это не меняет того факта, что аннексия Крыма противоречит международному праву» [Fischer...].

Многолетний лидер социал-демократов, канцлер Австрии в 2008–2016 гг. Вернер Файманн, не подвергая в целом критике линию ЕС в отношении России, подчеркивал, что не следует слишком часто прибегать к давлению: «Мы не принадлежим к числу тех, кто постоянно доверяет «санкционному клубу» в уверенности, что это решит проблему... Мы говорим, что это последнее средство и его следует использовать с осторожностью» [Die Furcht...]. Файманн также призывал к сохранению диалога с РФ: «Мы убеждены, что переговоры с участием России – правильный путь. Я всегда говорил, что они (санкции) – это всего лишь маленький кусочек мозаики, притом очень нежелательный. Австрийцы всегда выступали за политические переговоры, и мы будем продолжать настаивать на этом» [Цит. по: Трухачёв].

Именно принадлежащие к СДПА президент и канцлер сделали многое для того, чтобы российско-австрийский диалог (и шире – диалог между Россией и ЕС) не прерывался. Фишер и Файманн сами приезжали в РФ с визитами и принимали в Вене В. Путина, на что в 2014–2016 гг. решались немногие европейские лидеры. Эстафету переговоров подхватил еще один канцлер из числа социал-демократов – Кристиан Керн, занимавший пост главы правительства в 2016–2017 гг. В июне 2017 г. он посетил Петербургский международный экономический форум. Керн поддержал план С. Курца, направленный на постепенное снятие санкций, но особо подчеркнул необходимость соблюдения Минских соглашений: «Без прогресса в этом не будет никакого облегчения в плане санкций» [Kern: Russland-Sanktionen...].

Отметим, что пресс-секретарь К. Керн Ю. Шварц, ссылаясь на позицию канцлера, говорил о недопустимости расширения антироссийских санкций, на котором настаивали США. По его словам, таким образом американцы пытаются влиять на энергетическую политику Европы: «Одностороннее ужесточение санкций США против России может быть прискорбным отходом от согласованной общей политики ЕС – США в отношении Украины... Объектом планируемых санкций могут стать европейские компании, работающие в области развития энергетической инфраструктуры, что также может повлиять на крупные австрийские компании... Это было бы крайне тревожно» [Kern kritisiert...]. В то же время правильность антироссийских санкций Евросоюза Керн под сомнение не ставил.

С 2018 г. перешедших в оппозицию социал-демократов возглавила Памела Ренди-Вагнер. Сама она о России пока не высказывалась. Однако принятое при ее участии в сентябре 2018 г. заявление СДПА содержит критику политики действующего правительства Австрии в отношении России. Особенно досталось главе МИД Австрии Карин Кнайсль за приглашение на ее свадьбу президента РФ: «Появление Путина на свадьбе Кнайсль не только подрывает всю внешнеполитическую стратегию ЕС, включая санкции против России, но и ставит под сомнение посредническую роль Австрии в переговорах между Россией и Западом» [Die schlimmsten...]. Тем самым социал-демократы дали понять, что выступают за продолжение диалога с Россией, но стратегия ЕС по сохранению санкций теперь стала для них центральным пунктом. У перешедших в оппозицию австрийских левых наметился определенный антироссийский крен.

Австрийская партия свободы и другие евроскептики

Крайне правая евроскептическая Австрийская партия свободы находилась в оппозиции в 2005–2017 гг. С конца 2017 г. она входит в правящую коалицию с Народной партией на правах младшего партнера. АПС принадлежит к числу тех политических сил Европы, которые с пониманием относятся к российскому курсу, и в 2016 г. даже подписала договор о сотрудничестве с «Единой Россией» [Putin und Strache-FPÖ...]. В предвыборной программе 2017 г. отношениям с РФ много внимания не уделялось, однако ошибочность антироссийской линии Евросоюза подчеркивалась недвусмысленно. По мнению АПС, участие в санкциях против России противоречит нейтральному статусу Австрии. «Политика, которая противоречит любому нейтралитету, например, направленная против России, и которая к тому же наносит ущерб своей экономике и сельскому хозяйству», называлась образцом нечестности [Österreicher...].

Свое несогласие с курсом Евросоюза в отношении России АПС обозначила еще в марте 2014 г., когда ее представители стали наблюдателями на референдуме о судьбе Крыма. Многолетний руководитель партии Хайнц-Кристиан Штрахе приветствовал присоединение Крыма к России, назвав референдум «чистым и мирным». Он выступил против введения ЕС ограничительных мер в отношении РФ, высказавшись о них как о «ненужных». По мнению Штрахе, пришло время провести референдумы, аналогичные

крымскому, в Шотландии, Каталонии и Южном Тироле [Krim-Krise...] (в последнем случае речь шла о том, что немецкоязычное население принадлежащего Италии региона должно иметь право войти в состав Австрии).

Став в конце 2017 г. вице-канцлером и министром спорта Австрии, лидер Австрийской партии свободы продолжил настаивать на отмене ограничительных мер. В канун визита в Вену В. Путина в начале июня 2018 г. Х.-К. Штрахе говорил о геополитическом вреде санкций для Европы. По его мнению, они подталкивают Россию в объятия будущего главного оппонента Запада: «Переосмысление политики Евросоюза было бы желательно. В частности, санкции нанесли ущерб нашей австрийской экономике. Я всегда предостерегал против подталкивания России в объятия Китая. Настало время положить конец этим утомительным санкциям и нормализовать политические и экономические отношения с Россией» [Strache...].

На президентских выборах 2016 г. кандидат от Партии свободы (ныне – министр транспорта и технологий Австрии) Норберт Хофер только в третьем туре проиграл своему сопернику, набрав порядка 46,5%. В случае своего избрания он обещал снять санкции с РФ. «Отношения с Россией значительно улучшатся... Я просто считаю, что путь, который сейчас пройден – с санкциями – должен быть завершен.... Основная идея Евросоюза состояла в том, чтобы обеспечить прочный мир посредством тесных экономических контактов... Если мы хотим мирно жить вместе, то нам также нужна торговля с Россией» [Norbert Hofer...].

Ставшая в 2017 г. главой МИД по квоте АПС К. Кнайсль наделала шума на весь мир, пригласив в августе 2018 г. на свою свадьбу В. Путина, что само по себе являлось четким политическим жестом [Тост и танец...]. А ранее, едва заняв должность министра, она дала понять, что считает политику санкционного давления на РФ бессмысленной, – впрочем, в отличие от других министров от АПС, прямо не выступив за их отмену. «Эти санкции, которые были приняты 31 июля 2014 г., направлены в первую очередь на газовую и нефтяную промышленность в районе арктического глубоководного бурения, – отметила Кнайсль. – На мой взгляд, эти санкции не были плодотворными... Ослабление российской нефтяной промышленности, задуманное прежде всего Соединенными Штатами, не достигло поставленных целей» [Karin Kneissl...].

Противником санкций была и ныне сошедшая с политической арены другая евро-скептическая партия – «Список Штронаха», имевшая фракцию в Национальном совете (нижней палате парламента) Австрии в 2013–2017 гг. Руководитель фракции Катрин Нахбаур напоминала, что санкции были расширены в том числе после гибели голландского «Боинга» над Донбассом в июле 2014 г., причастность к которой России никто не доказал. Отмечая, что ограничительные меры обернутся потерями 11 тыс. рабочих мест в Австрии, а австрийские банки понесут убытки в 40 млрд евро, Нахбаур подчеркивала ошибочность такого курса: «Политики должны чувствовать свои обязательства перед рабочими и компаниями... Нам не нужна экономическая война... Нам нужны правовая определенность и мир!» [Russland-Sanktionen...].

В отличие от консерваторов и левых, австрийские евроскептики последовательны в своем неприятии европейской политики санкций в отношении России. Соображений по поводу мотивов их позиции может быть несколько. Во-первых, они во многом изначально настроены против стратегии ЕС. Во-вторых, они стараются показать своим избирателям, что заботятся о национальных интересах Австрии, которая теряет деньги и идет на поводу у внешних сил. В-третьих, австрийские евроскептики не прочь применить «крымский прецедент» в том же Южном Тироле. Австрийская партия свободы была и остается наиболее благожелательно настроенной к России крупной политической силой страны.

Либеральные и «лево-зеленые» критики России

Помимо сил, нацеленных в той или иной мере на поддержание австро-российского диалога, свои (небольшие) фракции в Национальном совете Австрии имеют и последовательные критики Москвы. Одним из них является партия «NEOS — Новая Австрия и Либеральный форум». В ее программе о России не говорится ни слова, при этом австрийские либералы подготовили специальный документ с изложением своего видения ситуации на Украине, в котором подчеркивается необходимость вести диалог с РФ как можно жестче – вплоть до разрыва официальных каналов связи. «Россия... неоднократно нарушала международное право, NEOS поддерживает решительную линию Евросоюза. Европа должна говорить с Москвой единым голосом... Есть риск, что аннексия (Крыма) и действия сепаратистов на востоке Украины станут прецедентом для других конфликтов. Поэтому мы выступаем за то, чтобы в случае эскалации конфликта на Украине меры против России расширились – вплоть до ее исключения из международных организаций и максимального экономического давления. В то же время диалог между Россией, Украиной, ЕС и США необходимо поддерживать» [Die Krise...].

С точки зрения либералов, ради достижения политических целей стоит отказаться даже от поставок российских энергоносителей. «Европа могла бы обойтись без российского газа, – говорится в партийном документе. – Хотя Россия поставляет 30% газа в Европу, ... его можно заменить за счет увеличения собственной добычи (Норвегия), альтернативных поставщиков газа (Северная Африка и сжиженный газ с Ближнего Востока), перехода на другой вид топлива» [Ibidem].

Либералы с раздражением восприняли сам факт того, что высшие должностные лица Австрии принимали В. Путина. По мнению одного из лидеров партии Клаудии Гамон, такие действия подрывают европейское единство: «Правительство вновь запуталось во внешнеполитических противоречиях... Оно не только лишает себя доверия, но и ослабляет общую европейскую внешнюю политику... Оставаться в диалоге с Россией важно, но, тем не менее, на постоянные нарушения международного права Россией в Крыму нельзя не обращать внимания» [Putin in Wien: Kritik...]. А приезд президента РФ на свадьбу К. Кнайсль вызвал острую критику депутата от «Новой Австрии» Штефани Криспер, потребовавшей раскрыть источники финансирования этого визита: «Налогоплательщикам не нужно платить за участие самодержца в частном празднике нашего министра иностранных дел» [Was Putins...].

В отличие от либералов, с 2013 г. имеющих фракцию в Национальном совете, созданное представителями левых крыльев социал-демократов и «зеленых» объединение «Список Петера Пильца» появилось только в 2017 г. и сразу же сумело преодолеть барьер в 4% голосов, необходимый для попадания в парламент. В программных документах «лево-зеленых» на российскую тему ничего не говорится, но, судя по заявлениям 2018 г., к России они относятся без всякой симпатии. Впрочем, к ужесточению анти-российских мер их представители, в отличие от «Новой Австрии», прямо не призывали.

Один из лидеров «лево-зеленых» Альма Задич выразила недовольство приемом, который власти страны оказали в июне 2018 г. президенту РФ. Она также потребовала от Австрийской партии свободы расторгнуть договор о сотрудничестве с «Единой Россией», мотивировав это следующим образом: «Невозможно, чтобы у другого правительства была даже теоретическая возможность влиять на австрийскую политику посредством партийного контракта». Критикуя вице-канцлера Штрахе за призывы отменить антироссийские санкции, Задич ставила ему в вину то, что «он идет по пути столкновения с линией ЕС», тогда как «Австрия должна содействовать единой совместной линии Евросоюза по вопросам внешней политики» [Zadic...].

Основатель партии Петер Пильц, в свою очередь, высказался по поводу задержания в ноябре 2018 г. полковника вооруженных сил Австрии, обвиненного в передаче России секретных сведений. Он припомнил еще два аналогичных случая и выразил обеспокоенность тем, что подобные инциденты подрывают доверие к Федеральному управлению по защите конституции и борьбе с терроризмом Австрии (BVT) со стороны коллег из других стран ЕС и США. Пильц назвал недопустимым присутствие людей, так или иначе связанных с АПС, в подобных ведомствах, указывая на сотрудничество австрийских крайне правых с Россией [Pilz...].

«Зеленые» противники России и проевропейский президент

Австрийские «зеленые» на протяжении более 20 лет имели свою фракцию в Национальном совете, однако по итогам выборов 2017 г. набрали чуть более 3% голосов и в нижнюю палату парламента не прошли. Впрочем, экологи сохраняют немалое влияние в австрийской политике. Депутаты от этой партии имеются и в Европарламенте, и в верхней палате австрийского парламента – Федеральном совете. Наконец, президентом Австрии с 2017 г. является Александр ван дер Беллен, в 1997–2008 гг. бывший лидером «зеленых».

В партийной программе 2017 г. о самой России не сказано ничего, но российский президент фигурирует в числе главных угроз европейской стабильности – наряду с руководителями США, Турции, а также националистическими политиками Центральной Европы. «Европа на распутье, – говорится в документе. – Будь то Орбан в Венгрии или Качиньский и Шидло в Польше, будь то националистические антиевропейские партии или Трамп, Эрдоган и Путин, – мы, зеленые, не станем приносить в жертву Европу, свободу и многие достижения последних десятилетий в угоду политическим силам внутри

и за пределами Европы, которые хотят вернуться к национализму и антидемократическому авторитарному государству» [Das ist Grün...].

С самого начала кризиса вокруг Украины и введения Евросоюзом антироссийских санкций австрийские «зеленые» высказывались против конструктивного диалога с Россией. Председатель партии в 2008–2017 гг. Эва Главишниг еще в июне 2014 г. раскритиковала австрийские власти за то, что они не поспособствовали организации встречи прибывшего в Вену В. Путина с парламентариями, которые из-за этого лишились «возможности задать российскому президенту вопросы и изложить свои взгляды на кризис в Украине и ситуацию с правами человека в России» [Putin-Besuch...]. Главишниг также подчеркнула, что «Австрии и Европе необходимо расширять использование возобновляемых энергоресурсов и сосредоточиться на энергоэффективности, уменьшая свою зависимость от импорта ископаемых энергоносителей из геополитически небезопасных регионов», тогда как крупные закупки российских углеводородов рискуют превратить Австрию в «газовый центр» Европы и «ограничивают политический суверенитет» [Ibidem].

Свой подход «зеленые» не изменили и в последующие годы. Так, в ходе предвыборной кампании 2017 г. сопредседатель партии, известный в Европе борец за права секс-меньшинств Ульрике Луначек заявила о необходимости ужесточить антироссийские санкции – прежде всего в отношении близкого окружения президента РФ [Verschärfungen...]. Год спустя депутат Европарламента от австрийских «зеленых» Михель Реймон осудил прием В.В. Путина в Вене австрийским руководством: «Цель Путина предельно ясна – ослабление и разрушение ЕС. Себастьян Курц и Хайнц-Кристиан Штрахе – его добровольные помощники» [Reimon...]. А комментируя приезд Путина на свадьбу главы МИД К. Кнайсль, Реймон назвал главу российского государства «деспотом» [Ein Despot...].

Таким образом, на протяжении ряда лет «зеленые» наряду с либералами из «Новой Австрии» выступали с жестких антироссийских позиций, порой доходя до откровенной грубости. На этом фоне бывший руководитель «зеленых», президент Австрии А. ван дер Беллен выглядит умеренным политиком. Впрочем, никакого интереса к взаимодействию с Россией он не проявлял и, в отличие от своего предшественника Х. Фишера, до сих пор не был в РФ с визитом.

Свои взгляды на антироссийские санкции ван дер Беллен изложил в ноябре 2016 г., за месяц до третьего тура президентских выборов, в котором за него проголосовали свыше 53% избирателей. Он поддержал идею С. Курца о постепенном снятии с России ограничений по мере улучшения ситуации на востоке Украины, отметив в то же время, что сами санкции считает правильными. «Они не упали с неба, – сказал ван дер Беллен. Это должно оказать давление на политическое руководство России... Путин очень умный политик. Я бы не стал его недооценивать. Вопрос в том, насколько он готов смириться с экономическим провалом из-за позиции России на востоке Украины» [Transkript...].

Во время визита в Вену президента РФ в июне 2018 г. А. ван дер Беллен по окончании переговоров с российским коллегой подчеркнул, что «Австрия всегда старалась внести свой вклад в снижение напряженности» и будет «продолжать делать это сейчас и в будущем», но ей надлежит «действовать в согласии с ЕС» [Sanktionen...]. В отличие от своих бывших коллег по партии «зеленых» и от либералов, австрийский президент выступил против отказа от российского газа: «В последнее время некоторые американские политики предупреждают, что зависимость ЕС от России в этом отношении слишком велика. Цена американского сжиженного газа в два-три раза выше»; поэтому с экономической точки зрения смена поставщика газа имеет «мало смысла» [Putin in Wien: Van der Bellen...].

Подход ван дер Беллена во многом созвучен тому, как ведет себя канцлер соседней Германии Ангела Меркель. С одной стороны, он не видит возможностей для отмены антироссийских санкций, с другой – не высказывается за их ужесточение и против российско-европейских энергетических проектов. В целом австрийский президент, который относится к России более критически, чем правительство страны, выступает своего рода «представителем Евросоюза и Германии» в Австрии.

«Полулояльный» курс

Таким образом, в австрийской элите существуют самые разные подходы к отношениям с Россией, и все они так или иначе отражаются на внешней политике страны. В то же время потенциал воздействия на официальный курс у разных политических сил разные. Жесткие критики России в лице «NEOS – Новой Австрии и Либерального форума», партии «Список Петера Пильца» и «зеленых» набрали на парламентских выборах 2017 г. в сумме немногим более 12% и остаются в оппозиции [В Австрии...]. Президент А. ван дер Беллен определенное влияние на принятие решений имеет, и он олицетворяет преобладающее сегодня в Евросоюзе мнение – «антироссийские санкции не отменяем, но и не ужесточаем».

Противники санкций в лице Австрийской партии свободы, заручившейся поддержкой 26% избирателей, входят в правительство. Однако в большей степени политику страны определяет Австрийская народная партия, победившая на последних выборах с результатом в 31% [Там же]. Внутри нее имеются разные точки зрения, а в целом преобладает линия канцлера С. Курца на взаимодействие с Россией без решительных шагов ей навстречу. Этот подход в целом разделяют и социал-демократы, возглавлявшие правительство в 2006–2017 гг. Они набрали 27% голосов [Там же] на последних парламентских выборах и благодаря также своим достаточно многочисленным депутатам и чиновникам на местах имеют возможность оказывать влияние на принятие решений.

Ограниченность движения навстречу России имеет и иные объяснения, выходящие за рамки установок конкретных партий. Одно из них – экономическое. Как бы успешно ни развивались российско-австрийские связи, Россия не входит в десятку крупнейших торговых партнеров Австрии. Уверенно лидирует здесь Германия, отношениями с которой австрийцы особенно дорожат также в силу языковых, культурных,

исторических причин. А такие сторонники ужесточения антироссийских мер, как США и Польша, занимают в австрийской внешней торговле более значимое место, чем РФ [Außenwirtschaftsförderung].

Историко-политическая опора у российско-австрийских отношений имеется, но не самая прочная. Хотя Российская и Австрийская империи не раз бывали союзниками, а с Советским Союзом Австрия после 1945 г. поддерживала довольно ровные отношения, проблем между двумя государствами тоже хватало. Разногласия вылились когда-то во «враждебный нейтралитет» Австрии во время Крымской войны 1853–1856 гг., в пересмотр итогов русско-турецкой войны 1877–1878 гг., а затем и в нахождение по разные стороны фронта в годы двух мировых войн XX в.

Да и сегодня противоречия между Россией и Австрией на Балканах никуда не делись. К примеру, австрийцы одними из первых признали независимость Косово в 2008 г., а к Сербии в силу исторических причин, в отличие от России, относятся более чем прохладно. В конфликте вокруг Украины австрийцы в целом следовали линии ЕС и ни разу открыто не вставали на сторону РФ. Наконец, Австрия никогда не входила в число стран, выступавших за облегчение визового режима для российских граждан, что свидетельствует о настороженном отношении к России.

Тем не менее на фоне большинства других европейских государств политика Австрии на российском направлении кажется весьма умеренной и предсказуемой. И, с большой вероятностью, эта линия в ближайшие годы сохранится. Во всяком случае, в программе нынешнего австрийского правительства отражен именно такой настрой: «Австрия будет активно работать над снижением напряженности и связанных с ней санкций, обусловленных, в частности, конфликтом на Украине... Как исторический мост между Востоком и Западом, Австрия должна быть местом активного диалога и проводить политику разрядки между Западом и Россией» [Zusammen...]. А в качестве некоторого противовеса этой установке будет выступать склонный следовать общей линии ЕС президент А. ван дер Беллен.

Литература

- В Австрии объявили окончательные итоги досрочных парламентских выборов // РИА Новости. 20.10.2017. – URL: ria.ru/20171020/1507211115.html (дата обращения: 24.01.2019).
- Тост и танец Путина. Появилось видео со свадьбы главы МИД Австрии. 19 августа 2018 г. – URL: youtube.com/watch?v=zlpU_QeZgKI (дата обращения: 24.01.2019).
- Трухачёв В. Непослушание «младшего немецкого брата» // Столетие. 07.11.2014. – URL: stoletie.ru/rossiya_i_mir/neposlushaniye_mladshego_nemeckogo_brata_250.htm (дата обращения: 24.01.2019).
- Außenwirtschaftsförderung // Bundesministerium Europa, Integration und Äußeres. – URL: bmeia.gv.at/europa-aussenpolitik/aussenwirtschaftsfoerderung/ (дата обращения: 24.01.2019).
- Bilaterale Wirtschaftsbeziehungen Osteuropa // Bundesministerium Digitales und Wirtschaftsstandort. – URL: bmdw.gv.at/Aussenwirtschaft/oesterreichswirtschaftsbeziehungen/WirtschaftausserhalbderEU/Seiten/Osteuropa.aspx (дата обращения: 24.01.2019).

- Bundeskanzler Kurz: Österreich unterstützt Dialog zwischen EU und Russland // Bundeskanzleramt Österreich. 05.06.2018. – URL: bundeskanzleramt.gv.at/-/bundeskanzler-kurz-osterreich-unterstutzt-dialog-zwischen-eu-und-russland (дата обращения: 24.01.2019).
- Das ist Grün. Wahlprogramm der GRÜNEN Nationalratswahl 2017. – URL: diepresse.com/mediadb/pdf/Wahlprogramm_Gruene.pdf (дата обращения: 24.01.2019).
- Der neue Weg. Das Programm der Liste Sebastian Kurz – die neue Volkspartei zur Nationalratswahl 2017. – URL: diepresse.com/mediadb/pdf/Wahlprogramm_Teil3.pdf (дата обращения: 24.01.2019).
- Die Furcht vor dem Bumerang-Effekt // Handelsblatt.com. 29.07.2014. – URL: handelsblatt.com/politik/international/eu-sanktionen-gegen-russland-oesterreich/10260078-2.html?ticket=ST-1585927-UWQ7XgwRH7FpNBcCQWJ4-ap6 (дата обращения: 24.01.2019).
- Die Krise in der Ukraine. NEOS Position. – URL: partei.neos.eu/wp-content/uploads/2014/04/positionspapier-ukraine-krise.pdf (дата обращения: 24.01.2019).
- Die schlimmsten schwarz-blauen Angriffe III: Demokratie in Gefahr // Sozialdemokratische Partei Österreich. 04.09.2018. – URL: spoe.at/2018/09/04/demokratie_in_gefahr/ (дата обращения: 24.01.2019).
- «Ein Despot ist nie privat»: Kneissl-Rücktritt gefordert // Heute.At. 16.08.2018. – URL: heute.at/politik/news/story/Michel-Reimon-Gruene-fordert-Ruecktritt-von-Au-enministerin-Kneissl-Putin-Hochzeit-52766777 (дата обращения: 24.01.2019).
- Fischer: Härtere Sanktionen gegen Russland «unklug» // DiePresse.com. 28.12.2014. – URL: diepresse.com/home/politik/innenpolitik/4627449/Fischer_Haertere-Sanktionen-gegen-Russland-u... (дата обращения: 24.01.2019).
- Interview: EU-Kommissar Johannes Hahn über die Russland-Sanktionen // Profil. 16.03.2015. – URL: profil.at/wirtschaft/interview-eu-kommissar-johannes-hahn-russland-sanktionen-5557484 (дата обращения: 24.01.2019).
- Karin Kneissl: «Russland-Sanktionen sind stumpf» // Kurier.At. 08.01.2018. – URL: kurier.at/politik/inland/karin-kneissl-russland-sanktionen-sind-stumpf/305.584.036 (дата обращения: 24.01.2019).
- Kern kritisiert US-Sanktionen gegen Russland scharf // Österreich24. 26.07.2017. – URL: oe24.at/oesterreich/politik/Kern-kritisiert-US-Sanktionen-gegen-Russland-scharf/292610053 (дата обращения: 24.01.2019).
- Kern: Russland-Sanktionen bleiben aufrecht // Heute.At. 03.06.2017. – URL: heute.at/politik/news/story/Kern-Russland-Sanktionen-bleiben-aufrecht-48315533 (дата обращения: 24.01.2019).
- Krim-Krise: Strache verurteilt Sanktionen gegen Russland // News.At. 18.03.2014. – URL: news.at/a/krim-strache-verurteilt-sanktionen-russland (дата обращения: 24.01.2019).
- Mitterlehner für Ende von Russland-Sanktionen // ORF. 09.11.2016. URL: orf.at/v2/stories/2365995/ (дата обращения: 24.01.2019).
- Mitterlehner verteidigt Russland-Sanktionen // Österreich 24. 02.08.2014. – URL: oe24.at/oesterreich/politik/Mitterlehner-verteidigt-Russland-Sanktionen/152912442 (дата обращения: 24.01.2019).
- Norbert Hofer im Sputnik-Interview: Globale Friedenssicherung ohne Russland undenkbar // Sputnik Deutschland. 09.11.2016. – URL: de.sputniknews.com/politik/20161109313289249-norbert-hofer-friedenssicherung-russland/ (дата обращения: 24.01.2019).
- Österreicher verdienen Fairness: Freiheitliches Wahlprogramm zur Nationalratswahl 2017. – URL: diepresse.com/mediadb/fpoe2.pdf (дата обращения: 24.01.2019).

- OSZE-Vorsitz: Kurz will Russland-Sanktionen locker // DiePresse.com. 30.12.2016. – URL: diepresse.com/home/politik/aussenpolitik/5141689/OSZEVorsitz_Kurz-will-RusslandSanktionen-lockern (дата обращения: 24.01.2019).
- Pilz zu Russland-Spionagefall: Österreichische Russland-Leaks systematisch untersuchen // OTS-APA. 09.11.2018. – URL: ots.at/presseaussendung/OTS_20181109_OTS0061/pilz-zu-russland-spionagefall-oesterreichische-russland-leaks-systematisch-untersuchen (дата обращения: 24.01.2019).
- Putin in Wien: Kritik von NEOS und Menschenrechtsorganisationen // Nachrichten.At. 05.06.2018. – URL: nachrichten.at/nachrichten/politik/innenpolitik/Putin-in-Wien-Kritik-von-NEOS-und-Menschenrechtsorganisationen;art385,2915861 (дата обращения: 24.01.2019).
- Putin in Wien: Van der Bellen sieht keine Vertrauenskrise mit Moskau // Profil.At. 05.06.2018. – URL: profil.at/oesterreich/russland-praesident-wladimir-putin-oesterreich-10111369 (дата обращения: 24.01.2019).
- Putin und Strache-FPÖ arbeiten jetzt zusammen // Wochenblick.At. 19.11.2016. – URL: wochenblick.at/putin-und-strache-fpoe-arbeiten-jetzt-zusammen/ (дата обращения: 24.01.2019).
- Putin-Besuch: Kritik unerwünscht // Die Grünen. 23.06.2014. – URL: gruene.at/themen/europa/putin-besuch-kritik-unerwuenscht (дата обращения: 24.01.2019)
- Reimon zu Putins Staatsbesuch: Pro-Putin bedeutet anti-europäisch // OTS/APA. 05.06.2018. – URL: ots.at/presseaussendung/OTS_20180605_OTS0035/reimon-zu-putins-staatsbesuch-pro-putin-bedeutet-anti-europaeisch (дата обращения: 24.01.2019).
- Russland-Sanktionen: Opposition kritisiert die österreichische Regierung // Contra-Magazin.Com. 11.09.2014. – URL: contra-magazin.com/2014/09/russland-sanktionen-opposition-kritisiert-oesterreichische-regierung/ (дата обращения: 24.01.2019).
- «Sanktionen gegen Russland für uns alle schädlich» // Krone.At. 05.06.2018. – URL: krone.at/1718084 (дата обращения: 24.01.2019).
- Sozialdemokratische Partei Österreich. Das Parteiprogramm 2018. – URL: spoe.at/wp-content/uploads/sites/739/2018/12/Parteiprogramm2018.pdf (дата обращения: 24.01.2019).
- Strache: «Leidige Sanktionen gegen Russland beenden» // Österreich24. 02.06.2018. – URL: oe24.at/oesterreich/politik/Strache-Leidige-Sanktionen-gegen-Russland-beenden/335780407 (дата обращения: 24.01.2019).
- Transkript: Duell Norbert Hofer, Alexander Van der Bellen mit Wolfgang Fellner (oe24.tv) vom 17.11.2016. – URL: neuwal.com/transkript/20161117-hofer-vdb-fellner-oe24tv.php (дата обращения: 24.01.2019).
- Verschärfungen der Sanktionen. – URL: atv.at/klartext-mit-martin-thuer-staffel-2/sanktionen-russland-fotos/i431361/ (дата обращения: 24.01.2019).
- Was Putins Besuch bei Kneissl-Hochzeit kostet // Heute.At. 05.06.2018. – URL: heute.at/politik/news/story/Was-kostet-Putins-Besuch-bei-Kneissl-Hochzeit-59605967 (дата обращения: 24.01.2019).
- Zadic: «FPÖ sollte Vertrag mit ‚Einiges Russland‘ sofort aufkündigen» // OTS-APA. 05.06.2018. – URL: ots.at/presseaussendung/OTS_20180605_OTS0031/zadic-fpoe-sollte-vertrag-mit-einiges-russland-sofort-aufkuendigen (дата обращения: 24.01.2019).
- Zusammen. Für unser Österreich. Regierungsprogramm 2017–2022 // Bundeskanzleramt Österreich. – URL: bundeskanzleramt.gv.at/documents/131008/569203/Regierungsprogramm_2017%E2%80%932022.pdf/b2fe3f65-5a04-47b6-913d-2fe512ff4ce6 (дата обращения: 24.01.2019).

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
И ЕЕ ИТОГИ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ
И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

DOI 10.32726/2411-34170-2019-1-67-91

УДК 1; 94

Владимир Романов

Первая мировая война и трансформация глобального мышления академического сообщества США

Аннотация. В статье анализируется вклад академического сообщества США в разработку идеологического каркаса нового мирового порядка после окончания Великой войны. Данное сообщество представляло собой своеобразный конгломерат многочисленных научных и образовательных корпораций и авторитетных ученых. При всем разнообразии подходов, большинство американских интеллектуалов разделяло базовые принципы вильсонизма, а сам президент В. Вильсон регулярно привлекал ученых к внешнеполитическому планированию. Первая мировая война не только расширила горизонты мышления американской политико-академической элиты, но и закрепила в умонастроениях ее представителей новый формат концепции «американской исключительности».

Ключевые слова: Первая мировая война, новый миропорядок, вильсонизм, американская исключительность, политико-академическое сообщество США, Лига Наций.

Первая мировая война стала одним из переломных этапов исторического развития цивилизации. Под ее влиянием изменились не только глобальная политическая и социально-экономическая конфигурация, но и интеллектуальный ландшафт большинства стран. Отметим, например, появление принципиально новых подходов к оценкам перспектив международного сотрудничества. Импульс войны нашел отражение в новых научных дисциплинах и институциональных представлениях. Мировой конфликт нанес серьезный ущерб гуманистической концепции мышления XIX в. и поставил под сомнение положение мыслителя в обществе [Первая мировая война и судьбы... с. 638; The Intellectual...р. 4]. Да и у самих интеллектуалов (особенно в западных странах), формирующих и высказывающих те или иные суждения, наметился крен в так называемый постмодерн. Это проявилось в утрате традиционных теоретических, моральных и политических ориентиров. Очень скоро постмодерн, по точному замечанию А.В. Дьякова, «превратится в девиз интеллектуалов, обнаруживших, что больше нет ни ориентиров, ни авторитетов, а значит, нет и ответственности». Логическим завершением данного тренда стало широкое распространение убеждения, что интеллектуалы и не должны формулировать никаких принципов, их «обязанность состоит в подрыве всех и всяческих принципов» [Дьяков].

Сведения об авторе: РОМАНОВ Владимир Викторович – профессор Тамбовского государственного университета (ТГУ) имени Г.Р. Державина, доктор исторических наук; vvromanov@mail.ru.

Американским интеллектуалам под воздействием Первой мировой войны пришлось осваивать еще и новый формат глобального мышления. Соединенные Штаты, стремительно ворвавшиеся в круг великих держав, нуждались в основательном научном сопровождении внешнеполитического курса президента Вудро Вильсона, заявившего в апреле 1917 г. о стремлении «сделать мир безопасным для демократии».

Особую роль при реализации данной задачи сыграло академическое сообщество США. Объединявшее в тот период прежде всего преподавателей высших учебных заведений, оно не являлось каким-либо единым и жестко структурированным социальным институтом. Скорее это был конгломерат различных научных и образовательных корпораций, каждая из которых обладала, как правило, собственным интеллектуальным климатом. Тем не менее знакомство даже с отдельными точками зрения, имевшими распространение в этой среде, позволяет выявить определенный вектор умонастроений авторитетного сегмента американского общества.

Обращение к взглядам академической элиты Соединенных Штатов периода Первой мировой войны интересно еще и тем, что взаимоотношения ученых и власти, сложившиеся в ту пору, стали основой для создания в США политико-академического комплекса. Под этим термином понимается довольно устойчивое, хотя и неформальное, объединение ученых и представителей политического истеблишмента страны, в котором первые играли роль «мозгового центра». Окончательное оформление такого комплекса, по мнению В.Ф. Петровского, произошло только к середине XX в. [Петровский, с. 8] Однако во время пребывания у власти администрации В. Вильсона уже наметилось существенное сближение ученых и политиков. Став первым в истории США президентом, пришедшим в Белый дом с профессорской кафедры, Вильсон предпринял довольно успешную попытку сделать академическое сообщество постоянным фактором в процессе принятия различных решений. Чаще всего ученые выступали в те годы в роли официальных или неофициальных экспертов по отдельным вопросам внешней политики США.

Показательно, что до начала мировой войны среди интеллектуалов было широко распространено ожидание, что администрация сумеет обновить некоторые базовые принципы американской внешней политики, дополнив их рядом идеалистических компонентов. Так, профессор Висконсинского университета Пол Рейнш, которого В. Вильсон назначил послом в Китай, всегда выступал как убежденный сторонник доктрины «открытых дверей». Однако, беседуя с президентом накануне своего отбытия в Пекин, П. Рейнш делал акцент не столько на экономическом аспекте американской политики, сколько на ее образовательном и культурном наполнении. Самое серьезное внимание, по его мнению, следовало уделять поддержке политических преобразований в Китае по «западным образцам» [Reinsch, p. 217–219]. Такая же точка зрения была высказана и профессором Стэнфордского университета Дэвидом Джордоном, который в письме к Вильсону призвал его отказаться от традиций «дипломатии доллара». Эта политика, как указывал ученый, является «наиболее опасным наследием прошлой администрации» [D.S. Jordon to WW].

Профессор истории Кларкского университета (штат Массачусетс) Джордж Блейкли на страницах *The North American Review* (декабрь 1913 г.) затронул вопрос о необходимости модернизации доктрины Монро. По его мнению, в старом понимании эта доктрина подразумевала «моральное подчинение» латиноамериканских государств Соединенным Штатам. В частности, он ссылаясь на точку зрения авторитетных общественных деятелей Чили. Так, редактор одной из ведущих газет страны доктор Перес Санто в беседе с Д. Блейкли прямо заметил: «Мы не хотим никакого отца». В новых условиях, когда государства Латинской Америки приобрели авторитет на международной арене, их народы, по словам профессора, уже не могли соглашаться с прежним смыслом доктрины Монро. Исходя из этого, Блейкли обращался к необходимости «панамериканизации доктрины на новых принципах». Он предложил заключить межамериканское арбитражное соглашение, которое объединило бы все государства континента для достижения принципиально новой политической цели – стабильных правительств и порядка в регионе. При этом он противопоставил Европу, объединяющуюся для войны, и Америку, которая должна объединиться для мира [*The North American Review*].

Любопытно и мнение, высказанное на этот счет Джэкобом Г. Голландером, профессором Университета Джонса Гопкинса. Он еще со времен Т. Рузвельта выполнял различные поручения Белого дома в Доминиканской республике. В апреле 1913 г. Д.Г. Голландер направил на имя В. Вильсона меморандум, в котором критиковал подходы предыдущих администраций как к Доминиканской республике, так и к латиноамериканскому региону в целом. Он, в частности, обращал внимание президента на «серьезнейшую опасность» попыток некоторых американских предпринимателей использовать в корыстных целях потенциал дипломатии США. «Сегодняшняя ситуация, как никогда ранее, требует отказаться от такой практики», – резюмировал Голландер [J.H. Hollander to WW].

Мировая война подтолкнула не только американское руководство, но и академическое сообщество к размышлениям о более существенных внешнеполитических проблемах. Поляризация общественного мнения США по вопросу об американской стратегии в условиях европейского конфликта не могла не проявиться и в позициях различных ученых.

Уже в августе 1914 г. президент Гарвардского университета Чарльз Элиот изложил В. Вильсону свое мнение в связи с началом войны. В нескольких письмах, отправленных на имя президента, Ч. Элиот совершенно недвусмысленно сформулировал предложение присоединиться к странам Антанты для совместной борьбы против агрессоров: «Возможно ли в настоящее время Соединенным Штатам выступить с предложением о создании наступательного и оборонительного союза между Британской империей, США, Францией, Японией, Италией и Россией для наказания Австро-Венгрии и Германии за те ужасы, которые они творят, путем установления бойкота этих двух стран всем остальным миром – на суше и на море?» Аргументируя свою точку зрения, Элиот отметил, что США не могут оказаться в стороне от европейского конфликта, поскольку речь идет о «защите цивилизации от варварства» и об «установлении и поддержании в будущем федеративных отношений и мира среди европейских народов». «Неужели

ради такой цели и в виду изменившихся условий народ Соединенных Штатов не одобрил бы отказ от заветов Вашингтона о том, что Соединенные Штаты должны стоять в стороне от европейских осложнений?»

Ч. Элиот высказал и свои предварительные соображения относительно основ нового миропорядка, который должен быть установлен после окончания войны. По сути, он указал на целесообразность формирования союза государств, который сумел бы, используя международные войска, в будущем противостоять любым межгосударственным конфликтам. При этом Элиот полагал, что неперенным условием урегулирования должен стать «отказ всех европейских участников от всяких стремлений к насильственному расширению своей территории» [Ch. Eliot to WW, Aug. 6]. Точка зрения президента Гарвардского университета, видимо, подтолкнула Белый дом к серьезным размышлениям. Неслучайно эти письма стали предметом специального рассмотрения на заседании кабинета министров. Однако в условиях августа 1914 г. и В. Вильсон, и его ближайшие внешнеполитические советники, опираясь на общественные настроения, высказались за политику нейтралитета [Kuehl, p. 173–174].

Опубликованные документы из архива президента показывают, что такая позиция Белого дома первоначально нашла поддержку у подавляющего большинства представителей академических кругов. Они одобряли не только правительственный курс на нейтралитет, но и действия президента по посредничеству между воюющими группировками. Показательно, например, письмо, направленное президенту деканом школы богословия Чикагского университета Шэйлером Мэтьюзом 18 августа 1914 г. Выступая в поддержку политики В. Вильсона, он предлагал предпринять новые энергичные шаги для убеждения мирового сообщества в необходимости всеобщего договора, который закрепил бы международные санкции против любого агрессора [S. Mathews to WW].

С самого начала войны в академическом сообществе США нашли достаточно широкое распространение антигерманские настроения. Об этом говорит, например, участие американских ученых в «войне манифестов» [См.: Мировые войны... с. 125–128; Дмитриев, с. 202–210.]. Начало этой войне было положено воззванием «К культурному миру», которое было опубликовано в Германии в сентябре 1914 г. Под ним стояли подписи 93 немецких интеллектуалов, большинство из которых были профессорами различных германских университетов. В воззвании опровергались обвинения по адресу Германии в развязывании войны и в зверствах немецких солдат на оккупированных ими территориях. Одновременно в документе отстаивалась «спасительная ценность» той войны, которую ведут Германия и ее союзники. Опираясь на расовые аргументы, немецкая профессура, например, подчеркивала: «Менее всего имеют право разыгрывать роль защитников европейской цивилизации те, кто заключил союз с русскими и сербами и являют миру позорное зрелище, натравливая монголов и негров на белую расу». Ответы на данное воззвание появились во многих государствах Европы. Резкий отпор немцам был дан и в Соединенных Штатах.

Автором американского меморандума, опубликованного 4 ноября 1914 г., стал Сэмюэль Г. Черч, президент института Карнеги в Питтсбурге [Тексты воззвания... с. 33].

Представляя в некоторой мере все академическое сообщество США, он, конечно, не забыл указать на сохранявшиеся у американцев симпатии к немецкому народу. Тем не менее уже первый тезис Черча показывал, на чьей он стороне. По мнению автора меморандума, европейский конфликт по своей природе являлся войной «между добрыми и злыми силами». А ответственность за начало войны он однозначно возложил на Австро-Венгрию, которую полностью поддерживала и контролировала в каждом шаге Германия. При этом С.Г. Черч особо указал на вину немецких профессоров, которые не только «помогали вселять в умы ваших молодых людей доктрину, что война неизбежна», но и всячески пропагандировали национальную исключительность Германии, «предназначенной поддерживать свое превосходство грубой силой оружия». Завершая свой ответ, Черч высказал важное предположение о судьбе послевоенного мира: «Может быть, по воле Провидения из этой войны родится идея, что благо человечества выше блага отдельных рас, и что правительство, которое не усвоит себе эту идею, должно погибнуть» [Там же, с. 7, 18, 26–27].

Позицию С.Г. Черча поддержали тогда и другие ученые США. Среди них, например, президент Колумбийского университета Н.М. Батлер, известный экономист Т. Веблен и др. [Первая мировая война: Исторический очерк, с. 127].

Позднее антигерманская позиция ряда ученых привела их к размышлениям относительно той роли, которую должны играть Соединенные Штаты в условиях войны. Например, профессор Колумбийского университета Дж. Бир в одной из своих статей, опубликованных журналом *The New Republic*, настойчиво убеждал соотечественников, что американская «политика эгоистичной отчужденности от событий в Европе означала абсолютное игнорирование той ответственности, которую обязано нести каждое государство перед человечеством». Война, с точки зрения Дж. Бира, являлась прямым столкновением германского милитаризма с демократией, олицетворяемой Великобританией. Он соглашался с утверждением, что «Антанта сражается за Америку», и указывал на очевидные «моральные погрешности» нейтралитета Соединенных Штатов. Выходом из данного положения Бир считал немедленное сближение с Великобританией и оказание ей всесторонней помощи во имя создания в будущем прочного союза англоговорящих стран [*The New Republic*, vol. 5, № 55, p. 62–64]

Однако в американской академической среде было представлено и противоположное суждение о войне. Профессор психологии Гарвардского университета Г. Мюнстерберг, например, в 1914–1915 гг. пытался активно противостоять проантантовским симпатиям в американском обществе, вступая в публичные дискуссии с авторитетными общественными деятелями США (например, Т. Рузвельтом) [Münsterberg *The War... Idem. The Peace... T. Roosevelt to H. Münsterberg*]. Пользуясь старым знакомством с Вильсоном, гарвардский профессор не раз направлял письма и в Белый дом. При этом Г. Мюнстерберг подчеркивал, что его позиция отражала точку зрения значительной части американского общества, прежде всего – германо-американской и ирландско-американской общин. Поддерживая призывы администрации к нейтралитету, он отмечал, что на деле полного нейтралитета все же не было. По мнению профессора, Соединенные Штаты были настолько подвержены английскому влиянию через прес-

су или торговлю, что легко могли превратиться «в британскую провинцию». Отстаивая важность равноудаления США от воюющих сторон, Мюнстерберг указывал на очевидный «антантовский крен» финансово-экономических отношений Америки и Европы. Он высказывал опасение, что победа в войне одной из сторон «будет означать унижение противоположной». Следовательно, заключал Мюнстерберг, нельзя идти на поводу «фанатичных выступлений», звучавших, например, из уст Ч. Элиота. Лучше всего, убеждал он В. Вильсона, использовать любой благоприятный психологический момент для осуществления посредничества. Предлагал Мюнстерберг и принципы возможного, по его мнению, мирного урегулирования. Среди них: взаимный отказ от территориальных изменений в Европе, выплата компенсации Бельгии и нейтрализация морей [H. Münsterberg to WW].

Об активности Г. Мюнстерберга не раз писал в министерство иностранных дел российский посол в Вашингтоне Ю.П. Бахметев. По его информации, профессор всячески стремился убедить В. Вильсона в целесообразности прекращения американских поставок в Великобританию. Поскольку без этого англичане и их союзники не смогли бы, с точки зрения Мюнстерберга, долго вести войну, то были бы созданы благоприятные условия для американского посредничества. При всех сомнениях относительно возможности реализации данной схемы, Ю. Бахметев обращал внимание на «чувствительность» президента к предложениям, высказанным Мюнстербергом. Вильсон, отмечает посол, может не устоять «против соблазна приобрести вечную славу умиротворителя Европы» [АВПРИ. Ф. 170. Оп. 512/1. Д. 341. Л. 105–106].

Конечно, оценивая точку зрения Г. Мюнстерберга, нельзя сбрасывать со счета немецкое происхождение профессора и, видимо, его участие в прогерманской пропагандистской кампании на территории США, которой руководил тогда Б. Дернбург. Однако его позиция в целом все же не выходила за рамки «прогерманского нейтралитета» [Keller, p. 87]. При этом отдельные замечания Мюнстерберга вполне отражали опасения ряда американских интеллектуалов, считавших, что только жесткий нейтралитет помог бы Соединенным Штатам держаться над европейским конфликтом и в итоге занять место мирового арбитра.

Нельзя обойти вниманием и первые размышления американских ученых по поводу глубинных причин, которые привели к войне. На страницах популярного еженедельника *The New Republic* в 1914–1915 гг. не раз публиковались письма читателей, затрагивавших данную проблему.

Уже в ноябре 1914 г. профессор С.Н. Паттен указывал на национальные противоречия, ставшие, по его мнению, важнейшим источником начавшегося конфликта. Он писал, что в Европе к началу XX в. сформировались три очевидных центра: латинские народы; народы Центральной Европы, находящиеся под контролем Германии и Австро-Венгрии; народы Восточной Европы, тяготеющие к России. Следует ли, задавался вопросом профессор, считать в таком случае войну германской агрессией? Или, может быть, Германия всего лишь начала борьбу за отстаивание своих интересов в Центральной Европе? Столкновений такого рода, заключал С. Паттен, в будущем можно

избежать лишь с помощью интеграционных процессов, которые объединили бы всю Европу.

Точка зрения американского профессора нашла поддержку у его английского коллеги из Лондонского университета Г. Уэлласа. В январе 1915 г. на страницах *The New Republic* было опубликовано его письмо, в котором он полностью одобрил идею создания «Соединенных Штатов Европы». При этом он заметил, что «такое объединение должно было быть создано не в результате военной победы какой-либо группы держав, а только по согласию всех европейских стран с концепцией межгосударственного права в рамках федеральной организации» [*The New Republic*, vol. 1, № 2, p. 22; vol. 1, № 9, p. 24].

Специалисты в области международного права попытались в этот период предложить свои суждения относительно возможностей сохранения мира после окончания войны. Один из них, А.У. Спенсер, убедительно доказывал, что старая концепция «баланса сил», определявшая долгое время существование «европейского концерта», оказалась бы совершенно бесполезной в новых условиях. Он полагал, что новый миропорядок следует поддерживать лишь через санкции международного права. А. Спенсер подробно рассмотрел теоретические и практические аспекты таких санкций, обосновав перспективы использования политической, экономической, военной и моральной силы в международных отношениях [*The American Journal...* p. 45–46].

На начальном этапе войны американские ученые попытались разработать и более детальные проекты послевоенного мироустройства. Приведем только один пример, показывающий широту суждений академической элиты на этот счет. В самом начале 1915 г. Вильсон получил письмо от своего старого школьного друга Р. Дэбни, который проинформировал президента, что профессор права Вирджинского университета Р.К. Майнор подготовил к печати «чрезвычайно интересную книгу». Может быть, суждения Р. Майнора и покажутся несколько утопичными, писал Дэбни, но все равно международное сообщество «должно двигаться в этом направлении». Профессор, как видно из письма, предложил текст Конституции международной организации, названной им «Объединенные Нации», и другие правовые документы, которые могли бы регулировать ее деятельность. За основу такой организации была взята модель Соединенных Штатов Америки [R.H. Dabney to WW]. В. Вильсон заинтересовался работой Майнора, но от конкретного обсуждения высказанных ученым соображений уклонился, сославшись на нецелесообразность публичных дебатов о мире, способных в тот период лишь «вызвать раздражение воюющих» [WW to R.H. Dabney... p. 10–11; WW to R.C. Minor... p. 18]. Позднее, в 1918 г., книга Майнора была издана [Minor].

Внимание ученых в период американского нейтралитета привлекали и конкретные действия дипломатии США. Уже упоминавшийся Ч. Элиот, например, самым тщательным образом анализировал содержание американо-германской переписки относительно «Лузитании» и подводной войны. Он высказывал В. Вильсону свои соображения по поводу аргументации, которую президенту следовало бы использовать в ответных письмах германскому руководству [Ch. Eliot to WW, July 16]. Профессор Колумбийского

университета Джордж Керчви говорил о необходимости созыва особой международной конференции, на которой следовало бы обсудить нарушение прав нейтралов воюющими державами. Он полагал, что компромисс мог быть найден лишь в том случае, если немцы признали бы право нейтралов на «свободный и беспрепятственный проход по морю», а американцы согласились бы с признанием судов воюющих государств, на которых перевозятся военные грузы, «квазивооруженными». Завершая свой меморандум, Д. Керчви подчеркивал, что такая конференция, созданная по частному вопросу, «могла бы легко быть трансформирована в конференцию по мирному урегулированию под руководством американского президента» [G.W. Kirchwey to WW].

Как видим, многие американские ученые в 1914–1915 гг. задумывались над различными проблемами совершенствования международных отношений. Их мысль смело следовала тогда в сторону обоснования участия США не только в урегулировании европейского конфликта, но и в послевоенных действиях во имя поддержания мира.

Президент В. Вильсон внимательно отслеживал точку зрения академического общества. Это часто признавали и сами представители этого сообщества. Так, в августе 1916 г. профессор Принстонского университета Эдвин Конклин в письме на имя редактора *The New York Times* (NYT) обоснованно подчеркнул, что президент, как ни один другой из его предшественников, пытался регулярно «получать информацию от ученых и честно к ней прислушиваться» [NYT, Aug, 12, 1916].

Интерес академического сообщества к проблемам мироустройства значительно вырос в 1916 – начале 1917 г. К этому времени стало ясно, что политика нейтралитета и посредничества, проводимая официальным Вашингтоном, не достигла своих целей. Американская дипломатия так и не смогла остановить конфликт на «ничейной позиции». При этом администрация В. Вильсона оказалась не в состоянии преодолеть трудности во взаимоотношениях с ведущими европейскими державами. Германия, например, никак не отказывалась от ставки на неограниченную подводную войну, в ходе которой гибли граждане США, а Великобритания постоянно усиливала блокадные мероприятия, резко ограничивавшие возможности американской торговли.

В новой обстановке глава американской администрации стал менять акценты в своей дипломатии. Главное внимание он решил сосредоточить не столько на посредничестве в войне, сколько на перестройке самой системы международных отношений. С этой целью В. Вильсон попытался публично обосновать новую роль Америки, которая якобы вполне способна стать инициатором борьбы за «вечный мир». Это, по его мнению, имело очевидный общецивилизационный смысл и отличалось от узконациональных задач, решаемых на фронтах войны. Выступая перед Лигой по принуждению к миру 27 мая 1916 г., Вильсон впервые открыто заявил о претензиях США на особый голос в деле послевоенного урегулирования [An Address...].

Такие действия администрации не могли не стать предметом жарких общественных споров в США. Как выяснилось, Америку больше всего волновал вопрос о целесообразности отказа от изоляционистской традиции. На страницах *The New York Times*

с 20 ноября по 18 декабря 1916 г. была опубликована серия статей, посвященных перспективам урегулирования европейского конфликта. Их автор скрывался за анонимной подписью *Cosmos*, и только впоследствии выяснилось, что это был известный американский юрист-международник, президент Колумбийского университета Николас М. Батлер.

Всего за этот период им было подготовлено шестнадцать крупных статей. Первые шесть были напечатаны с подзаголовком «Все хотят мира: Почему бы не заключить его сейчас». Остальные вышли с общим названием «Какова должна быть его основа?»

Эти материалы сразу привлекли внимание президента В. Вильсона. А уже в начале 1917 г. они при финансовой поддержке Фонда Карнеги были изданы отдельной книгой и переведены на другие языки, в том числе и на русский [См.: J.P. Tumulty to WW; E.M. House to WW; Основы...; Kuehl, p. 207–208]. Статьи получили значительный общественный резонанс, поскольку автору удалось квалифицированно представить не только фундаментальные принципы, но и болевые точки новой внешнеполитической доктрины США.

Публикации в *The New York Times* открывались кратким анализом ситуации, сложившейся в Европе к концу 1916 г. Автор, в частности, указывал на всеобщую подавленность от «огромности войны» и ее последствий. «Теперь ясно, – писал он, – что Германская империя и ее союзники не могут выиграть войну», а победа Великобритании и ее союзников «будет куплена... невероятно большой ценой». По его мнению, в этих условиях наибольшую актуальность приобретали два главных вопроса: как в будущем избежать подобных войн и как привести к концу все еще продолжавшийся конфликт [NYT, Nov. 20, 1916; Основы...с. 4–5]. Это были проблемы, о которых уже давно задумывалась Европа. Однако американский ученый рассуждал не так, как рассуждали в Старом Свете.

За отправную точку в разговоре о «прочном мире» Н.М. Батлер взял вильсоновский тезис об очевидной порочности военных целей воюющих государств. Все они, по его мнению, стремились либо к приобретению каких-либо экономических привилегий, либо к ограничению своих конкурентов. Подтверждение своим словам он находил, например, в решениях экономической конференции Антанты (Париж, 14–17 июня 1916 г.). Батлер полагал, что в качестве базового принципа новых послевоенных отношений следовало бы взять американскую доктрину «открытых дверей». «Союзные державы, – подчеркивал он, – имеют исключительно благоприятную возможность заложить основы прочного мира, если по окончании войны они предложат Германии и ее союзникам полное участие на равных основаниях в мировой торговле». Естественно, всеобщая реализация этой идеи, говорилось в статье, потребует не только «новых форм международной гарантии национальной безопасности», но и «нового мировоззрения» у всех народов (в том числе и у американцев) [NYT, Nov. 21, 22, 1916; Основы... с. 10–14, 15–16, 19–21].

Обозначенная точка зрения не противоречила вильсоновской внешнеполитической логике и основывалась на известном положении о равной ответственности всех евро-

пейских держав за то соперничество, которое привело мир к войне. Вот почему статьи Н.М. Батлера, вслед за действиями американского президента, вызвали протест, например, со стороны английской общественности.

Уже 25 ноября 1916 г. один из английских читателей *The New York Times*, Холл Кэн, указал на принципиальные отличия в образе мысли американцев и европейцев. «Вы находитесь, – написал он на имя *Cosmos*'а в редакцию газеты, – вдали от тех душевных переживаний, которые создала война». Но для того чтобы говорить о мире, отметил читатель, необходимо не только знать, но и чувствовать войну. Чрезвычайно важен и другой довод Х. Кэна (его впоследствии не раз использовали европейские политики в разговорах с Вильсоном). По мнению англичанина, немедленное прекращение войны и заключение компромиссного мира означало бы «преступную, неправимую, непростительную, слепую и ослепляющую расточительность». Такой мир, писал он, был бы «изменой по отношению к мертвым, нелояльностью по отношению к живым, подрывом авторитета государственной власти, открытым призывом к беззаконию и анархии, намеренным надругательством над принципами патриотизма и даже священными велениями религии». Поэтому материалы первых статей дали повод Кэну подозревать *Cosmos*'а в прогерманских симпатиях [*NYT*, Nov. 25, 1916; Основы... с.128–135].

Однако дальнейшие публикации в некоторой степени развеяли такую оценку. Обратившись к анализу конкретных политических условий возможного мира, Н.М. Батлер выказал понимание важнейших целей, во имя которых европейские державы вступили в конфликт. Послевоенный мир, утверждал автор статей, должен исправить ряд ошибок старой европейской дипломатии. В частности, отторжение Германией Эльзас-Лотарингии было, по его словам, «политическим преступлением», и поэтому во имя прочного мира эти территории следовало бы вернуть Франции [*NYT*, Nov. 27, 1916; Основы... с. 45–46].

Весьма интересны размышления Н.М. Батлера, касавшиеся России. Для западного мира и особенно для американцев, заметил он, Россия по-прежнему оставалась «бесконечно далекой страной», «страной тайны». Тем не менее по своему предназначению в современном мире она являлась мостом «между старым Востоком и новым Западом». Оценивая изменения, происшедшие в России, автор делал вывод, что Россия с каждым годом становится все более западной «в развитии ее мысли и ее внутренней политики». Поэтому, указывал он, «в интересах прочного мира Россия должна господствовать над проливами» [*NYT*, Nov. 28, 1916; Основы... с. 48–53].

Совсем иное, негативное отношение было у Н.М. Батлера к Германии, или, более точно, к прусскому милитаризму. Пруссия, говорилось в одной из статей, «никогда не представляла себе тевтона иначе как сражающимся» против славянина или франка, англосакса или еще кого-нибудь. Поэтому прочный мир не мог быть создан без крушения прусского милитаризма, без либерализации страны, без духовных перемен в самом немецком народе [*NYT*, Nov. 30, 1916; Основы... с. 57–64]. Таким образом, в подходах к европейским участникам войны Батлер проявил себя вполне уравнове-

шенным экспертом. Он видел, конечно, что главная опасность для дела мира исходила из Германии, но при этом совсем не желал безоговорочной победы Антанты.

Продолжая размышлять о принципах нового международного порядка, Н.М. Батлер сделал еще один очень важный вывод: такие меры, как возвращение Франции Эльзас-Лотарингии, передача России Босфора, ограничение прусского милитаризма, могли быть лишь «результатом принуждения». Следовательно, послевоенный мир «должен бы иметь санкцию и поддержку международного права и опираться на такую определенную и сильную международную гарантию, что ни одна держава в будущем не смогла бы с легким сердцем посягнуть на него или пошатнуть его». А для этого «необходимо соглашение между всеми великими державами, включая Соединенные Штаты и Японию, относительно того, в чем состоят основные права и обязанности наций». Кроме того, для уменьшения вероятности войны следовало бы добиться договоренности о судебном разрешении всех международных разногласий. Другими словами, Батлер выступил за дальнейшее развитие международно-правового механизма, разработанного еще на Гаагских конференциях. При этом он был убежден, что более важным для дела мира являлся «дух тех народов, которые соединятся для проведения этих мер». По его мнению, для сохранения мира необходимо добиться всеобщего «интернационального мирозерцания» [NYT, Dec. 2, 4, 1916; Основы... с. 65–67, 69, 72–77].

В своих статьях Н.М. Батлер не обошел вниманием и вопрос о роли Соединенных Штатов в деле установления нового мироустройства. Его вывод был совершенно однозначен: международная конференция для выработки условий прочного мира не может пройти без Америки, поскольку США «являлись участником этой войны, участником, правда, нейтральным и против своего желания». Автор высказал убеждение, что продолжавшийся конфликт не являлся «обыкновенной войной», это было «столкновением идеалов, жизненных мирозерцаний, политических и социальных стремлений». Поэтому такая война «не могла закончиться компромиссом». Неспособность или нежелание занять определенную позицию в этом конфликте означали, по словам Батлера, «или такую умственную тупость, при которой человек неспособен понять самых важных мировых вопросов, или такую глубокую аморальность, при которой человеку безразлична судьба человечества, его свободы и его прогресса».

Автор считал, что нейтралы (в том числе США) должны бы быть за одним столом с воюющими. Однако возможное участие Соединенных Штатов в работе сообщества наций Н.М. Батлер сопровождал рядом оговорок. Он считал, что Америка, развивая отношения со всем миром, вряд ли в ближайшее время смогла бы принять на себя полный спектр международных обязанностей и международной ответственности. Причина коренится в особенностях конституционной системы США, не позволявшей использовать вооруженные силы страны без согласия законодателей, и в традиционном образе мысли американцев. Для участия США в сохранении международного порядка, писал Батлер, было бы целесообразно учредить особую область юрисдикции. «Одна юрисдикция простиралась бы на Европу и на те части Азии и Африки, которые непосредственно зависят от Европы; другая – на Америку» [NYT, Dec. 9, 1916; Основы... с. 90–98]. Обоснованием этому варианту, по мнению автора, могла быть действовавшая доктрина Монро. Таким

образом, «прямая ответственность правительства Соединенных Штатов за применение нового международного порядка была бы ограничена пределами американских континентов и территорий, принадлежавших какой-либо из американских республик». В этой связи Батлер поднял вопрос и о выделении третьей зоны ответственности для Японии, что означало бы провозглашение «своего рода азиатской доктрины Монро» [NYT, Dec. 15, 18, 1916; Основы... с. 109–117, 121].

Данные соображения носили весьма перспективный характер. С одной стороны, их можно рассматривать как некий промежуточный вариант участия США в мировой политике, учитывавший не только популярность изоляционистских настроений американского общества, но и позицию критиков администрации со стороны республиканской партии. При этом интернационализм Н.М. Батлера отличался от вильсоновской точки зрения большим реализмом. Следует согласиться, например, с американской исследовательницей Сондрой Херман, которая писала о том, что требование «свободы рук» и разделения «сфер влияния», о чем шла речь в данных газетных публикациях, вполне напоминало известную систему «концерта» великих держав [Herman, p. 47]. Как известно, в рамках Венской системы международных отношений такой «концерт» продемонстрировал изрядную жизнеспособность.

Значительное место в размышлениях Н.М. Батлера о новом миропорядке занимала проблема санкций. Отвечая на вопрос о возможности силовых действий против нарушителей международного права, он говорил, что «применение силы в отношениях между нациями вызывало серьезные возражения». Не видел он пока и какого-либо будущего в создании международной полицейской власти для исполнения постановлений Международного суда. По его мнению, наибольшее значение в этом деле должно бы играть «общественное мнение цивилизованного мира» [NYT, Dec. 15, 1916; Основы...с. 99–107].

Суждения Н.М. Батлера относительно проблемы войны и мира, отраженные на страницах *The New York Times*, сумели соединить в себе несколько «поточков» американского общественного мнения рубежа 1916–1917 гг. Здесь отчетливо видна официальная «нейтралистская» позиция неприятия войны, окрашенная яркими цветами «американизма». При этом новый миропорядок выстраивался у Батлера на прочной правовой концепции, в основе которой лежал американский институционально-правовой опыт. Реалистические представления о принципах новой системы международных отношений (в частности, идея «сфер влияния») в рассмотренных статьях причудливо переплетались с идеалистическими понятиями о санкциях.

Статьи Н.М. Батлера, опубликованные в ноябре – декабре 1916 г. в *The New York Times*, его последующие выступления и публикации позволяют говорить о поддержке многих фундаментальных принципов вильсонизма в самых широких слоях политико-академического истеблишмента США. Батлер, будучи представителем республиканской партии, сумел осознать целесообразность «либерально-демократической перестройки» всей системы международных отношений после окончания мировой войны. При этом он предлагал ряд интересных корректив программы президента. В частно-

сти, предложения Батлера относительно нескольких юрисдикций в создаваемой Лиге, вполне могли бы стать первым шагом на пути вхождения США в новое сообщество наций.

Вступление США в войну в апреле 1917 г. существенным образом сказалось на роли науки в обеспечении внешней политики страны. Наиболее значимым для Вильсона стало идеологическое обеспечение американского участия в мировом конфликте. Здесь существенный вклад внесли историки, особенно представители «новых историков», придерживавшихся, как правило, реформистских взглядов. Война чаще всего рассматривалась ими как столкновение «демократической» Антанты с «автократической и милитаристической» Германией. Следовательно, для них это была своего рода борьба за реформу миропорядка [Mayer, p. 79–80]. Поэтому многие «новые историки» активно поддержали действия администрации Вильсона.

Одним из них был Джеймс Шотуэлл, профессор истории Колумбийского университета. Именно он сразу же после вступления США в войну выступил с инициативой организации особого комитета историков для изучения ее различных аспектов. В своем университете Д. Шотуэлл создал «информационный отдел» и библиотеку, где собирались и сохранялись различные материалы по войне.

Предложение привлечь своих коллег к поддержке усилий администрации высказали также Историческая ассоциация долины Миссисипи, историки Университета штата Висконсин и др. В результате в апреле 1917 г. было создано Национальное управление исторической службы (National Board for Historical Service). Его первым руководителем стал Д. Шотуэлл. На проведенной 28–29 апреля 1917 г. конференции историков было решено, что новая организация будет заниматься публикацией в прессе исторической информации по военной проблематике, публичными лекциями, совершенствованием преподавания истории, сбором библиографии по военным темам. Словом, это была помощь правительству в деле формирования общественного мнения в поддержку внешнеполитического курса США.

Наиболее зримой работой историков стали, конечно, их публикации. Только для Комитета общественной информации, созданного администрацией Вильсона, сотрудники Управления подготовили примерно 50 памфлетов, тираж которых превышал 75 млн. экземпляров. При этом Д. Шотуэлл и его коллеги никогда не сближались с ультрапатриотическими организациями, поскольку не считали возможным для себя участвовать в джингоистской истерии или откровенно антигерманской кампании. Историки оставались сторонниками сохранения «научного уровня» в деятельности Управления. Данный подход, как справедливо отметил автор монографии о Д. Шотуэлле Г. Джоузефсон, в целом отражал понимание «новыми историками» предназначения истории. Для них она была прагматической наукой, призванной помочь в понимании и объяснении настоящего [Josephson, p. 50–52, 57–63]. Позднее многие деятели Управления, в том числе и сам Шотуэлл, были приглашены к работе исследовательского бюро по подготовке американских условий мира.

Помимо историков, пропагандистской деятельностью занимались и другие ученые США. В частности, Академия политической науки весной 1917 г. выступила инициатором проведения первой национальной конференции по вопросам внешней политики. Своей целью организаторы называли «формирование и распространение «международного духа» в стране, информирование населения о проблемах положения в мире. За четыре дня конференции с ее трибуны выступили 140 человек, представлявших не только многочисленные университеты, но и различные общественные организации США (например, Фонд Карнеги, Лигу по принуждению к миру, Женскую партия мира и т.п.). В центре дискуссии оказалась тогда проблема создания Лиги Наций. Практически все участники говорили о крайней необходимости ее создания. В частности, общее настроение сумел точно выразить Г. Холт, один из организаторов Лиги по принуждению к миру. Он сформулировал возможные альтернативы дальнейшего развития цивилизации: после войны может произойти «либо европеизация Америки, либо американизация Европы» [The Foreign Relations... р. IX–XIV, 17–19, 45, 69]. Таким образом, ученые активно подключились к работе по трансформации общественного сознания в пользу интернационализма.

Наиболее важным практическим вкладом академического сообщества в дело подготовки официальной американской программы послевоенного миропорядка стала деятельность исследовательского бюро «Инквайри». Оно было создано по распоряжению Вильсона в сентябре 1917 г. По справедливой оценке историков, эта организация явилась не только «первым «мозговым трестом» в Америке», но и «первым случаем широкого использования правительством Соединенных Штатов талантливых ученых из самых различных областей в целях формирования американской внешней политики» [Knock, р. 140; Gelfand The Inquiry... р. XI]. Неофициальным руководителем «Инквайри» считался советник президента полковник Э. Хауз. Директором бюро был назначен сначала Сидней Мезес, президент одного из нью-йоркских колледжей, а затем – Исайа Боумэн, глава американского географического общества. Определяя главную задачу создаваемой организации, Вильсон в письме Э. Хаузу подчеркнул необходимость «настраивать свои дудки» для подготовки американских предложений по послевоенному урегулированию «с полным знанием позиции всех воюющих сторон» [WW to E.M.; Хауз, с. 122]. Используя академический потенциал страны для конкретизации своих планов, Вильсон надеялся получить действительно «научные» по своему характеру рекомендации относительно создания нового миропорядка. Примечательно, что для него сам термин «научный миропорядок» был практически синонимом провозглашенного им принципа «мир без победы» [Link, р. 268; Wimer, р. 147; Gelfand The American... р. 192].

Всего за год с небольшим, когда работало «Инквайри», к его деятельности было привлечено до 150 ученых – историков, юристов, экономистов, этнографов и др. По преимуществу это были представители северо-восточных университетов. Средний возраст специалистов составил всего лишь 40 лет, а некоторым ведущим сотрудникам организации едва исполнилось 30. К числу последних можно отнести, например, Роберта Лорда, профессора Гарвардского университета; Сэмюэля Моррисона, преподавателя того же университета; Роберта Кернера, преподавателя университета Миссури; Чарльза Сеймура, профессора Йельского университета; Престона Слоссона, ассистен-

та Колумбийского университета [О персональном составе «Инквайри» см.: Gelfand The Inquiry... p. 53–68].

Руководство «Инквайри», в соответствии с инструкциями президента, предполагало изучить представления великих держав о политике по отношению к другим странам. Ставилась задача вооружить делегацию США на предстоящей мирной конференции необходимой фактической и аналитической информацией, конкретными альтернативными вариантами решения территориальных и иных споров, создания механизма международного урегулирования конфликтов, сокращения вооружений и т.д. [S.E. Mezes to WW] Итогом работы «Инквайри» стала подготовка почти 2000 докладов по различным проблемам, 1200 карт. Чтобы представить характер материалов, подготовленных экспертами, приведем некоторые цифровые данные, имеющиеся в монографии Л. Гельфанда. В архивах «Инквайри», по его подсчетам, сохранилось 894 различных документа, связанных только с вопросами европейского урегулирования. Из них 174 были посвящены Германии, 140 – Австро-Венгрии, 159 – Балканам, 203 – России и балтийским государствам, 158 – Западной Европе, 60 – нейтральным странам. Если детализировать, то, например, из докладов экспертов «Инквайри» по германской проблеме 4 включали так называемые первичные документы, 5 являлись историческими справками, в 10 были даны оценки политической ситуации и государственного устройства, 5 были посвящены вопросам границ, 1 – системе образования, 1 – колониям, 1 – пангерманизму, 1 – состоянию общественного мнения, 1 – милитаризму, 30 – торговле и тарифам, 3 – Шлезвигу, 1 – Ютланду, 46 – Эльзас-Лотарингии, 1 – социальному благосостоянию, 2 – животным и лесным ресурсам, 14 – финансам и послевоенному экономическому положению, 1 – вопросу об ответственности за войну, 7 – общей политической и экономической ситуации в 1918 г., 9 – промышленности, 5 – торговому флоту; 26 документов имели смешанную проблематику [Gelfand The Inquiry... p. 110, 184–186]. Как видим, рассмотрение охватывало самый широкий спектр материалов по различным аспектам внутривнутриполитического, экономического и международного положения. Все это должно было помочь американскому руководству располагать необходимой информацией для принятия решений на Парижской мирной конференции.

На какой внешнеполитической философии строили свой анализ сотрудники «Инквайри»? Большинство из них в целом разделяли вильсоновскую концепцию нового миропорядка. В частности, уже упоминавшийся профессор Д. Шотуэлл, возглавивший один из отделов новой организации, был убежденным сторонником либерального интернационализма. Он считал, что США должны нести меру ответственности за мир, отстаивая повсеместно принципы справедливости [Josephson, p. 76].

Рассмотрим некоторые суждения Д. Шотуэлла по поводу внешнеполитических аспектов вильсонизма. В своих мемуарах историк указывал прежде всего на созидательный характер программы президента США. «В то время, когда моральные силы человечества оказались на исходе, именно он [Вудро Вильсон. – В.Р.] сумел пробудить их к жизни. ... В темные часы разочарования он увлек цивилизацию от бесполезного участия во всемирном разрушении к задаче, связанной не с перестройкой старой структуры, а с созданием нового мирового сообщества, о котором человечество даже и не

мечтало». Определяя суть предложений В. Вильсона, Д. Шотуэлл указывал не только на его намерение добиться для США мирового лидерства, но и на морализм всей его внешнеполитической философии. Президент США, не желавший повторения Священного союза или универсальной империи, разработал программу, основанную на новой для мирового сообщества концепции, которая на деле означала всего лишь «глобализацию доктрины Монро». Все это, как считал Шотуэлл, стало настоящей «дипломатической революцией» [Shotwell, p. 20–25].

Самым существенным документом, подготовленным в «Инквайри» к январю 1918 г., стал меморандум «Современный момент: цели войны и вытекающие отсюда условия мира». Ситуация к этому времени (наметившиеся перспективы окончания войны, революция в России и др.) требовала выдвижения серьезной внешнеполитической инициативы, которая определила бы направленность программы США по послевоенному мирному урегулированию. Уолтер Липпман, один из руководителей «Инквайри», в беседе с Вильсоном так обрисовал смысл американских предложений: необходимы «условия мира, на которые со временем могли бы согласиться и сами немцы». Вместе с тем и В. Вильсон, и Э. Хауз, обсуждая суть американской программы, подчеркивали, что важнейшей целью ее должно стать соблюдение национальных интересов США [Печатнов, с. 79]. Содержание указанного меморандума представляется чрезвычайно важным, поскольку в нем, по сравнению с официальными «14 пунктами», более полно раскрывается политико-стратегическая подоплека американской программы. Кроме того, данный меморандум был первым серьезным документом, представленным от имени коллектива ученых для нужд Белого дома. Можно предположить, что именно в нем нашли отражение внешнеполитические представления, распространенные в той части академического сообщества, которая была ближе всего к идеологии вильсонизма.

В качестве цели как войны, так и мира меморандум определял «демонтаж прусской срединной Европы», т.е. исключение самой возможности доминирования германского милитаризма, являвшегося, по сути, главной угрозой национальной безопасности США. В связи с этим предполагалась демократизация Германии. В документе оговаривалась и опасность чрезмерного унижения Германии, что привело бы к господству реваншистских настроений в стране. Главным рычагом внешней политики Соединенных Штатов по отношению к Германии назывались экономические меры. Относительно России документ рекомендовал американской администрации занять примирительную позицию, для того чтобы попытаться сохранить ее в качестве союзника, «облагородив» цели войны. Политические взаимоотношения со странами Западной Европы должны опираться на либеральные круги Франции и Великобритании. Западные союзники, по словам составителей меморандума, должны быть подкреплены: «1) энергичным высказыванием в пользу экономического единства и контроля; 2) либеральным дипломатическим наступлением США, которое указало бы либералам в Великобритании и Франции путь к восстановлению национального единства во внешнеполитических целях; ... 3) подъемом интереса к войне и ее итогам со стороны американского народа». Лига Наций, в основу которой мог быть положен антигерманский союз, должна была стать краеугольным камнем всего мирного урегулирования. «Должна ли эта Лига

быть вооруженной и не включающей в свой состав теперешних противников или, наоборот, разоруженной и дружественно включающей в себя Германию, зависит от того, будет ли германское правительство фактически представлять германскую демократию» [A Memorandum...].

Вильсон впоследствии принял большую часть рекомендаций «Инквайри», затушевав наиболее спорные территориальные вопросы и усилив общедекларативную часть в своем послании Конгрессу от 8 января 1918 г.

В дальнейшем специалисты из исследовательской организации продолжили активную детальную разработку наиболее существенных проблем мирного урегулирования. На наш взгляд, позиция представителей академических кругов в этих условиях отличалась серьезным научным подходом к определению перспективных ориентиров американской внешней политики.

Вот как, например, оценивались специалистами самые важные проблемы европейской ситуации – российская и германская. В качестве одного из экспертов по русскому вопросу в 1918 г. выступал выходец из России, профессор экономической истории Колумбийского университета Владимир Симкович. Э. Хауз в одном из писем Вильсону назвал его «наиболее информированным русским из числа тех, кого я знаю» [E.M. House to WW]. В своих меморандумах на имя У. Липпмана В. Симкович постоянно отстаивал необходимость восстановления полноценных взаимоотношений с новым большевистским правительством. По его мнению, позиции большевиков в России были на самом деле прочнее, чем их представляли на Западе. Находясь у власти, большевики могли бы стать более надежными союзниками Антанты, чем белогвардейцы, готовые отдать Германии все что угодно ради расправы над революцией. Симкович полагал, что впоследствии большевистский режим неизбежно стал бы более умеренным. Следовательно, нужно не бороться с новой российской властью, а помогать народам России [Печатнов, с. 84–85].

Другой документ – меморандум руководителя экономического отдела «Инквайри» А. Юнга, профессора экономики Корнельского университета. Высказывая соображения относительно репарационного вопроса, Юнг особо подчеркнул, что в основе репарации должен лежать учет только реального ущерба от войны, который требует «возмещения, а не наказания» [Gelfand The Inquiry... p. 297].

Как видим, эти точки зрения отличались большей взвешенностью от той политики, которую позднее будет проводить правительство Соединенных Штатов. Хотя и они, естественно, не отражали в полном объеме всех суждений по русскому и германскому вопросам, которые были высказаны различными экспертами.

Зачастую сотрудники «Инквайри» отстаивали в представляемых материалах противоположные точки зрения. Например, Роберт Кернер (университет Мичигана) в своих докладах, посвященных национальным проблемам в Центральной и Восточной Европе, настойчиво обосновывал концепцию «федерализации» Австро-Венгрии. По его

мнению, все народы, проживавшие на ее территории, и прежде всего славяне, должны были получить полную автономию. Одновременно Р. Кернер выступал против максимального применения в этом регионе принципа самоопределения наций, поскольку создание крошечных национальных государств привело бы всего лишь к борьбе великих держав за доминирование над ними. А вот Чарльз Сеймур (Йельский университет) предлагал реализовать в послевоенной Австро-Венгрии концепцию «триализма», предоставив третью полноправную роль в государстве полякам. В меморандумах «Инквайри» обсуждались и другие варианты решения данной проблемы, но все специалисты вплоть до окончания войны, как правило, исходили из целесообразности сохранения единства империи [Ibid, p. 200–203].

Материалы, подготовленные сотрудниками «Инквайри» по отдельным проблемам, проходили тщательное рецензирование. Иногда комментарии содержали крайне негативную оценку тех или иных выводов. Именно альтернативность суждений следует назвать главным достижением новой консультативной организации. Противоположные мнения по различным аспектам мироустройства давали политическому руководству США более целостное представление о реальной международной ситуации и, таким образом, позволяли принять более взвешенное решение. Думается, что такой вариант работы научных экспертов является наиболее приемлемым при разработке внешнеполитической стратегии любого государства.

Проблемы нового миропорядка и, в частности, перспективы создания международной организации обдумывались и теми представителями академического сообщества, которые не были официально приобщены к деятельности «Инквайри». На страницах американских газет и журналов конца 1917 – начала 1919 г. можно найти огромное количество разнообразных суждений на этот счет. Интересны, например, мнения таких известных американских ученых, как Торстейн Веблен или Фредерик Тернер [Veblen; Turner]. Анализируя политические аспекты нового миропорядка, они высказывались фактически за придание новой международной организации статуса наднациональной структуры, обладавшей законодательной властью. Закономерным продолжением была идея Ф. Тернера о создании международных политических партий, которые в перспективе стали бы своеобразным связующим звеном мирового сообщества [Подробнее см.: Романов, с. 266–273]. Значительная часть академического сообщества стремилась углубить вильсоновский интернационализм, который, по справедливой оценке ряда историков, в целом не смог все же преодолеть традиций «викторианского либерализма XIX века» [Mayer, p. 83; Herman, p. 174].

Другое направление интернационализма было представлено Н. Батлером. Его внешнеполитическая концепция, рассмотренная выше, в 1918–1919 гг. не претерпела каких-либо серьезных трансформаций. Он по-прежнему призывал к развитию международного сотрудничества во имя «прочного мира». Н. Батлер, например, неоднократно акцентировал внимание американцев на необходимости решительной борьбы против любого государства, стремившегося к мировому доминированию. Для «готовности страны и к миру и к войне» он призывал не только иметь сильные вооруженные силы, но и развивать американскую систему образования [Butler Program of Constructive...

р. 49–50; Butler *The Road to...* p. 119]. Важным механизмом поддержания мира Н. Батлер по-прежнему считал международную организацию и поэтому в целом поддерживал действия президента Вильсона по созданию Лиги Наций. Но при этом он высказывался все же за постепенность начавшихся глобальных интеграционных процессов. В одной из статей, подготовленной в декабре 1918 г. для одновременной публикации в *Echo de Paris* и лондонской газете *Observer*, Батлер заявлял, что в современных условиях Лига пока что не должна превратиться в «международное правительство». По его мнению, следовало бы очень осторожно относиться к любым попыткам ограничения суверенитета национальных государств. Структура Лиги в его представлениях ассоциировалась всего лишь с кристаллическим образованием, в котором существует «определенным образом организованное единство полностью независимых элементов» [Butler *American Opinion...* p. 135, 137–138]. Словом, и на этом этапе Батлер занимал в американской внешнеполитической мысли своеобразное срединное место. Как видно из источников, он отдавал должное не только интернационализму В. Вильсона, но и его критикам, высказывавшим свои опасения по поводу дееспособности новой международной организации.

Представители академического сообщества внесли вклад не только в теоретическое осмысление послевоенного миропорядка, но и в дело его практического создания. Большая группа ученых, главным образом сотрудничавших с «Инквайри», выехала вместе с В. Вильсоном в Париж. Во время работы мирной конференции они не только принимали активное участие в подготовке экспертных заключений по тому или иному вопросу, но и были задействованы в различных комиссиях. Потенциал научных консультантов достаточно высоко оценивался современниками. Так, английский дипломат Г. Никольсон отмечал в своих воспоминаниях, что американская консультативная группа отличалась серьезным профессионализмом. «Я никогда не работал с людьми столь искусными, столь образованными и со столь широким кругозором или столь точно информированными, какими были американские делегаты на мирной конференции, – писал он. – ... Если бы мирный договор составляли исключительно американские эксперты, он был бы самым мудрым и самым научным из документов, какие когда-либо были написаны» [Никольсон, с. 41].

Многие существенные разработки академических кругов во время мирного урегулирования так и не были учтены, поскольку чаще всего над научным анализом превалировала тогда политическая конъюнктура. Тем не менее в отдельных случаях позиция, занимаемая американскими экспертами, оказывала значительное влияние на итоговые решения мирной конференции.

Рассмотрим, например, ход обсуждения в Париже вопроса о международном регулировании условий труда и о создании для этой цели соответствующей организации. Конференция сформировала специальную комиссию, которой было поручено подготовить предложения на этот счет. Возглавил ее председатель Американской федерации труда Сэмюэль Гомперс. Однако ему фактически не удалось достичь консенсуса с европейскими профсоюзными деятелями [О внешнеполитической позиции С. Гомперса см.: Листиков, с. 79–92; Shotwell, p. 54–56], и поэтому еще до окончания работы комиссии

он уехал в США. Руководство комиссией перешло тогда в руки английского представителя Джорджа Барнса, а из числа американцев значимую роль в ее дальнейшей работе сыграл сотрудник «Инквайри», профессор Колумбийского университета Джеймс Шотуэлл.

Д. Шотуэлл, как и многие другие либералы, находился под влиянием революционных событий в Европе, прежде всего в России. Анализируя причины, приведшие, в частности, большевиков к власти, Шотуэлл указывал и на нежелание старых российских властей серьезно заниматься решением рабочего вопроса. Прибыв в Париж, он представил свой меморандум, в котором высказал предложения относительно путей достижения «социальной справедливости» в рамках мирного урегулирования. Без этого, отметил профессор, «всеобщий мир был невозможен». Совершенствование взаимоотношений между трудом и капиталом помогло бы международному сообществу приступить к «реализации наиболее фундаментального из всех принципов нового политического и социального устройства мира». Данный шаг он оценивал как «начало сотрудничества между Трудом, Обществом и Государством» [Shotwell, p. 54–56].

Среди рабочих лидеров, принимавших участие в Парижской конференции, существовали серьезные разногласия по конкретной программе возможных действий. Французы, например, настаивали на включении в мирный договор «хартии труда», которая предусматривала бы немедленное осуществление в международном масштабе таких реформ, как введение восьмичасового рабочего дня, установление минимального возраста для работы в промышленности. А представители Великобритании предлагали ограничиться на первом этапе для разрешения вопросов труда созданием особого международного механизма, который носил бы координационный характер. Д. Шотуэлл высказался в поддержку английского подхода, указав на важность объединения в рамках новой организации рабочих представителей с официальными представителями правительств отдельных стран. В этом он видел некий прообраз «мирового государства, которое находилось бы под эгидой индустриальной демократии и международного парламента труда». При этом Д. Шотуэлл высказал сомнения в целесообразности немедленного наделения международной организации труда законодательными функциями и придания ее решениям обязательного статуса для исполнения во всех государствах-членах Лиги Наций. В таком варианте он увидел опасность подрыва американской конституции. Предложения, сформулированные Шотуэллом, сводились к закреплению за данной организацией права выработать рекомендации, что позволило бы мировому общественному мнению влиять на ход принятия в отдельных странах необходимого социального законодательства. В этом Д. Шотуэлл увидел существенную инновацию и очередной шаг на пути к всеобщему признанию идеи ограничения национального суверенитета в пользу международной организации [ibid, p. 54–59].

В итоге Парижская конференция приняла решение о создании Международной организации труда (МОТ). Ее статут, вошедший в текст послевоенных договоров, в целом основывался на англо-американской концепции [См.: Версальский мирный договор, с. 157–168], которая, как видим, была разработана при непосредственном участии

Джеймса Шотуэлла. Сам он не раз повторял, что создание МОТ следует отнести к важнейшим итогам мирного урегулирования. Показательно, что в дальнейшем Д. Шотуэлл продолжал сотрудничать с новой организацией. Он, например, представлял Соединенные Штаты в оргкомитете международной рабочей конференции, проводимой в Вашингтоне в октябре 1919 г. [Shotwell, p. 54, 199–200; Josephson, p. 93–94]

Сознавая потребность расширения международного сотрудничества в условиях послевоенного миропорядка, Д. Шотуэлл понимал и все трудности, с которым встретится мировое сообщество на этом пути. В частности, вызывает интерес еще один меморандум, подготовленный американским профессором в Париже. В нем он высказал свои суждения по поводу возможного отказа какой-либо страны вступить в Лигу Наций. Для таких стран Д. Шотуэлл предлагал предусмотреть в новой организации особый статус, который предполагал бы их участие в международных конференциях по отдельным вопросам, например, по рабочему законодательству, разоружению или торговле. Текст предложенной им поправки к Ковенанту гласил: «Государства, не являющиеся членами Лиги, могут получить ассоциированное членство во время работы периодических конференций, проводимых под покровительством Лиги. Эти ассоциированные государства не принимают на себя какие-либо обязательства в связи с решениями конференции, на которой они присутствовали» [Shotwell, p. 230–233, 240–245]. Другими словами, данное предложение можно рассматривать как некий компромиссный вариант для тех, кто пока что не желал принимать в полной мере концепцию интернационализма. Даже ограниченное участие в делах мирового сообщества, по мнению Д. Шотуэлла, все равно стало бы первым шагом на пути к новому универсальному миропорядку. Данное предложение так и не было рассмотрено в Париже, о чем Шотуэлл с сожалением писал в своих мемуарах [Ibid, p. 190, 301–306]. Зато идею ассоциированного членства взяла на вооружение Международная организация труда.

Как и другие американские либералы, Д. Шотуэлл впоследствии не раз указывал на слабые стороны созданного в Париже миропорядка. Его главный порок он видел в том, что государства-победители отказались тогда вести переговоры с побежденными. Действительно единое мировое сообщество построить не удалось. К сожалению, заключал профессор, мир через диктат был, скорее всего, неизбежен в условиях послевоенной Европы, да и мира в целом. Ряд ошибок В. Вильсона Д. Шотуэлл связывал с особенностями его политической философии. Президент, по словам Шотуэлла, надеялся, что новые условия мироустройства, сформулированные в соглашении о Лиге Наций, исправят все недостатки старого мира. Но Вильсон оказался «не в состоянии увидеть, что процесс исправления нельзя было откладывать, поскольку это ослабило бы Лигу и, в конечном счете, поставило бы под угрозу само ее существование» [Ibid, p. 41–42, 51].

Несмотря на то, что Д. Шотуэлл высказывал свое несогласие с рядом решений Парижской конференции, в целом он не осуждал послевоенного урегулирования. Более того, он приветствовал рождение международной организации. Тем самым он отличался от других интернационалистов из американского академического сообщества,

которые зачастую акцентировали внимание на негативных сторонах и Лиги Наций, и всего Версальского миропорядка [Josephson, p. 96].

Участие американских ученых в Парижской мирной конференции действительно способствовало тому, что академическое сообщество превратилось в постоянный и существенный фактор процесса принятия внешнеполитических решений. Осознав это, научная элита попыталась создать собственный механизм для координации усилий в области изучения международных отношений. Показательно, что первые предметные разговоры на этот счет велись в Париже не только американцами, но и представителями других стран. 30 мая 1919 г. в отеле «Маджестик» произошла важная встреча, на которой присутствовали И. Боумен, Дж. Бир, Дж. Шотуэлл (все они были сотрудниками «Инквайри»), Т. Ламонт – крупный банкир, выступавший на конференции в роли экономического советника делегации США, Р. Сесиль – известный политический деятель Великобритании, Л. Куртис – научный консультант английской делегации и другие представители политико-академического истеблишмента двух стран. Осознавая порочность многих положений мирного урегулирования, они вели тогда речь о необходимости более научного подхода к определению перспектив международного развития. Главным результатом их беседы стало решение об учреждении англо-американского Института международных отношений. Именно этот Институт, объединивший авторитетных ученых, политиков, финансистов и промышленников, положил начало действующему по сей день Совету по международным отношениям [From the Peace...; Shotwell, p. 346; Schulzinger, p. 3–7]. Любопытно, что на американских ученых сделала серьезную ставку в ту пору и Франция. По инициативе Парижа была расширена практика научных обменов. В 1921 г. 265 американцев были привлечены к работе в высших учебных заведениях Франции. (Для сравнения: накануне войны, в 1914 г., из США с этой же целью были приглашены всего 54 человека.) Все эти контакты не без оснований рассматривались тогда как существенный канал влияния на европейских союзников [Keylor, p. 363].

Академическое сообщество США внесло весомый вклад в оформление официальных решений. Выступая в качестве экспертов, ученые сумели расширить границы внешнеполитического мышления и информационного поля, в рамках которого действовал Белый дом. Этому способствовали, прежде всего, регулярно готовившиеся ими для президента меморандумы по отдельным аспектам американской дипломатии. Свою роль сыграли также разнообразные исследовательские и даже популярные материалы, которые издавались в виде книг и статей. Самые интересные публикации, как показывают источники, обязательно привлекали внимание американского президента. Апогеем использования академического потенциала для внешнеполитических нужд администрации Вильсона можно считать создание и деятельность первой в истории Соединенных Штатов солидной научно-исследовательской группы по подготовке программы послевоенного урегулирования.

Именно эта практика во многом заложила основы для дальнейшего формирования экспертного планирования внешней политики США.

Показательным был идейный арсенал, который использовало большинство американских ученых периода Первой мировой войны. В своих суждениях они, как правило, исходили из концепции либерального интернационализма, ставшего новым вектором внешней политики США. Однако их интернационализм базировался на традиционных представлениях политико-академической элиты Соединенных Штатов об «американской исключительности», что предполагало безоговорочное лидерство США в новом мире.

Литература

- Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 170. Оп. 512/1. Д. 341. Л. 105–106. Версальский мирный договор. М. 1925.
- Дмитриев А.А.* Мобилизация интеллекта: Первая мировая война и международное научное сообщество // Интеллигенция в истории: образованный человек в представлениях и социальной действительности. М. 2001.
- Дьяков А.В.* Политическая функция интеллектуала: история и современность // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 21–32.
- Листиков С.В.* Профсоюзное движение США в годы Первой мировой войны. М. 1987.
- Мировые войны XX века: В 4 кн. М. 2002. Кн. 1: Первая мировая война: Исторический очерк.
- Никольсон Г.* Как делался мир в 1919 г. М. 1945.
- Основы прочного мира. Статьи Cosmos'a, появившиеся в Нью-Йоркском Times. N.Y. 1917.
- Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. М. 2014.
- Первая мировая война: Исторический очерк. С. 127.
- Петровский В.Ф.* Внешнеполитическая мысль США. М. 1976.
- Печатнов В.О.* Уолтер Липпман и пути Америки. М. 1994.
- Романов В.В.* «Академический» интернационализм: проблема наднациональных политических институтов в проектах Т. Веблена и Ф. Тернера накануне Парижской мирной конференции 1919 г. // Первая мировая война, Версальская система и современность: сб. статей / отв. ред. И.Н. Новикова, А.Ю. Павлов, А.А. Малыгина. СПб. 2014.
- Тексты воззвания «К культурному миру» и меморандума С.Г. Черча цитируются по русскому изданию: Америка о войне. Ответ на воззвание германских профессоров. Пг. 1915.
- Хауз Э.* Архив полковника Хауза. [Дневники и переписка с президентом Вильсоном и др. полит. деятелями] / Подгот. к печати проф. истории Изэйлского ун-та Чарлзом Сеймуром. М. 1939. Т. 3.
- A Memorandum by S.E. Mezes, D.H. Miller, and W. Lippmann. The Present Situation: The War Aims and Peace Terms It Suggests. [c. Dec. 22, 1917] // PWW. Vol. 45. P. 459–473.
- An Address in Washington to the League to Enforce Peace. May 27, 1916 // The Papers of Woodrow Wilson / Ed.: A.S. Link et al. Vol. 1–69. Princeton. 1966–1994 (далее – PWW). Vol. 37. P. 113–116.
- Butler N.M.* A Program of Constructive Progress. An Address Delivered before the Commercial Club. St. Louis, Missouri. Feb. 16, 1918 // *Butler N.M.* Is America Worth Saving? Addresses on National Problems and Party Policies. L. 1920.
- Butler N.M.* American Opinion and Problems of Peace. A Statement published in «Echo de Paris» Dec. 5, 1918 and in London «Observer» Dec. 8, 1918 // *Butler N.M.* Is America Worth Saving? Addresses on National Problems and Party Policies. L. 1920.

- Butler N.M.* The Road to Durable Peace. An Address Delivered before the Chamber of Commerce. St. Louis, Missouri. Feb. 16, 1918 // *Butler N.M.* Is America Worth Saving? Addresses on National Problems and Party Policies. L. 1920.
- Ch. Eliot to Woodrow Wilson (далее – WW). Aug. 6, 20, 1914 // PWW. Vol. 30. P. 353–355, 418–420.
- Ch. Eliot to WW. July 16. 1915 // PWW. Vol. 33. P. 513–515.
- Ch. Eliot to WW. July 26. 1915 // PWW. Vol. 34. P. 30.
- D.S. Jordon to WW. March 19. 1913 // PWW. Vol. 27. P. 195.
- E.M. House to WW. Apr. 20. 1917 // PWW. Vol. 42. P. 111.
- E.M. House to WW. Nov. 21. 1916 // PWW. Vol. 40. P. 30.
- From the Peace Conference Diary of G.L. Beer. June 1, 1919 // PWW. Vol. 60. P. 17.
- G.W. Kirchwey to WW. July 15. 1915 // PWW. Vol. 34. P. 15–16.
- Gelfand L.E.* The American Mission to Negotiate Peace: An Historian Looks Back // The Treaty of Versailles: A Reassessment after 75 Years / Ed. by M.F. Boemeke, G.D. Feldman, E. Glaser. Washington–Cambridge. 1998.
- Gelfand L.E.* The Inquiry: American Preparation for Peace, 1917–1919. New Haven. 1963.
- H. Münsterberg to WW. Nov. 7, Nov. 19. 1914; Apr. 19, 1915 // PWW. Vol. 31. P. 276–278, 336–340; Vol. 33. P. 17–20.
- Herman S.R.* Eleven against War: Studies in American Internationalist Thought, 1898–1921. Stanford. 1969.
- J.H. Hollander to WW. Apr. 7. 1913 // PWW. Vol. 27. P. 265.
- J.P. Tumulty to WW. Nov. 21. 1916 // PWW. Vol. 40. P. 24.
- Josephson H.* James T. Shotwell and the Rise of Internationalism in America. L. 1975.
- Keller Ph.* States of Belonging. German-American Intellectuals and the First World War. Cambridge. 1979.
- Keylor W.R.* «How They Advertised France»: The French Propaganda Campaign in the United States during the Breakup of the Franco-American Entente, 1918–1923 // Diplomatic History. Vol. 17, № 3 (Summer 1993).
- Knock T.J.* To End All Wars: Woodrow Wilson and the Quest for a New World Order. N.Y., Oxford. 1992.
- Kuehl W.F.* Seeking World Order. The United States and International Organization to 1920. Nashville. 1969.
- Link A.S.* Wilson: Campaign for Progressivism and Peace, 1916–1917. Princeton. 1965.
- Mayer A.J.* Historical Thought and American Foreign Policy in the Era of the First World War // The Historian and the Diplomat. The Role of History and Historians in American Foreign Policy / Ed. by F.L. Loewenheim. N.Y. 1967.
- Minor R.C.* A Republic of Nations: A Study of the Organization of a Federal League of Nations. N.Y. 1918.
- Münsterberg H.* The Peace and America. Leipzig. 1915.
- Münsterberg H.* The War and America. Leipzig. 1915.
- R.H. Dabney to WW. Jan. 1, 1915 // PWW. Vol. 32. P. 3.
- Reinsch P.* An American Diplomat in China. L. 1922.
- S. Mathews to WW. Aug. 18, 1914 // PWW. Vol. 30. P. 396–398.
- S.E. Mezes to WW. Nov. 9, 1917 // PWW. Vol. 44. P. 549–551.
- Schulzinger R.D.* The Wise Men of International Affairs. The History of the Council on Foreign Relation. N.Y. 1984.

- Shotwell J. T.* At the Paris Peace Conference. N.Y. 1937.
- T. Roosevelt to H. Münsterberg. Oct. 3, Nov. 2, 1914 // *The Letters of T. Roosevelt*. Vol. 8. Cambridge. 1954.
- Terner F.J.* A Memorandum. International Political Parties in a Durable League of Nations. Nov. [30?], 1918 // *PWW*. Vol. 53. P. 264–265.
- The American Journal of International Law*. Vol. 9. № 1 (Jan., 1915).
- The Foreign Relations of the United States. A Series of Addresses and Papers Presented at the National Conference on Foreign Relations of the United States at Long Beach, May 28 – June 1, 1917* / Ed. by H. R. Mussey and S.P. Duggan // *Proceedings of the Academy of Political Science*. Vol. 7, № 2–3 (July 1917).
- The Intellectual Response to the First World War: How the Conflict Impacted on Ideas, Methods and Fields of Enquiry* / Ed. M. Demoor, S.Posman, & C. Van Dijck. Eastbourne. 2017.
- The New Republic*. Vol. 1. № 2 (Nov. 14, 1914).
- The New Republic*. Vol. 1. № 9 (Jan. 2, 1915).
- The New Republic*. Vol. 5. № 55 (Nov. 20, 1915).
- The New York Times* (NYT). Aug. 12. 1916.
- The New York Times*. Dec. 15, 18. 1916.
- The New York Times*. Dec. 15. 1916.
- The New York Times*. Dec. 2, 4. 1916.
- The New York Times*. Dec. 9. 1916.
- The New York Times*. Nov. 20. 1916.
- The New York Times*. Nov. 21, 22. 1916.
- The New York Times*. Nov. 25. 1916.
- The New York Times*. Nov. 27. 1916.
- The New York Times*. Nov. 28. 1916.
- The New York Times*. Nov. 30. 1916.
- The North American Review*. Vol. 198, № 6 (Dec., 1913).
- Veblen T.* An Inquiry into the Nature of Peace and the Terms of Its Perpetuation. N.Y. 1917.
- Wimer K.* Woodrow Wilson and World Order // *Woodrow Wilson and a Revolutionary World, 1913–1921* / Ed. by A.S. Link. Chapel Hill. 1982.
- WW to E.M. House. Sept. 1, 1917 // *PWW*. Vol. 44. P. 120–121.
- WW to R.C. Minor. Jan 5, 1915 // *PWW*. Vol. 32. P. 18.
- WW to R.H. Dabney. Jan. 4, 1915 // *PWW*. Vol. 32. P. 10–11.

DOI 10.32726/2411-3417-2019-1-92-103
УДК 94

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВА

Эволюция британских представлений о Первой мировой войне

Аннотация. В британской традиции Первая мировая война почти неизменно сопровождается эпитетом «Великая». Память о ней передается из поколения в поколение, живет в семейных архивах и музейных коллекциях. Однако это не означает статичности образа Великой войны в общественном сознании. В статье рассматривается, как на протяжении столетия после окончания этого масштабного конфликта трансформировалось его восприятие, прежде всего в среде британской интеллектуальной и политической элиты. Прослеживается корреляция этого процесса с изменениями в общественно-политической жизни Великобритании и событиями на международной арене.

Ключевые слова: историческая память, Первая мировая война, британская историография, внешняя политика Великобритании.

Проблема формирования массовых представлений о прошлом привлекает в настоящее время все большее внимание. В условиях стремительных изменений в политике, социальной жизни, международных отношениях особенно отчетливо проявляется значение исторической памяти как средства самоидентификации человека и социума. История народов и государств незримо присутствует в современности. И это не только свершившиеся события или процессы, разворачивавшиеся в прошлом, но и наши современные знания и представления о них. Историческая память является неотъемлемой составляющей нашего мировоззрения, во многом определяющей оценки и действия в настоящем и тот образ будущего, который формируется в нашем сознании.

Наиболее ярко отражаются в исторической памяти переломные эпохи и масштабные события. Одним из таких событий стала Первая мировая война, в значительной степени определившая ход истории XX в. Недаром американский историк и дипломат Дж. Кеннан в 1979 г. назвал ее «исходной катастрофой нашего столетия» [Kenan, p. 11]. В британской традиции эта война почти неизменно сопровождается эпитетом «великая». Память о ней передается из поколения в поколение, живет в семейных архивах и музейных коллекциях. На протяжении столетия в Соединенном Королевстве существует традиция ежегодно 11 ноября (в годовщину даты заключения Компьенского перемирия) отмечать День памяти павших.

Сведения об авторе: РОМАНОВА Екатерина Владимировна – доцент исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук; yevromanova@hotmail.com.

Признание огромной роли Первой мировой войны в истории Великобритании и всего мира не означает, однако, неизменности представлений о ней, статичности ее образа в общественном сознании британцев. Характерная черта исторической памяти состоит в том, что она постоянно актуализируется, подвергается ревизии под влиянием социальных факторов. Оценки Великой войны эволюционировали по мере смены поколений, трансформировались под воздействием текущих событий в жизни общества и в мировой политике.

Влияние исторической науки на формирование образа прошлого в общественном сознании оценивается исследователями по-разному и порой противоречиво. Так, авторы ряда работ по проблемам социологии знания И.М. Савельева и А.В. Полетаев, казалось бы, разводят историю и память, утверждая, что «память о прошлом не имеет ничего общего с научной историей» [Савельева, Полетаев, с. 218]. Вместе с тем эти ученые признают, что «теоретически в современных обществах историческое знание должно иметь функцию каркаса исторического сознания или массовых представлений о прошлом» [Там же, с. 218–219.], пишут о том, что обращение к теме исторической памяти наделяет историка новой социальной миссией [Там же, с. 172]. На роль историков в качестве «творцов» коллективной памяти указывал французский ученый Б. Гене, подчеркивавший, что «социальная группа, политическое общество, цивилизация определяются прежде всего их памятью, т.е. их историей, но не той историей, которая была у них в действительности, а той, которую сотворили им историки» [Цит. по: Репина, с. 129]. Американский историк, исследователь проблем исторической памяти Дж. Уинтер справедливо замечал, что массовые представления о прошлом и исторические исследования формируются по разным законам, но в то же время подчеркивал взаимовлияние этих сфер [Winter, p. 5–6].

Историки являются плотью от плоти своего общества. Формируя коллективные представления, они одновременно испытывают их влияние на собственный образ мыслей. Такая связь традиционно остро ощущается британскими учеными. На наличие субъективной составляющей в работе историка, определяющейся как его личностью, так и современной ему эпохой, указывал Э. Карр [Carr]. Он рассматривал историю как взаимодействие между историком и фактами, диалог между прошлым и настоящим и называл самого историка продуктом истории до того, как он начинает ее писать. Системная связь историографии с мировоззрением историка и культурой эпохи, в которую он работает, позволяет рассматривать нарратив, открывающийся перед читателем со страниц исторических трудов, как одно из проявлений общественного сознания.

Рассматривая эволюцию историографии Первой мировой войны, Д. Уинтер выделяет четыре периода, соответствующих четырем поколениям исследователей: поколение «Великой войны», творившее в 1920–1930-е годы; историки, деятельность которых пришлась на конец 1950-х – 1960-е гг.; «поколение Вьетнама», по понятным причинам более заметное в американской историографии; наконец, современное поколение, которое Уинтер называет «транснациональным» [The legacy... p. 1–9]. Отталкиваясь от предложенной периодизации, рассмотрим специфику этих этапов, то новое, что было привнесено в восприятие войны на каждом из них.

В период, которому было суждено стать межвоенным, представление о войне формировалось теми, кто в ней участвовал, или их современниками. Вскоре после войны в свет вышли мемуары представителей военного командования, политиков, дипломатов, которые стремились объяснить и порой оправдать свою деятельность накануне масштабного конфликта и в его ходе. В их числе занимавший пост премьер-министра с 1908 г. по декабрь 1916 г. Г. Асквит и сменивший его на этом посту Д. Ллойд Джордж, министр иностранных дел с конца 1905 г. по конец 1916 г. Э. Грей, занимавший ряд министерских постов в ходе войны У. Черчилль, начальник Генерального штаба в 1915–1918 гг. У. Робертсон и занимавший этот пост накануне войны, а в первые полтора года конфликта командующий британскими экспедиционными силами Дж. Френч, первый морской лорд Дж. Фишер и многие другие. В центре внимания авторов мемуаров – предвоенная дипломатия и противостояние с Германией, выбор стратегии в ходе войны и ведение военных операций, организация снабжения армии, взаимодействие с союзниками и нейтральными странами. При имевшемся несходстве позиций их история войны – это история, рассказанная «сверху». Война предстает в традиционном для нового времени обличье – столкновения государств, являющихся основными акторами на международной арене, действия которых направляют решения политиков и военных.

Важным фактором, который определял восприятие британцами войны, являлась оценка ее значения и итогов. С одной стороны, казалось, что цели, которые провозглашались британскими государственными деятелями – права малых стран и сокрушение германского милитаризма – были достигнуты. В выступлениях британских политиков поражение Германии приравнивалось к «спасению цивилизации» [The Times, November 13, 1918]. С другой стороны, человеческие жертвы и материальные потери, понесенные Великобританией, являлись беспрецедентными для этой страны. Так, член британского кабинета министров лорд Р. Сесил говорил о всеохватывающем ужасе войны (символом чего стало сражение на Сомме), оправдать который могло лишь создание системы, обеспечивающей мир [ibidem].

Однако Парижская конференция явилась разочарованием для членов британской делегации. Широко известна опубликованная в 1919 г. работа одного из них, Д.М. Кейнса, получившего впоследствии признание в качестве выдающегося ученого-экономиста. Вышедшие из-под пера Кейнса «Экономические последствия мира» рисовали картину разоренной войной Европы, где были нарушены традиционные хозяйственные связи, бушевала инфляция, а население находилось на грани голода. Как указывал Кейнс, «мирный договор не сделал ничего для экономического восстановления Европы, ничего для того, чтобы превратить побежденные Центральные державы в добрых соседей, ничего для того, чтобы дать устойчивость вновь созданным государствам, чтобы образумить Россию; он не подготовил пути для осуществления экономической солидарности в среде самих союзников; в Париже не пришли ни к какому соглашению по вопросу о восстановлении расстроенных финансов Франции и Италии и ничего не сделали для согласования системы Европы и Нового Света» [Кейнс, с. 28]. Неудовлетворенность итогами мирной конференции высказывал на страницах опубликованных в 1933 г. воспоминаний еще один из ее участников, молодой сотрудник Форин-офис

Г. Никольсон. Передавая свои ощущения от участия в процессе мирного урегулирования, он замечал: «Мы приехали в Париж, уверенные в том, что вот-вот будет создан новый порядок; мы уехали оттуда, убедившись, что новый порядок – это лишь искаженный до неузнаваемости старый (had merely fouled the old)» [Nicolson, p. 187].

Подобные оценки не только порождали сомнения в моральной оправданности Версальского миропорядка (что, отметим, не обязательно согласовывалось с намерениями их авторов), но и заставляли вновь задумываться о значении и смысле Великой войны. Эти вопросы ставили и произведения художественной литературы, написанные фронтовиками. На конец 1920-х – начало 1930-х годов приходится появление ряда книг о войне. В числе наиболее известных – автобиографический роман ушедшего на фронт добровольцем Роберта Грейвза «Со всем этим покончено» (1929); «Смерть героя» (1929) Ричарда Олдингтона; проникнутые пацифистскими мотивами «Воспоминания охотника на лисиц» (1928) и «Воспоминания пехотного офицера» (1930) Зигфрида Сассуна; посмертная публикация стихов погибшего на Западном фронте Уинфреда Оуэна (1931), более полная, чем предшествовавшее издание 1920 г. Они рисуют картину ужаса и боли жизни на войне, часто отнюдь не героической смерти солдат, глубокого разрыва, который существовал между представлением о войне у командования и реалиями фронтовой повседневности. Во многом под влиянием этих произведений в восприятии Великой войны британским обществом появляется мотив ее бессмысленности и ненужности.

Тот факт, что подобный образ войны стал формироваться именно в конце 1920-х годов, не случаен. Так, американский исследователь С. Хайнс относит определенный перелом в восприятии войны к 1926 г., когда Всеобщая стачка продемонстрировала шаткость послевоенной стабилизации, а оксфордский профессор А. Грегори связывает его с началом Великой депрессии [Hynes, p. 419; Gregory, p. 119]. Несмотря на некоторые расхождения в датировке, оба автора согласны в том, что социально-экономическая ситуация в Великобритании во второй половине 1920-х годов во многом определила восприятие обществом солдатской прозы и поэзии и принятие (по крайней мере, его частью) той картины войны, которая представала со страниц произведений рядовых участников. Именно в это время стало ясно, что провозглашенный еще в ходе предвыборной кампании конца 1918 г. Д. Ллойд Джорджем лозунг сделать «условия жизни в стране достойными героев» («a fit country for heroes to live in») не реализовался. В предвыборных выступлениях британский премьер-министр говорил о миллионах жизней, потерянных на войне, но в то же время призывал не забывать о том, что в послевоенной Великобритании миллионы жизней оставались искалеченными из-за ужасающих социальных условий [The Times, November 24, 1918]. Окончание войны вселяло надежды на улучшение жизни. Однако события 1926 г. продемонстрировали разочарование в среде рабочего класса, а начавшийся осенью 1929 г. экономический кризис нанес существенный удар по благосостоянию всех слоев общества. Ощущение, что жизнь в результате войны не стала лучше, порождало мысль о бесполезности принесенных в ее ходе жертв.

В 1930-е годы стало заметным некоторое смещение акцентов в оценке предвоенной ситуации британскими мемуаристами и историками. Так, далеко не безупречной

предстает в их изображении британская дипломатия накануне войны, а закрепленное Версальским миром положение о германской вине за ее развязывание звучит не столь отчетливо, как ранее. Показательно в этом отношении признание Д. Ллойд Джорджа, сделанное на страницах первого тома опубликованных в 1934 г. воспоминаний: «после прочтения большей части литературы, посвященной вопросу о том, почему народы бросились в войну и на ком лежит ответственность за войну, у меня не остается ничего, кроме впечатления крайнего хаоса, всеобщего помешательства, слабости и безнадежности. Среди правителей и государственных деятелей, которые одни могли дать роковой приказ, вызвавший к жизни великие армии и бросивший их через границы, нет ни одного – это совершенно ясно – кто хотел бы войны; во всяком случае не было речи о войне в европейском масштабе» [Ллойд Джордж, с. 65]. Война в изображении британского политика лишена героического ореола и характеризуется как «дело разрушения и жестокости», которому «люди посвящали энергию, ум и рвение в течение четырех с половиной лет» [Там же, с. 31].

Сложившееся на рубеже 1920-х – 1930-х годов представление о мировой войне может отчасти объяснить ту политику умиротворения, которую проводило британское правительство по отношению к Германии, Италии и Японии. Очевидно, что ее причины не сводятся к тому, как в 1930-е годы воспринимались в обществе события 1914–1918 гг., однако появившаяся в сознании британцев ассоциация войны с бессмысленной жертвой создавала условия, в которых политика, ставившая своей целью избежать повторного соскальзывания в войну или уйти от нового военного столкновения, опиралась на массовую поддержку. Широкое «Движение за мир» стало отличительной чертой 1930-х годов. Примечательно, что в это время были зафиксированы попытки (в итоге не прижившиеся) сменить алый мак, ставший неизменным атрибутом мемориальных мероприятий, приуроченных к Дню памяти павших, на белый, который инициаторы этой идеи ассоциировали с символом мира [Gregory, p. 149–183].

В 1930-е годы британские политики, дипломаты и военные старались всячески избежать повторения того пути, по которому страна шла в преддверии Великой войны и в ее ходе. Не испытывая иллюзий в отношении сущности нацистского режима, они стремились не допустить изоляции Германии и отказывались от курса на создание против нее единого фронта, убежденные в том, что раскол Европы на блоки в начале XX в. стал одним из условий войны.

Подстраховываясь на случай, если война все-таки разразится, в Лондоне разрабатывали стратегию ее ведения. При этом практически всеобщим было убеждение, что она не должна повторить опыт Первой мировой войны. Великобритания готовилась вести новую войну по-иному: военные планировали сосредоточиться на периферийных операциях, не требующих огромной армии и не грозящих большими людскими потерями, а не отправлять во Францию экспедиционные силы, как это произошло в августе 1914 г. [См. подробнее: Gibbs]

Вторая мировая война на время затмила образ Первой.

Новый этап в изучении Первой мировой войны начался на рубеже 1950–1960-х годов с рождением социальной истории, которой оказался более созвучным образ войны, сформировавшийся во фронтовой литературе 1920–1930-х годов, а не представление о ней, складывавшееся на основе мемуаров высокопоставленных политиков и военных. Не разделяя тезис Л. фон Ранке о «примате внешней политики» и, соответственно, продиктованный им политико-дипломатический подход к изучению истории международных отношений, в 1960-е годы исследователи стали отдавать предпочтение анализу тех процессов, которые разворачивались внутри страны, и оценке их роли в ее поведении на международной арене. В фокусе внимания было общество, его структура: классы и партии, различные группы давления.

Знаковым событием с точки зрения влияния на восприятие войны британским обществом стала публикация в 1963 г. книги А. Дж. П. Тейлора «Первая мировая война. Иллюстрированная история». Ориентированная на широкого читателя, она вышла огромным тиражом. Сам Тейлор полагал, что его работа сыграла важнейшую роль в формировании картины войны в сознании британцев. До определенной степени такая оценка может быть признана справедливой. В статьях о Первой мировой войне, написанных в начале нынешнего столетия, авторы нередко вспоминают о впечатлении, которое на них в молодые годы оказала книга Тейлора (как текст, так и подборка иллюстраций).

Преподававший в Оксфордском университете, Тейлор не очень соответствовал образу академического историка-исследователя. Его блестящие, порой провокационные лекции привлекали огромные толпы студентов, но он всегда стремился обратиться к более широкой аудитории. Отсюда его участие в телепрограммах, чтение публичных лекций, ведение колонки в газете *Sunday Express*. Он считал, что преданность ученого своей профессии должна сочетаться с наличием у него гражданской позиции [Segel, p. 531–546]. Позиция самого Тейлора отчетливо видна в его книге о Первой мировой войне. Как отмечалось в одной из рецензий, она являлась «в первую очередь историей неизвестного солдата» [The First World War... p. 214]. Это уже не была война, взгляд на которую открывался из министерских кабинетов или военных штабов. Книга подтверждала репутацию Тейлора как постоянного оппонента английского истеблишмента. Иллюстрированная история Первой мировой войны рисовала картину бессмысленной бойни на Западном фронте, где сражающиеся представляли жертвами черствости и бездарности командования и политиков. Тейлор писал об армии Китченера, солдаты которой были «обучены только наступать цепью», идти в штыковую атаку. Но «британские пехотинцы на Сомме не видели тех, с кем они сражались, и штык использовался лишь для того, чтобы убить тех, кто уже сдался» [Цит. по: Fair, p. 77]. Жестокими, не считающимися с жизнями британских и французских солдат представляли в трактовке Тейлора намерения командования измотать немцев серией наступлений на отдельных участках Западного фронта осенью 1915 г. Злой иронией были проникнуты подписи под иллюстрациями. Так, изображение подожженной в ходе военных действий камерунской деревни сопровождалось словами: «Цивилизация приходит в Африку». А под фотографией жертв газовой атаки можно было прочесть «Новый триумф цивилизации» [ibid, p. 77–78].

Иллюстрации в книге Тейлора представляли окопную войну, взгляд на нее с позиции солдата, рядового участника. Такой же ракурс задавал и зрительный ряд цикла из 26 документальных фильмов о Великой войне, показанных каналом Би-би-си 2 в 1964 г. Этот ставший важным событием в общественной и культурной жизни страны кинопоказ один из исследователей назвал «точкой невозврата» в представлениях британцев о Первой мировой войне. Вполне в духе социальной истории в цикле были использованы интервью с ветеранами [Webber, Long, p. 277]. Пожалуй, впервые предпочтение было отдано свидетельствам обычных людей, а не занимавших высокие посты политиков и генералов. Великая война воспринималась уже не столько как борьба государств, ведомых своими правительствами, сколько как трагедия миллионов вовлеченных в нее рядовых британских участников. Формирующееся таким образом новое представление о войне затмевало более традиционный «взгляд сверху», однако полностью не вытесняло его.

Упомянутый традиционный взгляд был представлен участвовавшими в написании сценария профессиональными историками К. Барнеттом и Дж. Террейном. Однако уже в ходе телетрансляций он был публично поставлен под сомнение Г.Б. Лиддел Гартом, еще одним профессиональным исследователем, приложившим руку к созданию фильмов. После показа тринадцатого фильма, повествующего о наступлении на Сомме, выступавший военным консультантом цикла Г.Б. Лиддел Гарт обратился к руководству телекомпании с просьбой снять свое имя из титров. В письме в газету *Times* он объяснил это категорическим несогласием с акцентами, расставленными в закадровом комментарии. В фильме подчеркивалось «якобы имевшее место отсутствие опыта и выучки у британских войск и в то же время не было никакого упоминания о бесспорных ошибках Верховного командования в планировании и проведении операции». Лиддел Гарт также полагал, что зритель мог вынести неверное впечатление о масштабе британских потерь в ходе битвы на Сомме, которые (по его оценке, не учтенной в окончательной версии фильма) существенно превосходили германские [The Times, September 19, 21, 1964].

Тезис о несостоятельности британских и французских военных, руководивших операциями на Западном фронте, уже получил к тому времени достаточное распространение и закрепился в общественном мнении. После выхода в 1961 г. книги А. Кларка с говорящим названием «Ослы», посвященной деятельности командующих экспедиционными силами во Франции и Бельгии в 1915 г., устойчивой для описания британской армии в Первой мировой войне стала метафора «львы, ведомые ослами», подчеркивающая героизм солдат, с одной стороны, и некомпетентность генералов – с другой. Как отмечала газета *Times* в рецензии на книгу Кларка, вынесенная в ее заглавие характеристика была сравнительно мягкой с учетом фактов, собранных в работе. По заключению газеты, вряд ли можно было простить даже через пятьдесят лет то бездумное уничтожение «львов» (солдат на передовой), которое происходило на Западном фронте [The Times, July 20, 1961].

Книга Кларка стала одним из источников вдохновения Джоан Литлвуд, поставившей в 1963 г. мюзикл «Ах, какая прелестная война!», который А. Дж. П. Тейлор на-

звал «самым правдивым свидетельством о войне 1914–1918 гг.» [The Times, June 21, 1963]. Мюзикл пользовался большим успехом не только в Великобритании, но и за ее пределами. Подобно книге Тейлора и циклу о войне, снятому Би-би-си, он отражал общественные настроения 1960-х годов. Его направленность – против некомпетентности, бесчувствия и лицемерия правящего класса, его лейтмотив – бессмысленность войны. Как справедливо отметил современный исследователь Д. Пейджет, такие идеи не были чем-то абсолютно новым, их истоки можно было найти во фронтовой литературе межвоенного периода, однако именно в 1960-е годы они стали определять образ войны в сознании британцев [Paget, p. 117–127].

Заслуживает внимания тезис Пейджета о том, что утверждение подобного представления о Первой мировой войне произошло фактически с согласия британского истеблишмента. Об этом говорят приведенные выше примеры благожелательных отзывов и рецензий, опубликованных в газете *Times*, которая прочно ассоциируется с интересами правящих кругов. Показателен и факт включения произведений поэтов-фронтовиков в школьную программу. По мнению Пейджета, столь благожелательный подход к появившимся в 1960-е годы ревизионистским оценкам Великой войны соответствовал общему курсу на учет требований «низших классов», взятому правящими элитами стран Запада [Ibid, p. 120]. Его можно поставить в один ряд с широкой программой социальных реформ, реализованной в Великобритании после Второй мировой войны. Пересмотр взгляда на Первую мировую войну, готовность признать несостоятельность политики тех, кто стоял у руля страны в начале XX в., как и социальные реформы, рассматривались в качестве средств достижения классового мира и общественного консенсуса.

На восприятие в обществе Первой мировой войны влиял и международный контекст. Суэцкая авантюра, ставшая одним из крупнейших провалов британской внешней политики XX в., подталкивала к мысли о несостоятельности стратегического планирования, осуществляемого правящей элитой. Ярко выраженный антивоенный характер появившихся в 1960-е годы произведений о Первой мировой войне хорошо понятен с учетом гонки вооружений и опасности ядерной войны, к порогу которой мир подошел и с ужасом отшатнулся от него в период Карибского кризиса.

Утвердившиеся в тот период представления о Первой мировой войне, по мнению многих исследователей, до сих пор живы и остаются доминирующими в сознании британцев. Ревизионизм превратился в традицию, и в настоящее время ревизионистскими называют работы, в которых отвергаются те подходы и выводы, что были сформулированы в 1960-х. Книги, телепередачи, сериалы о войне, появившиеся в последующие десятилетия, во многом опирались на оценки, данные в тот период. В то же время они имели собственную специфику и привносили дополнительные оттенки в ее образ.

Тема трагизма войны для солдат, жизнь или смерть которых на поле боя (где невозможно укрыться от снарядов) становится результатом случайности, является лейтмотивом вышедшей в свет в 1976 г. книги военного историка Джона Кигана «Лик бит-

вы». Отнесенный Дж. Уинтером к «поколению Вьетнама», Киган рисует картину войны, которая скорее находится в русле социальной истории и наметившегося культурного поворота, чем отвечает традициям собственно военной истории.

Такой подход к Первой мировой войне набирает популярность в последующие десятилетия. Его противопоставляют экономическому и социальному детерминизму. Сторонники этого подхода сосредотачиваются на идеях, психологии поведения, рассматривая их как категории, во многом независимые от материальных условий. В то же время историография делает шаг к транснациональной, глобальной истории Первой мировой войны, в рамках которой государства и социальные группы уже не представлены в качестве основных акторов событий 1914–1918 гг. В центре внимания историков – психологические и социальные явления, которые выходят за рамки государств и отдельных обществ. В качестве примеров можно привести обращения историков к темам боевых психических расстройств, военного плена и беженства, наконец, памяти о войне и мемориальных практик.

Размывающий государственные и социальные границы, такой подход во многом коррелирует с процессами интернационализации и глобализации, которые разворачиваются на наших глазах. Они затрагивают и сообщество историков, порой получающих образование в нескольких странах и строящих академическую карьеру вдали от родины. Нередким явлением в исторической науке становятся коллективные труды с участием исследователей из разных стран. Иногда такой подход не оставляет места военной истории в традиционном ее понимании – как истории выработки военной стратегии и ведения боевых операций. Война предстает явлением, принадлежащим не к области международных отношений, а к глобализированному миру, где, как может показаться, отсутствуют государственные границы и деление на устойчивые социальные группы. Подобное видение во многом соответствует идеологии единой Европы. Как писал в 2003 г. российский историк Т.М. Исламов, «объединяющаяся на наших глазах Европа ищет легитимации в своем прошлом» [Исламов, с. 3], переосмысливая его с позиций сегодняшнего дня. Первая мировая война в рамках такого подхода рассматривается в качестве общеевропейской трагедии, поставившей под угрозу судьбы европейской цивилизации.

Подобное представление не чуждо многим британцам. Вместе с тем развернувшаяся в последние годы как на страницах исторических работ, так и в средствах массовой информации дискуссия о современной репрезентации Первой мировой войны заставляет задаться вопросом, насколько этот образ тотален и всеохватен. Эта дискуссия оказалась столь острой и вызвала такой широкий резонанс, что журнал *Times Higher Education* в номере от 26 июня 2014 г. назвал ее «битвой за национальную память о Первой мировой войне» [Collective memory...].

Представление о сути разногласий между вовлеченными в полемику сторонами дает опубликованная в начале июля 2014 г. статья известного британского художественного критика и обозревателя газеты *Guardian* Джонатана

Джонса. Он выступил с осуждением концепции арт-инсталляции из алых керамических маков, развернутой перед лондонским Тауэром в память о погибших в Первой мировой войне [The Guardian, October 31, 2014]. Масштабный проект, в котором использовалось 888 246 маков – по числу погибших на фронтах солдат Великобритании и ее колоний, привлек огромное общественное внимание: тысячи добровольцев приняли участие в его создании.

Неприемлемыми для Джонса оказались красота проекта и замысел воплотить в нем абстрактную идею скорби, которая, с точки зрения критика, не передавала историю войны, а значит могла быть лишь «иллюзией памяти». По мнению Джонса, любое произведение искусства, рассказывающее о Первой мировой войне, должно «показывать ее ужасы, а не скрывать страшные факты под ковром из искусственных цветов». Изображение войны, по его словам, не может быть красивым, поскольку неизбежно сопровождающие ее смерть и раны не являются прекрасными.

Еще один упрек, адресованный обозревателем газеты *Guardian* авторам проекта, заключался в том, что их инсталляция ограничивала память о войне национальными рамками. Скорбь по британским солдатам (подчеркнутая количеством цветов), с точки зрения Джонса, не могла оправдать отсутствия скорби по погибшим в боях французам, русским, немцам. Автор выражал неприятие той «иллюзии» о Великобритании как об «острове героев, который никому ничем не обязан и не имеет ни с кем братских связей», поддержанию которой способствовал мемориальный проект.

Статья Джонса высвечивала дилеммы британцев в преддверии столетней годовщины начала войны. Как отмечать это событие: в «либеральном, соответствующем идеалам единой Европе духе», представляя войну как «трагическую и бессмысленную кровавую бойню», или «отдавая дань самопожертвованию сражавшихся на фронтах британцев и воинов владений Британской империи и испытывая гордость за их победу»? Следует ли восхищаться «непоколебимостью британских солдат, выполнявших свой долг, или рассматривать тех, кто сражался в войне, как одурманенных джингоистской пропагандой жертв, которых вели на бойню некомпетентные генералы и узколобые политики»? [Collective memory...] Как преподавать историю Первой мировой войны в школе? [Pennell, p. 34–40] Наконец, насколько оправданным было британское вступление в войну?

Споры по последнему вопросу велись в Великобритании более столетия, со времени июльского кризиса 1914 г. Отличительной чертой начала XXI в. стало то, что историки перенесли свои дискуссии на экраны телевизоров. Целью программы М. Хастингса «Необходимая война» [The Necessary War], к участию в которой он привлек других авторитетных исследователей (М. Ховарда, Х. Строна, М. Макмиллан, Дж. Реля), явилось опровержение устоявшегося восприятия войны как бессмысленного конфликта. Автор программы, сторонник тезиса о германской ответственности за войну, проводил мысль о неизбежности британского вмешательства в конфликт для предотвращения германского доминирования. В качестве его оппонента выступил Н. Фергюсон, который в программе «Горечь войны» [The Pity of War] развивал тезисы, высказанные им еще в 1999 г.

в одноименной книге. Суть их заключается в том, что война против Германии была ненужной и оказалась катастрофой как для Великобритании, так и для всего мира. Если бы Лондон остался в стороне, Германия смогла бы одержать быструю победу. В результате не было бы ни миллионов жертв конфликта 1914–1918 гг., ни нацизма, ни Второй мировой войны, а Европейский союз был бы создан намного раньше. Таким образом, по мнению Фергюсона, своим вмешательством Великобритания лишь продлила бессмысленную, повлекшую за собой страшные последствия катастрофу и отсрочила объединение Европы.

Не остались в стороне от развернувшейся полемики по вопросу о значении войны и политические деятели. Так, министр образования М. Гоув в опубликованной на страницах газеты *Daily Mail* в начале 2014 г. статье обратился к преподаванию истории Первой мировой войны, высказался по поводу ее трактовки некоторыми историками, а также коснулся ее восприятия британским обществом. Он раскритиковал опору на левую традицию в преподавании и обрушился на трактовку, заданную мюзиклом «Ах, эта прелестная война!» и сатирическим сериалом «Черная гадюка». «Непатриотичному» взгляду консервативный политик противопоставил образ справедливой войны, которую вела отстаивавшая идеалы демократии Великобритания против агрессивной, милитаристской, попиравшей нормы международного права Германии.

В статье четко прослеживается мысль автора: то, какой является память о войне, имеет политическое значение. Формирование «правильного» представления о ней, по мнению Гоува, особенно важно в условиях многочисленных вызовов, с которыми сталкивается Великобритания: «соперничество великих держав, движение миграционных потоков, быстрые социальные сдвиги, экономическая взаимозависимость, масштабные технологические изменения, хрупкость доверия к политическим элитам» [The Daily Mail, January 2, 2014].

Вряд ли можно ожидать, что в ближайшее время будет поставлена точка в столетней дискуссии о том, чем была Первая мировая война для британцев и для всего мира. Сами изменения в восприятии этого конфликта подтверждают, кажется, мысль Э. Карра об истории как диалоге историка (или другого субъекта ее постижения) с прошлым. Такой подход к истории таит в себе большие опасности – отхода от историзма, перенесения на прошлое реалий сегодняшнего дня. В то же время в нем заложена перспектива постоянного углубления и обогащения наших представлений о прошлом. Каждый новый этап изучения Первой мировой войны позволял увидеть новые грани этого явления. Представления о войне с позиций государства, различных социальных групп, отдельного человека почти никогда не совпадали, однако ни одно из них не может быть проигнорировано, поскольку в каждом отражается существенная сторона сложной исторической реальности, несводимой к простым и однозначным схемам.

Литература

Исламов Т.М. Европейские историки о европейской истории // Новая и новейшая история. 2003. № 5.

- Кейнс Дж. М. Экономические последствия Версальского договора (фрагменты) // Кейнс Дж. М. Избранные произведения. / Пер. с англ. М. 1993.
- Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. 1–2 / пер. с англ. М. 1934.
- Репина Л.П. Концепция социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого. под. ред. И.М. Савельевой и А.В. Полетаева. М. 2005.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого/ под. ред. И.М. Савельевой и А.В. Полетаева. М. 2005.
- Carr E.H. What is History? London. 1961.
- Collective memory and the First World War. A. W. Purdue on the battles among academics over the conflict's place in history // Times Higher Education. June 26. 2014. – URL: [timeshighereducation.com/collective-memory-and-the-first-world-war/2014087.article](#) (date of access: 18.10.2018).
- Collective memory and the First World War. A. W. Purdue on the battles among academics over the conflict's place in history // Times Higher Education. June 26. 2014.
- Fair J.D. A. J. P. Taylor as a 'Contemporary' Historian // The International History Review. Vol. 23. № 1. 2001. Webber N., Long P. The last post: British press representations of veterans of the Great War // Media, War & Conflict. Vol. 7. №. 3. 2014.
- Gibbs N.H. Grand Strategy. Vol. 1. London. 1976.
- Gregory A. The Silence of Memory: Armistice Day, 1919–1946. Oxford, 1994. P. 119
- Hynes S. A War Imagined: The First World War and English Culture. London. 1990.
- Kennan G. The Decline of Bismarck's European Order: Franko-Russian Relations, 1875–1890. Princeton, NJ. 1979.
- Nicolson H. Peacemaking, 1919, Being Reminiscences of the Paris Peace Conference. Boston. 1933.
- Paget D. Popularising popular history: 'Oh What A Lovely War' and the sixties // Critical Survey. Vol. 2. № 2. Writing and the First World War. 1990. P. 117–127.
- Pennell C. On the frontlines of teaching the history of the First World War // Teaching History. № 155. Teaching about the First World War. 2014.
- Segel E.B. A. J. P. Taylor and History // The Review of Politics. Vol. 26. №. 4. 1964. P. 531–546.
- The Daily Mail. January 2. 2014. – URL: [dailymail.co.uk/news/article-2532923/Michael-Gove-blasts-Blackadder-myths-First-World-War-spread-television-sit-coms-left-wing-academics.html](#) (date of access: 03.03.2019).
- The First World War: An Illustrated History, by A. J. P. Taylor // Journal of the Society for Army Historical Research. Vol. 42. № 172. 1964.
- The Guardian. October 31. 2014. – URL: [theguardian.com/commentisfree/2014/oct/31/world-war-one-poppies-memorial-cameron](#) (date of access: 04.03.2019).
- The legacy of the Great War. Ninety Years On / ed. by J. Winter. Columbia; London. 2009.
- The Necessary War // BBC. – URL: [bbc.co.uk/programmes/b03wtmz6](#) (date of access: 18.10.2018).
- The Pity of War // BBC. – URL: [bbc.co.uk/programmes/p01nl00x](#) (date of access: 18.10.2018).
- The Times. July 20. 1961.
- The Times. June 21. 1963.
- The Times. November 13. 1918.
- The Times. November 24. 1918.
- The Times. September 19, 21. 1964.
- [timeshighereducation.com/features/collective-memory-and-the-first-world-war/2014087.article](#) (date of access: 18.10.2018).
- Winter J. Remembering War. The Great War Between Memory and History in the Twentieth Century. New Haven; London. 2006.

DOI 10.32726/2411-3417-2019-1-104-112
УДК 94

АРТЕМ БАРЫНКИН, ИРИНА НОВИКОВА

Первая мировая война в современной польской исторической памяти

Аннотация. В исторической памяти поляков Первая мировая война оказалась в тени событий 1918 г. Освещение вопросов обретения независимости вышло на первый план в научном и общественно-политическом дискурсе и представляет значительный интерес для понимания того, каким образом в Польше строится национальная идентичность, из каких элементов она состоит, а также какое место в ее формировании занимают отдельные события исторического прошлого. В данной статье предпринимается попытка рассмотреть польские трактовки Первой мировой войны и ее окончания на основе, прежде всего, коммеморативных мероприятий 2018 г.

Ключевые слова: Польша, Первая мировая война, историческая память, Р. Дмовский, Ю. Пилсудский.

Первая мировая война занимает особое место в исторической памяти народов Европы. Одно из последствий войны – распад многонациональных империй и образование на их развалинах новых независимых государств. Таким примером может служить Польская республика, возродившаяся, как феникс из пепла, из пламени Великой войны. Именно благодаря событиям Первой мировой войны разделенный польский народ, проживавший в Германской, Российской и Австро-Венгерской империях, получил уникальный шанс объединения нации и воссоздания своей государственности, 100-летний юбилей которой Польша отметила в 2018 г.

Характер празднования юбилейной даты, освещение вопросов обретения независимости в польском научном и общественно-политическом дискурсе представляют значительный интерес с точки зрения понимания того, каким образом в современной Польше строится национальная идентичность, из каких элементов она состоит, а также какое место в этом процессе занимают отдельные события исторического прошлого. В российской и зарубежной историографии существуют отдельные исследования, посвященные факторам формирования польской исторической памяти и ее влиянию на российско-польские отношения [См., напр: Траба, с. 43–64; Миллер, с. 66–75; Столяров;

Сведения об авторах: БАРЫНКИН Артем Владимирович – доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат исторических наук; avbarinkin@yandex.ru. НОВИКОВА Ирина Николаевна – профессор кафедры европейских исследований, декан факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук; irina-nowikowa@mail.ru.

Торкунов, Ротфельд, с. 5–14; Матвеев, с. 15–49]. В центре внимания авторов обычно находятся Советско-польская война 1919–1921 г., Секретный дополнительный протокол 1939 г. к Пакту Молотова-Риббентропа и трагедия Катыни. В данной статье предпринимается попытка рассмотреть трактовки Первой мировой войны в исторической памяти современной Польши, на основе, прежде всего, коммеморативных мероприятий 2018 г.

Первая мировая война, являясь необычайно драматичным событием в новейшей истории Европы, помимо колоссальных разрушений и жертв, уносила в прошлое прежний мировой порядок. На европейском континенте возникли новые геополитические реалии государства, с их проектами, амбициями и социальными экспериментами. Одной из них стала Вторая Речь Посполитая. Началом ее исторического существования официально считается 11 ноября 1918 г., когда Регентский совет передал в руки Юзефа Пилсудского верховное командование над польскими вооруженными силами. Означало ли это появление независимого государства с оформленными государственными границами, а также формальными символами? Скорее всего – нет. Лидерам Второй Речи Посполитой предстояло пройти сложный путь становления независимости молодой республики, формирования государственности и определения границ. В общей сложности он продлится до 1921 г., вплоть до подписания Рижского мирного договора с РСФСР, БССР¹ и УССР.

В современной польской исторической литературе, в выступлениях политических деятелей и в СМИ события, непосредственно связанные с Первой мировой войной, находятся, как правило, на периферии научного и общественного интереса. Относительно войны 1914–1918 гг. в польском обществе сложился негласный консенсус – европейская бойня для поляков была братоубийственной войной за чуждые интересы, но именно в условиях столкновения крупнейших континентальных империй отцы польской государственности прокладывали путь к столь долгожданной независимости. Подобную точку зрения демонстрируют, в частности, отдельные учебники по истории Польши. Яркие тому примеры – «Новейшая история Польши 1914–1945» Войцеха Рошковского [Roszkowski, p. 22–52], а также переведенный на русский язык учебник «История Польши с древнейших времен до наших дней» [Дыбковская, с. 216–224]. Из этих книг мы почти ничего не узнаем о тех драматичных событиях, которые имели место на польских землях в 1914–1918 гг. и касались как противостояния трех континентальных империй, так и самих поляков. При этом следует иметь в виду, что Первая мировая война стала для польского народа крупнейшей гуманитарной катастрофой того времени. Так, «...впервые в польской истории артиллерийским обстрелам подверглись жилые кварталы крупных городов – Калиша, Варшавы, Лодзи» [Незабытое сражение...]. Война оставила после себя сотни кладбищ, на которых покоятся не только австрийцы, немцы и солдаты Русской императорской армии. Всему этому авторы вполне логично предпочли повесть о политической борьбе Ю. Пилсудского, Р. Дмовского, И. Дашинского и других политических деятелей накануне и в годы войны.

1 Как было указано в договоре – Правительство РСФСР за себя и по полномочию правительства БССР.

На официальном сайте президента Польши приводится информация о том, что «борьба за независимость длилась более ста лет и она была отмечена жертвенной кровью, пролитой в наполеоновских войнах, в многочисленных порывах к борьбе за независимость, в ноябрьском и январском восстаниях, а также на полях битвы Первой мировой войны» [100-lecie...]. Не составит труда догадаться, что эта аллюзия должна логически привести читателя к оценке того вклада, который внесли польские патриоты (в данном случае – Ю. Пилсудский) в 1914–1918 гг.

Неискушенному любителю политической истории XX века привычно видеть в качестве «отца нации» одну фигуру: М. К. Ататюрка в Турции, В.И. Ленина в Советской России, К.Г. Маннергейма в финской истории. Список можно продолжить соразмерно количеству новых независимых государств, образовавшихся в Центральной и Восточной Европе после 1918 г. В данной связи польские власти предложили обществу целый пантеон «отцов-основателей» Второй Речи Посполитой, наследницей которой считает себя современная Польская республика, состоящий из шести героев. На официальном правительственном сайте список отцов-основателей представлен следующим образом: Игнацы Дашиньский, Роман Дмовский, Войцех Корфанты, Игнацы Падеревский, Юзеф Пилсудский, Винценты Витос [Różnymi ścieżkami...].

При этом следует иметь ввиду, что в одном ряду оказались как непримиримые политические оппоненты, так и соратники, по-разному видевшие политическое будущее независимой Польши. Объединяло их одно – все они были причастны к обретению независимости. Из числа государственных деятелей, высоко почитаемых в современной Польше (Третьей Речи Посполитой), безусловно, вычеркнуты все леворадикальные политики. Вполне ожидаемо, что вслед за становлением исторической науки в современной Польше некогда хорошо известные польские революционеры-борцы с царским режимом, а также принимавшие активное участие в попытках советизации Польши в 1918–1920 гг., были подвергнуты маргинализации. Трактовки времен Польской Народной Республики (ПНР), в которых подчеркивалась первостепенная роль Октябрьской революции в становлении независимой Польши [См.: Грош, с. 5; Kowalski, p. 7–8], также ушли в прошлое.

Исключением из общего правила является коллективная работа Ежи Томашевского и Збигнева Ландау «Польша в Европе и мире в 1918–1939». Являясь академическим учебником, изданным при финансовой поддержке Министерства национального образования и спорта, он содержит следующую трактовку процесса обретения независимости: «... польское государство появилось осенью 1918 г. вследствие сильного революционного движения притесняемых народов, крестьян и рабочих, которые преобразовали политический облик Восточной и Центральной Европы» [Tomaszewski, Landau, p. 12]. Роль Юзефа Пилсудского авторами откровенно нивелирована. Сторонникам преувеличения роли личности в истории исследователи предложили следующий нарратив: «В середине ноября 1918 г., когда в Варшаве уже правил начальник государства Юзеф Пилсудский, фактически обладавший диктаторской властью, возрождавшееся государство не имело определенных границ...» [ibid, p. 19].

Между тем исключительная роль начальника государства¹ Пилсудского в появлении независимой Польши показана в работах целого ряда исследователей. Так, в предисловии к изданию сборника избранных документов Австрийского государственного архива польский историк Ежи Гаул указывает: «... увековечивание Первой мировой войны тяжело представить без Юзефа Пилсудского – создателя польских вооруженных сил и независимого польского государства» [Gaul, p. 13]. Равно как и хорошо известный польский историк Анджей Новак, Е. Гаул видит в польском маршале дальновидного политика, стратега, в определенном смысле предугадавшего развитие событий в Центральной и восточной Европе (ЦВЕ) в 1914–1918 гг. [Ibid, p. 17. См.: Nowak, p. 23–28]

В свою очередь польский историк Кшиштоф Кавалец особое внимание уделяет роли другого польского политика – Р. Дмовского – в обретении Польшей независимости, полагая, что «сегодня в целом не оспариваются заслуги Романа Дмовского для независимости Польши» [Kawalec, p. 298]. При этом автор утверждает, что как возвеличение, так и попытки усмотреть в Дмовском исчадие зла, лишь подтверждают то, что он был героем [Ibid, p. 5].

Сложно сказать, что подвигло авторов официального государственного сайта к созданию единого «пантеона» великих польских политиков ушедшего столетия. Антагонизм между некоторыми из приведенных деятелей был настолько глубоким, что он долгое время сохранялся в умах их идеологических наследников и после смерти «наставников». Так, на кончину Юзефа Пилсудского Роман Дмовский отреагировал крайне критической статьей, в результате чего последовали репрессивные меры сторонников маршала, находившихся у власти во второй половине 1930-х годов. Похороны Дмовского прошли без участия официальных государственных властей [Ibid, p. 295].

Объединив непримиримых противников в пантеоне «отцов-основателей» мечтой о сотворении независимой Польши, подчеркивая ценность самостоятельного государственного существования, создатели портала, вероятно, предлагают пример исторического и политического консенсуса, столь необходимого современному польскому обществу, оказавшемуся расколотым в новом XXI в.

На главном государственном сайте, посвященном столетию независимости, мы также можем рассмотреть все официальные мероприятия по случаю столетнего юбилея польской независимости. В закладке «События» можно ознакомиться с 147 мероприятиями по случаю данного торжества [Wydarzenia]. Казалось бы, польская независимость в 1918–1921 гг. рождалась в противостоянии ближайшим соседям: Германии, Чехословакии, Литве, украинским государственным формированиям и Советской России. Хорошо известно, что границы на восточном направлении складывались по принципу, изложенному Ю. Пилсудским: «...на востоке – всё иначе – есть тут двери, которые открываются и закрываются. Вопрос в том, у кого больше сил для того, чтобы их открыть» [Czubiński, p. 58]. Однако в этом списке мы не найдем ни одной выставки,

1 Этот титул был получен Ю. Пилсудским в ноябре 1918 г., что предполагало передачу ему ряда полномочий, в числе которых была вся полнота гражданской и военной власти.

конференции, кинопоказа либо какого-то другого мероприятия, в котором непосредственно прославились бы отдельные боевые победы молодой республики. Даже во многом мифифицированное «Чудо на Висле» (Варшавская битва 1920 г.), известное каждому польскому школьнику, не было представлено в 2018 г. Вместе с тем, нельзя сказать, что военная тематика не звучала вовсе.

В главной школе сельского хозяйства рассказывают своим посетителям о вкладе академического сообщества в вооруженную борьбу за независимую Польшу [Wystawa „Pierwsi wśród równych...], портал «Сто героев на столетие Независимой» знакомит с биографиями малоизвестных участников боевых действий 1918–1920 гг. [Niepodległość ma twarz...] Локальные инициативы выразились в увековечивании биографий отдельных военных и гражданских деятелей и популяризации истории региона в период Первой мировой войны и первые годы независимости. Таких событий можем отметить четыре: выставка «На пути к Независимой. Холм в 1913–1918 гг.» [Wystawa «Do Niepodległej...], «Ярославское для Независимой» [Wystawa pt. «Jarosławskie...], «Олавяне в борьбе за независимость. Память-Традиция-Идентичность в столетие восстановления независимости Польши 1918–2018» [Wystawa «Oławianie w polskim...], а также выставка «Мы доблестно стояли на рубежах ... Поляки всховского повята в борьбе за восстановление независимости» [Trwaliśmy mężnie...]. Из всех упомянутых выше отцов польской независимости отдельного мероприятия удостоился лишь Юзеф Пилсудский, это была мобильная выставка портретов ««Отец Нашей Независимой» и сто уроков истории» [Wystawa mobilna «Ojciec...»].

Особое внимание обращает на себя выставка «Великая война» в Музее искусства города Лодзь. Анонсируя её, кураторы призывают «открыть поле для рефлексии над природой современности, измененной посредством войны» [Wielka Wojna]. Следуя описанию, авторы разделили экспозицию на четыре последовательных части: «Наступление», «Апокалипсис», «Искалечивание и распад», а также «Новый порядок». В анонсе особо отмечается: если в «...западноевропейском искусстве художники сосредоточились на изображении войны как катастрофы, то в странах Центральной Европы и Польше доминировал образ войны с перспективы ее результатов – восстановленной независимости, либо начатых революций» [ibid].

Развивая данную мысль, можно заключить, что де-факто мы имеем дело с несколькими «первыми мировыми войнами». Для французов, англичан и американцев война закончилась победой. Для поляков это была братоубийственная война – они верно служили своим правителям в противоборствующих армиях, а польским землям было суждено испытать на себе все тяготы положения оккупированных земель в условиях войны. Следует отметить, что, по приблизительным оценкам, в ходе войны погибло/пропало без вести около 500 тысяч поляков, сражавшихся на фронтах. На начало 1918 г. численность поляков на территории всей России оценивалась приблизительно в два с половиной миллиона человек. В это число входили, в частности, полмиллиона солдат, военнопленных австрийской и немецкой армии, а также жители Царства Польского, эвакуированные в ходе Первой мировой войны в Россию [Żenczykowski, p. 8].

Возвращаясь к выставке «Великая война» в Музее искусства города Лодзь, кураторы буквально подводят посетителей к мысли об относительности и временности нового порядка. Рассматривая представленные на сайте фотографии выставки, вчитываясь в ее описание, мы не находим следа глорификации побед польского оружия.

В 2018 г. в Национальном музее в Варшаве была организована выставка под названием «Крича: Польша! Независимая 2018». Ей сопутствовал целый ряд встреч польских интеллектуалов: журналистов, публицистов, историков и руководителей ведущих изданий. Ключевой идеей организаторов мероприятия было столкновение представлений о событиях исторического и политического характера с изменениями, которые происходили в польском искусстве на пороге 1918 г. Признавая факт того, что в исторической памяти поляков образ драматичных событий, в результате которых Польша стала независимой, является расплывчатым, авторы поставили перед собой задачу «...приблизить картину этого хаотичного, неочевидного и болезненного периода посредством произведений искусства, которые были созданы в то время (и чуть позже)» [Krzyszczak: Polska!..]. И.о. директора Национального музея Петр Рыпсон главной целью выставки назвал стремление «...отойти от определенного клише в представлении независимости и стиля ее чествования. Это клише, сформировавшееся много лет тому назад в основном в кругу легионов¹ и легионного искусства, стало канонем в межвоенные годы» [ibid]. Эта же выставка стала площадкой для проведения целого цикла дебатов, посвященных поиску ответа на вопросы, связанные с национальной идентичностью поляков, коллективной памятью о событиях 1905 и 1918 гг., а также с геополитическим выбором современной Польши в контексте идеологического наследия Ю. Пилсудского [ibid].

Парадоксальность презентации исторических событий столетней давности и самопрезентации современных польских властей кроется в том, что последние, считая себя наследниками и продолжателями Второй Речи Посполитой, руководят страной, которая появилась на карте Европы после Второй мировой войны и отличалась от своей предшественницы как в идеологическом плане, так и по другим показателям, одним из которых является этноконфессиональный фактор. Речь Посполитая 1921–1939 гг. – это многонациональное и многоконфессиональное государство, в котором собственно поляки по состоянию на 1931 г. составляли не более 68.9% населения [Mały rocznik... р. 23]. Польша после 1945 г. это государство с другими границами и отличным национальным составом. В современной нам Польше проживает более 96% поляков (2002 г.) [Wyniki Narodowego Spisu...].

Отмечая юбилейную дату, польские власти вычеркнули из столетней истории добрую ее половину – историю Польской Народной Республики. Можно предположить, что, в частности, по этой причине так называемая декоммунизация страны, которая имела место в 1990-е годы, была начата с новой силой в 2016 г. Закон о запрете пропаганды

1 Имеются ввиду польские легионеры, сражавшиеся на стороне Австро-Венгрии, лидером которых был Ю. Пилсудский. В историографии независимой Польши межвоенного периода легионеры превратились с мучеников и героев национальной борьбы за независимость.

коммунизма либо иного тоталитарного строя посредством названий построек, объектов и сооружений общественного пользования претерпел несколько редакций и вызвал шквал критики со стороны российских официальных лиц, в первую очередь, по причине того, что он предполагал «запрет пропаганды коммунизма либо иного тоталитарного строя посредством памятников» [Ustawa z dnia 22 czerwca 2017...]. В последней редакции от 14 декабря 2017 г. был обозначен крайний срок устранения таковых – 31 марта 2018 г. [Ustawa z dnia 14 grudnia...]

На фоне форсированного расставания с советским наследием в Польше впервые с 2011 г. в уличных празднованиях столетия независимости в Варшаве официально участвовали праворадикальные и профашистские активисты, представленные в частности организациями «Всепольская молодежь» и «Национально-радикальный лагерь» под лозунгом «Бог, Честь, Отчизна!» [Uwaga!...]. В предыдущие годы польские правые проводили альтернативный «Марш Независимости», который традиционно сопровождался массовым шествием с использованием пиротехнических изделий; неотъемлемой чертой были стычки с полицией и представителями отличных друг от друга политических и общественных воззрений. Каждый год 11 ноября на это мероприятие съезжались представители различных европейских правых и крайне правых организаций, шествие крайне правых националистов приобретало таким образом «интернациональный» характер.

В условиях постепенного стирания из исторической памяти событий Первой мировой войны, создание нарратива о ней переходит в руки профессиональных историков и отдельных интеллектуалов. Стараниями последних проводятся эксгумационные работы и краеведческие исследования, результатом которых, например, стала книга «Незабытое сражение 1914 года. Лодзь – прифронтовой город» [Незабытое сражение...]. Отдельными аспектами истории войны занимаются выдающиеся польские ученые, такие как Мацей Гурны, Станислав Череп, Ян Снопко, Влодзимеж Менджецки, Влодзимеж Бородзей. В 2018 г. лауреатом премии «Историческая книга года» им. Оскара Халецкого стал известный польский историк Анджей Хвальба, автор книги «Великая война поляков 1914–1918».

В. Бородзей и М. Гурны, не без сожаления, указывают на разительные отличия между памятью о Первой мировой войне в Британии и странах ЦВЕ: «Для англичан Великая война – одно из важнейших мест памяти... На востоке Европы не так много стран, о которых можно было бы сказать тоже самое. Помимо культурных различий, это связано с объективными явлениями. Было бы трудно даже оценить наши собственные потери в этой войне с британской точностью...» [Borodziej, Górný, p. 131]. Слабую память народов ЦВЕ о первом глобальном военном конфликте авторы объясняют в первую очередь «...небрежностью (невнимательностью) местных историков» [ibid, p. 132]. Данное утверждение, безусловно, можно дополнить рядом объективных причин забвения Великой войны. В отличие от французов, британцев, немцев и других, возвращавшихся к мирной жизни 11 ноября 1918 г., Вторая Речь Посполитая, наоборот, погружалась в хаос гражданского противостояния и военное противоборство со своими ближайшими соседями. У. Черчилль так описывал этот процесс: «Кончились все пять актов драмы; огни

истории потушены, мировая сцена погружена во мрак, актеры уходят, хоры замолкают. Борьба гигантов кончилась, начались ссоры пигмеев» [Черчилль]. Драмасоветско-польской войны 1919–1921 гг., когда на кону стояла сама независимость страны, очевидно, оставила куда больший след в польской исторической памяти. Хорошо известно, как закончилось для Польши межвоенное двадцатилетие, когда ее территория стала предметом раздела сфер влияния СССР и нацистской Германии в 1939 г., а полякам вновь предстояло отстаивать право на существование собственного государства. Указанные события вытеснили из национальной памяти братоубийственную для поляков Первую мировую войну.

Литература

- Грош В. У истоков сентября 1939 года. М. 1951.
- Дыбковская А., Жарын М., Жарын Я. История Польши с древнейших времен до наших дней. Варшава. 1995. С.216–224
- Матвеев Г.Ф., Липиньская-Наленч Д., Наленч Т. Начало // Белые пятна – черные пятна. С. 15–49.
- Миллер А.И. Историческая политика и ее особенности в Польше Украине и России. С историком Алексеем Миллером беседует редактор «Отечественных записок» Марк Гринберг // Отечественные записки. №5(44). М. 2008. С. 66–75.
- Незабытое сражение 1914 года. Лодзь – прифронтовой город. М. 2014.
- Столяров А.О. Влияние исторической памяти на польско-российские отношения. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб. 2015.
- Торкунов А.В., Ротфельд А.Д. Размышления о прошлом с мыслью о будущем // Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. / Под общ. ред. Торкунова А.В., Ротфельда А.Д. М. 2010. С. 5–14.
- Траба Р. Польские споры об истории в XXI веке // Pro et contra. Т.13. М. 2009. С. 43–64.
- Черчилль В. Мировой кризис. М.; Л. 1932. – URL: militera.lib.ru/memo/english/churchill2/pre.html (дата обращения 28.01.2019).
- 100-lecie odzyskania niepodległości: Sprawa bliska sercom wszystkich Polaków. – URL: prezydent.pl/aktualnosci/rocznica-niepodleglosci/ (date of access: 28.01.2019).
- Borodziej W., Górny M. Nowsze badania nad I wojną światową w Europie Środkowo-Wschodniej i Południowo Południowo-W Południowo-Wschodniej (wybrane zagadnienia) // Kwartalnik Historyczny. № 1(122). Warszawa. 2015.
- Czubiński A. Walka Józefa Piłsudskiego o nowy kształt polityczny Europy Środkowo-Wschodniej w latach 1918–1921. Toruń. 2002.
- Gaul J. Józef Piłsudski/ Źródła z lat 1914–1918 w Austriackim Archiwum Państwowym w Wiedniu. T. I: Archiwum wojny. Warszawa. 2015.
- Kawalec K. Roman Dmowski 1864–1939. Wrocław. 2002.
- Kowalski J. Wielka październikowa rewolucja socjalistyczna a wyzwolenie Polski. Warszawa. 1952.
- Krzyszczak: Polska! Niepodległa 1918. – URL: mnw.art.pl/wystawy/krzyszczak-polska-niepodlegla-1918,206.html (date of access: 28.01.2019).
- Mały rocznik statystyczny 1939. Rok X. Warszawa. 1939.
- Niepodległość ma twarz zwykłych ludzi. – URL: stunastulecie.pl. (date of access: 28.01.2019).
- Nowak A. Polska i trzy Rosje. Studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920 roku). Kraków. 2008. P. 23–28.

- Roszkowski W. Najnowsza historia Polski 1914–1945. Warszawa. 2003. P. 22–52.
- Różnymi ścieżkami ku Niepodległej szli. Ojcowie Polski Odrodzonej. – URL: niepodlegla.gov.pl/o-niepodleglej/roznymi-sciezkami-ku-niepodleglej-szli-ojcowie-polski-odrodzonej/ (date of access: 28.01.2019).
- Tomaszewski J., Landau Z. Polska w Europie i świecie. 1918–1939. Warszawa. 2005.
- Trwaliśmy mężnie na rubieżach... Polacy powiatu wschowskiego w walce o odzyskanie niepodległości. – URL: niepodlegla.gov.pl/wydarzenia/trwalismy-meznie-na-rubiezach-polacy-powiatu-wschowskiego-w-walce-o-odzyskanie-niepodleglosci/ (date of access: 28.01.2019).
- Ustawa z dnia 14 grudnia 2017 r. o zmianie ustawy o zakazie propagowania komunizmu lub innego ustroju totalitarnego przez nazwy jednostek organizacyjnych, jednostek pomocniczych gminy, budowli, obiektów i urządzeń użyteczności publicznej oraz pomniki oraz ustawy o zmianie ustawy o zakazie propagowania komunizmu lub innego ustroju totalitarnego przez nazwy budowli, obiektów i urządzeń użyteczności publicznej. – URL: prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU20170002495/O/D20172495.pdf (date of access: 28.01.2019).
- Ustawa z dnia 22 czerwca 2017 r. o zmianie ustawy o zakazie propagowania komunizmu lub innego ustroju totalitarnego przez nazwy budowli, obiektów i urządzeń użyteczności publicznej. – URL: prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU20170001389/O/D20171389.pdf (date of access: 28.01.2019).
- UWAGA! Fałszywe informacje na temat hasła Marszu Niepodległości. – URL: marszniepodleglosci.pl/uwaga-falszywe-informacje-na-temat-hasla-marszu-niepodleglosci/ (date of access: 28.01.2019).
- Wielka Wojna. – URL: msl.org.pl/wydarzeniams/wystawy-archiwalne/wielka-wojna-wystawa,2643.html (date of access: 05.04.2019).
- Wydarzenia. – URL: niepodlegla.gov.pl/wydarzenia/ (date of access: 28.01.2019).
- Wyniki Narodowego Spisu Powszechnego Ludności i Mieszkań 2002 w zakresie deklarowanej narodowości oraz języka używanego w domu. – URL: stat.gov.pl/spisy-powszechne/narodowe-spisy-powszechne/narodowy-spis-powszechny-2002/wyniki-narodowego-spisu-powszechnego-2002-narodowosci-oraz-jezyka/ (date of access: 28.01.2019).
- Wystawa «Do Niepodległej. Chełm w latach 1913–1918». – URL: niepodlegla.gov.pl/wydarzenia/wystawa-do-niepodleglej-chelm-w-latach-1913-1918/ (date of access: 28.01.2019).
- Wystawa «Oławianie w polskim czynie niepodległościowym. Pamięć – Tradycja – Tożsamość w stulecie odzyskania przez Polskę niepodległości 1918–2018». – URL: niepodlegla.gov.pl/wydarzenia/wystawa-olawianie-w-polskim-czynie-niepodleglosciowym-pamiec-tradycja-tozsamosc-w-stulecie-odzyskania-przez-polske-niepodleglosci-1918-2018/ (date of access: 28.01.2019).
- Wystawa «Pierwsi wśród równych. Udział środowiska akademickiego SGGW w walkach o niepodległość w latach 1918–1921». – URL: niepodlegla.gov.pl/wydarzenia/wystawa-pierwsi-wsrod-rownych-udzial-srodowiska-akademickiego-sggw-w-walkach-o-niepodleglosc-w-latach-1918-1921/ (date of access: 28.01.2019).
- Wystawa mobilna «Ojciec Naszej Niepodległej» i 100 lekcji historii. – URL: niepodlegla.gov.pl/wydarzenia/wystawa-mobilna-ojciec-naszej-niepodleglej-i-100-lekcji-historii/ (date of access: 28.01.2019).
- Wystawa pt. «Jarosławskie dla Niepodległej». – URL: niepodlegla.gov.pl/wydarzenia/wystawa-pt-jaroslawskie-dla-niepodleglej/ (date of access: 28.01.2019).
- Żenczykowski T. Żenczykowski T. Dwa komitety 1920, 1944. Polska w planach Lenina i Stalina. Szkic historyczny. Dokumenty mówią. Warszawa. 2009.

DOI 10.32726/2411-3417-2019-1-113-129

УДК 94

Татьяна Покивайлова

Из истории советско-румынских отношений. Прелиминарная конференция 1921 г. в Варшаве

Аннотация. В статье проанализированы причины и последствия разрыва дипломатических отношений между Советской Россией и Румынией в январе 1918 г., внешнеполитические и внутривнутриполитические факторы, обусловившие необходимость их восстановления в начале 1920-х годов. Рассмотрен также ход работы советско-румынской прелиминарной конференции (Варшава, сентябрь 1921 г.), выявившей непримиримые противоречия между сторонами по таким вопросам, как территориальная принадлежность Бессарабии и возвращение Румынии золотого запаса, вывезенного в Россию в 1916 г.

Ключевые слова: советско-румынские отношения, Первая мировая война, советско-румынская прелиминарная конференция, статус Бессарабии, румынский золотой запас.

Проблемы, затрагиваемые в данной статье, до сих пор остаются недостаточно изученными в современной российской историографии. Из наиболее значительных работ, вышедших в последнее время, можно отметить книги М.И. Мельтюхова «Бессарабский вопрос между мировыми войнами» [Мельтюхов] и И.Э. Левита (молдавского ученого, ныне проживающего в США) «Бессарабский вопрос в контексте международных отношений (1919–1920 гг.)» [Левит]. Был опубликован также ряд статей российских историков, касающихся рассматриваемой темы [Виноградов; Гросул; Покивайлова Российско-румынские... Покивайлова Бессарабия...].

Большое значение для изучения советско-румынских отношений имели публикации новых документов из архивов РФ и Румынии. Особый интерес представляет совместное издание, осуществленное российским МИД РФ и МИД Румынии, куда вошли материалы, не публиковавшиеся до настоящего времени [Виноградов, Ереценко... Советско-румынские...].

* * *

После прихода к власти в России большевиков Румыния, как и другие страны Антанты, вступила в борьбу с советской республикой. Параллельно еще до ввода румынских войск на территорию Бессарабии на Румынском фронте начались расправы над сол-

Сведения об авторе: ПОКИВАЙЛОВА Татьяна Андреевна – старший научный сотрудник Отдела истории Восточной Европы после Второй мировой войны Института славяноведения РАН, кандидат исторических наук; perspektivy@list.ru.

датами и офицерами русской армии, и советское правительство неоднократно обращалось к посланнику Румынии в Петербурге К. Диаманди с нотами протеста по этому поводу [Виноградов, с. 87]. 2(15) декабря 1917 г. в г. Яссы состоялось совместное заседание большевистского комитета Румынского фронта и солдатского комитета IV армии, где было принято решение признать власть Советов и был избран Военно-революционный комитет (ВРК) Румынского фронта. 8(21) декабря при поддержке генерала Д.Г. Щербачева и украинской Центральной рады румынские власти арестовали членов ВРК и заключили их в тюрьму. Председатель комитета С.Г. Рошаль был обвинен в том, что он якобы готовил покушение на румынского короля Фердинанда [Советско-румынские..., т. I, с. 12], и казнен. Остальные члены ВРК также были приговорены к расстрелу, и только вмешательство русских солдат спасло им жизнь. 16(29) декабря 1917 г. советское правительство направило ноту протеста в адрес румынского правительства с требованием «прекратить преступные действия румынского офицерства и румынской бюрократии, осмелившихся поднять руку на Русскую революцию» [Виноградов, Ереценко... Раздел IV. Док. № 1, с. 194–195].

В конце декабря 1917 г. румынские войска оккупировали ряд населенных пунктов Бессарабии, чиня бесчинства и расстрелы, а в начале января 1918 г. румынские войска, по согласованию со штабом генерала Д.Г. Щербачева в Яссах и представителями Антанты, начали полномасштабный захват Бессарабии, входившей в состав Российской империи с 1812 г.

В связи с этими событиями правительству Румынии через румынского посланника в Петербурге был направлен ряд нот протеста. 31 декабря 1917 г. (13 января 1918 г.) в ноте за подписью В.И. Ленина, Н.В. Крыленко и Н.И. Подвойского было выражено требование освободить арестованных, прекратить незаконные действия румынских властей и предоставить гарантии, что подобные действия больше не повторятся [Терехина, Яценко, с. 195]. Одновременно Ленин направил в наркомат по военным делам предписание «арестовать немедленно всех членов румынского правительства¹ и румынской миссии, равно как и всего состава служащих всех учреждений при посольстве, консульстве и прочих официальных румынских учреждениях» [Ленин, с. 23; Зарницкий, Трофимов, с. 17].

В тот же вечер в здание румынской миссии в Петрограде, где шел новогодний прием, ворвались вооруженные красноармейцы во главе с комиссаром Г.В. Благодоровым. Посланник К. Диаманди и его окружение были арестованы, и препровождены в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Здание миссии было опечатано, документы и архивы изъяты.

Представители стран Антанты во главе с американским послом, дуайеном дипкорпу-

1 Имелись в виду члены румынского правительства, находившиеся в тот момент на территории подконтрольной советской власти, в основном в Одессе, куда они были эвакуированы в конце 1916 – начале 1917 г. в связи с угрозой захвата Германией и ее союзниками румынской территории.

са Д.Р. Френсисом обратились к Ленину с требованием освободить румынского дипломата и его сотрудников. В ответ Ленин заявил: «Предпринятые советским правительством меры в отношении К. Диаманди законны уже потому, что Румыния, формально не объявив войны России¹, начала в то же время боевые действия против русских войск с целью их разоружения» [Цит. по: Трут, с. 69]. Ленин подчеркнул, что «никакого нарушения дипломатических норм не произошло, так как со страной, которую представляет Диаманди, нет никаких отношений, они не установлены. Диаманди был арестован в силу чрезвычайных обстоятельств, никакими дипломатическими трактатами и дипломатическими обязательствами не предусмотренными» [Там же]. Со своей стороны, американский посол заверил Ленина, что он немедленно встретится с Диаманди, выразит ему протест по поводу нападения румын на русские войска и сделает через американское посольство соответствующее заявление румынскому правительству.

13 (26) января румынские войска заняли Кишинев. Характерно, что во всех официальных правительственных заявлениях первоначально говорилось о временном характере пребывания в Бессарабии румынских частей, введенных туда под предлогом защиты коммуникаций и румынских продовольственных складов. Занятие Бессарабии сопровождалось захватом обширного российского имущества. 13 (26) января 1918 г. Совет Народных Комиссаров принял постановление, в котором говорилось: «Покрытая преступлениями румынская олигархия открыла военные действия против Российской республики...Преступлениям румынских военных и гражданских властей нет числа». В связи с этим СНК постановил: «1. Все дипломатические отношения с Румынией прерываются. Румынское посольство и все вообще агенты румынской власти высылаются за границу кратчайшим путем. 2. Хранящийся в Москве золотой фонд Румынии² объявляется неприкосновенным для румынской олигархии. Советская власть берет на себя ответственность за сохранность этого фонда и передаст его в руки румынского народа. 3. Восставший против революции бывший главнокомандующий Румынского фронта Щербачев объявляется врагом народа и ставится вне закона» [цит. по: Виноградов, Ерещенко... с. 198–199].

Большевики не ограничивались только одними заявлениями и нотами – они не оставляли мысли вернуть Бессарабию и сформировать там новое правительство. Это подтверждают документы российских архивов, в частности, протоколы заседаний Совнаркома, хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) [Протоколы...]. Такой вариант решения бессарабского вопроса вполне соответствовал доктрине РКП(б) о мировой революции. На заседании Совнаркома 11 (24) января, на котором выступил Л.Д. Троцкий с сообщением «о положении в Румынии в связи

1 Официально Румыния и Советская Россия не находились в состоянии войны, что неоднократно подчеркивали правительства двух стран.

2 В декабре 1916 г. и в июле 1917 г., в условиях разгрома Германией и ее союзниками румынской армии и угрозы захвата войсками неприятеля всей территории Румынии, по согласованию с царским, а затем и Временным правительством и под их гарантию румынское правительство и Национальный банк Румынии отправили в Москву свой золотой запас и ценности (драгоценности, картины, архивы Румынской академии и королевской семьи, документы Государственного архива, имущество монастырей и частных лиц.

с неслыханными насилиями по отношению к нашим войскам», была создана комиссия «по подавлению румынской контрреволюции». На основании доклада этой комиссии за подписью Г.В. Чичерина 15 (28) января СНК постановил создать в Кишиневе Верховную автономную коллегия по русско-румынским делам из представителей местных революционных организаций просоветского толка: Румчерода¹, советов рабочих и крестьянских депутатов Бессарабии и г. Кишинева, Румынской социалистической партии, Молдавской социал-демократической рабочей партии и др. Возглавил эту структуру (сокращенно: Верховная автономная коллегия; в документах также иногда называлась Верховной автономной комиссией) Христиан Раковский (1873–1937 гг.) – румынский революционер болгарского происхождения, перебравшийся весной 1917 г. в Россию и позже, в 1919 г., ставший первым председателем Совнаркома Советской Украины.

В принятом постановлении говорилось: «Утвердить предложенные комиссией мероприятия и ассигновать русско-румынской коллегии по румынско-бессарабским делам пять миллионов из арестованных в Москве румынских денег». Далее на документе имелась помета: «Взятые пять миллионов рублей покрываются из арестованного румынского фонда. Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин), Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров Бонч-Бруевич» [Протоколы... Протокол № 47, пункт 11, с. 118–119]. 16 января, согласно постановлению Совнаркома, в департамент Государственного казначейства было направлено соответствующее письмо, а 21 декабря 1918 г. заведующий румынским отделом НКВД В.И. Шеншев сообщил Раковскому: «Все Вами порученное о Верховной Коллегии исполнено» [АВП. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52870. Л. 9].

На последующем заседании СНК 18 (31) января вновь обсуждался вопрос о Румынии. Речь шла об установлении в Бессарабии румынско-бессарабского правительства и советизации этой территории. Чичерин² представил Совнаркому проект декрета о признании будущего румынского (бессарабского) советского правительства. В нем, в частности, говорилось: «... 3. Рабоче-крестьянское правительство Российской Социалистической Республики приветствует первое Румынско-бессарабское социалистическое правительство советов, образовавшееся в составе тт....., выражая радость по поводу усиления рядов революции новым социалистическим союзником, Российское социалистическое правительство передает в полное его распоряжение весь наличный золотой фонд и все имущество бывшего румынского королевского правительства, находящиеся в пределах Российской Республики Советов» [Протоколы... Протокол № 50, пункт 3, с. 230, 232, 244]. Однако этот проект членами Совнаркома был отклонен, поскольку они, вероятно, посчитали его преждевременным.

На следующий день, 19 января (1 февраля) 1918 г., по ходатайству Х. Г. Раковского и другого румынского революционера М.Г. Бужора был рассмотрен вопрос о финанси-

1 Румчерод (май 1917 г. – май 1918 г.) – Центральный исполнительный комитет советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одессы, созданный для контроля за обстановкой на Румынском фронте, в том числе и в Бессарабии. До 25 декабря 1917 г. его возглавляли эсеры и меньшевики, позже – большевики.

2 В протоколе Совнаркома фамилии Чичерина сопутствует его псевдоним – Орнатский.

ровании румынской революции в сумме 10 млн руб. (золотом). К протоколу приложен лист исполнения с пометой: «Передано лично Менжинскому»¹. Было ли исполнено это постановление Совнаркома, неизвестно, никаких документов на этот счет на сегодняшний день не обнаружено.

В середине февраля 1918 г. вооруженное сопротивление бессарабского населения румынским войскам, наступление Красной Армии на Украине, а также ее продвижение в направлении Бессарабии заставили румынское правительство вступить в переговоры с представителями советской власти. Советское правительство было также заинтересовано в разрешении конфликта с Румынией. При посредничестве представителей военных миссий Англии и Франции и румынских парламентариев, задержанных в Одессе, были налажены контакты с румынским правительством. 24 февраля (5 марта) 1918 г. Совет народных комиссаров Одесской области направил румынскому правительству следующее заявление: «Румынское правительство обязуется сделать формальную декларацию, касающуюся эвакуации из Бессарабии оккупационной румынской армии.... Оккупационная армия в течение двух месяцев должна быть сокращена до размера отряда в 10 тысяч человек, обязанности которых будут заключаться в охране румынских складов и путей железнодорожного сообщения» [Виноградов, Ерещенко... Раздел IV. Док. 19, с. 212–213]. Кроме того, в заявлении говорилось: «Полиция в городах и местечках будет состоять из местной милиции, образованной из тамошних жителей. По мере эвакуации румынской армии русские военные силы займут эвакуированные места для поддержания порядка. Румынское военное командование отказывается от всякого вмешательства во внутреннюю и политическую жизнь Бессарабии. Оно не может производить аресты и не может исполнять функции, принадлежащие местным выборным властям. Румыния обязуется не предпринимать военных или других враждебных действий и не поддерживать таковые по отношению к Российской Федерации Советов» [Там же]. В документе также отмечалось, что разрешать все спорные случаи между русскими и румынами станет комиссия, образованная из представителей России, Румынии, Франции, Англии, Соединенных Штатов.

В 1918 г. Англия, Франция и США рассматривали ввод румынских войск в Бессарабию как временную, чисто военную меру, вызванную потребностями войны. Как подчеркивал французский посланник в Яссах Ш. Сент-Олер в телеграмме, направленной 5(18) марта французскому консулу в Кишиневе Р. Сарре, «все мои коллеги, все посланники других союзных держав и я сам уполномочены заявить Вам официально, что вступление румынских войск в Бессарабию является чисто военной мерой с целью обеспечения нормального функционирования тыла русско-румынского фронта в соответствии с правилами, существующими во всех воюющих государствах. По этой причине вступление румынских войск в Бессарабию не может оказать влияние на существующую политическую обстановку в Бессарабии, ни на будущую судьбу этой страны» [Виноградов, Ерещенко... Раздел V. Док. 14, с. 287].

1 Менжинский В.Р. – исполняющий обязанности Наркома финансов РСФСР (30 октября 1917 г. – 2 февраля 1918 г.)

Премьер-министр Румынии в целом согласился с предложениями российской стороны, добавив пункт о немедленном освобождении пленных и обмене русских пленных в Румынии на румын, находившихся в России. 5 марта 1918 г. в Одессе была подписана декларация, в которой говорилось: «С момента подписания Румынским Правительством настоящего документа мы будем считать, что мир между Россией и Румынией восстановлен». 5–9 марта 1918 г. между Советской Россией и Румынией было заключено полноценное соглашение, по которому румынское правительство обязалось в двухмесячный срок вывести свои войска из Бессарабии. После подписания соглашения председатель кабинета министров и министр иностранных дел Румынии генерал А. Авереску заявил, что «считает с сегодняшнего дня конфликт улаженным» [Виноградов, Ерещенко... Раздел IV. Док. 22, с. 215]. Главное, чего добилась Советская Россия на переговорах с Румынией, – обязательства Бухареста вывести войска с территории Бессарабии в течение 2 месяцев. Румынское руководство, рассчитывая на встречный шаг советской стороны, рассматривало сложившуюся ситуацию как шанс положительно решить вопрос о возвращении золотого запаса и вызволить соотечественников, интернированных в Одессе, среди которых находились весьма высокопоставленные чиновники и депутаты [См: Константиу, с. 29].

Оправдывая действия генерала А. Авереску, который подвергался острой критике как современников, так и позже румынских историков, румынский академик Ф. Константиу пишет: «Думается, Авереску подписал соглашение с большевиками, чтобы спасти заложников и выиграть время, исходя из перспективы заключения мира с Центральными державами и их союзниками и создания благоприятных условий для включения Бессарабии в состав Румынии»¹ [Константиу]. Однако советско-румынское соглашение было сорвано стремительным ходом событий. 5(18) марта румынское правительство заключило в г. Буфте (Румыния) прелиминарный мир с державами Четверного союза и пропустило австро-германские войска на территорию Украины. Используя присутствие румынских войск в Бессарабии, Сфатул Цэрий (Совет страны)² своим решением присоединил Бессарабию к Румынии, сначала на правах автономии, а в декабре 1918 г. – как часть национальной румынской территории.

Правительство Советской России считало, что Сфатул Цэрий не имел полномочий решать вопрос о присоединении Бессарабии, его постановление было принято под прямым давлением военных властей и в обстановке административного террора [Виноградов, Ерещенко... Раздел V. Док. 11, с. 278]. Совнарком в Москве и Временное

1 Румынские ученые долгое время не упоминали или полностью отрицали факт подписания договора Раковский–Авереску от 5–9 марта 1918 г. Впервые в румынской историографии полноценный анализ этого документа проделал акад. Ф. Константиу, со ссылкой на документы, находящиеся в румынских архивах, и заявления румынских политических деятелей того времени, критиковавших генерала А. Авереску за данный акт. [См. подробнее: Константиу, с. 22–30].

2 Сфатул Цэрий нельзя считать органом, представляющим волю всего населения Бессарабии, поскольку он не избирался населением, а был сформирован из делегатов некоторых общественных и национальных организаций. Поэтому, как считают российские историки, его решения о присоединении Бессарабии к Румынии нельзя считать законным. [См: Виноградов, Ерещенко... Раздел V. Док. 11. С. 278].

рабоче-крестьянское правительство Украины заявили решительный протест против включения Бессарабии в состав Румынии и не признали этого акта. 18 апреля 1918 г. СНК направил ноту протеста румынскому правительству против присоединения Бессарабии к Румынии и появившегося в европейской печати заявления, что «Бессарабия является неотъемлемой частью Румынского королевства» [Виноградов, Ерещенко... Док. 21, с. 36]. Это, как говорилось в ноте, являлось не только вызовом Российской Федеративной Советской Республике, но и вопиющим нарушением заключенного соглашения с Россией об очищении в течение 2 месяцев территории Бессарабии [Виноградов, Ерещенко... Раздел IV. Док. № 34, с. 225].

После срыва соглашения советское правительство закрыло вопрос о возвращении румынского золота. 8 апреля 1918 г. комиссару Румынского отдела НКВД поступило письмо из Отдела Румынии пограничному снабжению Народного Комиссариата внутренних дел, в котором подчеркивалось: «Советская республика должна себя гарантировать в отношении возмещения нам этого долга». (имеется в виду долг Румынии России, образовавшийся за годы Первой мировой войны. – *Т.П.*) ...Вместе с тем впредь до выяснения финансовых отношений и взаиморасчетов между Россией и Румынией во всей их полноте в старое время не следует снимать запрета, наложенного на золотой фонд румынского правительства, выдачу которого временно задержать в видах обеспечения этим способом уплаты нам Румынией своего долга» [Виноградов, Ерещенко... Раздел IV. Док. 16, с. 280–281].

25 мая 1919 г. в радиোগрамме, направленной правительством РСФСР и правительством УССР румынским властям, говорилось: «С момента упразднения русского фронта в Румынии румынское правительство наложило руку на громадное военное, железнодорожное и краснокрестское имущество, которое находилось там для обслуживания русской армии. После разбойнического захвата Бессарабии румынское правительство так же поступило с военными продовольственными базисными складами Бессарабии. Часть имущества, принадлежащего России, была использована самим румынским правительством, часть оно предоставило в распоряжение белогвардейских банд, сражавшихся против советской власти на юге России и Украины, и, наконец, остальное, в особенности предметы первой необходимости, как-то: обмундирование, белье, сахар, консервы, расхищались проворовавшимися румынскими чиновниками и офицерами. Они спускали народное добро за бесценок спекулянтам, а потом, чтобы замести следы своих преступлений, поджигали склады и архивы... Сохраняя за собой право предать своевременно суду революционного трибунала прямых и косвенных виновников вышеперечисленных преступлений, как бы высоко они ни стояли, рабоче-крестьянское правительство России и Украины снимает с себя всякую ответственность за дальнейшую судьбу различных ценностей, перевезенных во время царского правительства в Россию и принадлежащих румынскому правительству, румынскому национальному банку, другим румынским банкам, а также румынским помещикам и капиталистам» [ДВП, с. 171–172]. Впоследствии проблема возвращения румынского золотого фонда, драгоценностей и в целом румынского имущества, находившегося на территории России, перешла в плоскость взаиморасчетов между советским и румынским правительствами.

Советское правительство рассматривало возвращение румынского золота в тесной связи с вопросом о Бессарабии, находившейся, как подчеркивалось в нотах, направленных румынскому правительству, «во временной фактической оккупации Румынии» [АВП. Ф. 04. Оп. 6. П. 101. Д. 15/1. Л. 36]. Со своей стороны, Румыния всячески стремилась добиться международного признания присоединения Бессарабии.

Вопрос о статусе Бессарабии был вынесен на обсуждение Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.), на которой представители РСФСР отсутствовали. Как отмечает в своей книге И.Э. Левит, на решение этого вопроса в пользу Румынии оказали влияние сложные международные условия, неблагоприятные для Советской России [См. подробнее: Левит, с. 71, 172–173, 177–190]. Западные державы, встревоженные ростом революционного движения в своих странах, прилагали огромные усилия, чтобы ликвидировать власть большевиков и расчленить территорию бывшей Российской империи. Представители Румынии на Парижской мирной конференции постоянно подчеркивали, что их страна является барьером на пути распространения большевизма и что присоединение Бессарабии следует считать вознаграждением за это.

В итоге 28 октября 1920 г. представители Англии, Франции, Италии, Японии и Румынии поставили свои подписи под Парижским (Бессарабским) протоколом о присоединении Бессарабии к Румынии. Четыре державы, ни одна из которых не находилась в состоянии войны с Россией, объявили об отторжении части российской территории. Среди подписавших не оказалось представителя США Р. Лансинга, позиция которого в ряде случаев отличалась от позиции других членов «большой четверки». Бессарабский протокол подлежал ратификации парламентами государств-подписантов. Однако Япония его не ратифицировала, поэтому можно считать, что он не приобрел законную силу. Ни Советская Россия, ни представители белогвардейского движения и русских эмигрантских организаций не признали присоединение Бессарабии к Румынии.

1919 г. в целом складывался крайне неблагоприятно для большевиков. Успехи Красной Армии в начале года сменились неудачами на Юго-Западном фронте. С февраля 1919 г. началась необъявленная война с Польшей. Летом 1919 г. последовало наступление армии Деникина на Москву. Польша добивалась союза с Румынией против большевистской России, и эти намерения Варшавы поддерживали западные державы, особенно Франция. Контакты большевиков с Румынией осложняло и то, что румынская армия активно участвовала в разгроме Венгерской Советской Республики и оккупировала ее. Попытки большевистского правительства оказать вооруженную поддержку революционной Венгрии кончились неудачей.

К концу 1919 – началу 1920 г. военно-политическое и международное положение стало меняться в пользу Советской России. Произошел перелом в ходе Гражданской войны. Армия Деникина была разгромлена. Однако основные силы Добровольческой армии под командованием Врангеля, сосредоточенные в Крыму, представляли по-прежнему большую опасность для большевиков. Великие державы, особенно Англия, начали менять отношение к Советской России, прежде всего в области экономических

и торговых связей. В начале 1920 г. были подписаны мирные договоры с прибалтийскими странами – Эстонией, Литвой и Латвией.

Ситуация настоятельно требовала подписания мирного договора с Румынией, позиция которой, по мнению московского руководства, все еще таила угрозу для советского государства, особенно ввиду тесных связей Бухареста с Варшавой. Обстановка на Юго-Западном и Западном фронтах благоприятствовала переговорам с румынами. К 18 февраля 1920 г. все левобережье Днестра от Рыбницы до Черного моря было занято советскими войсками.

В феврале 1920 г. член Коллегии НКВД РСФСР М.М. Литвинов, находившийся в Дании, начал обмен мнениями с румынским представителем Д.Н. Чиотори, заявив, что «советские правительства России и Украины полностью готовы обсудить как территориальные, так и финансовые претензии румынского правительства с целью достижения мира между двумя заинтересованными странами» [Цит. по Мельтюхов, с. 91]. Как сообщал Чиотори в Бухарест, в частной беседе Литвинов якобы говорил, что «бессарабцы имеют право на самоопределение, а румынские ценности, находившиеся в России, следует вернуть» [Там же]. В то же время в донесении Чиотори в Бухарест отмечалось, что официально Литвинов отказался от односторонней декларации о признании принадлежности Бессарабии, как и о возвращении румынских ценностей. Советская сторона считала, что эти вопросы должны были стать основой переговоров [Там же].

24 февраля 1920 г. Г.В. Чичерин по радио обратился к румынскому правительству с предложением начать мирные переговоры. В тот же день он по прямому проводу сообщил об этом председателю СНК УССР Х.Г. Раковскому, подчеркнув, что было бы хорошо, если бы мирное предложение исходило бы также и от Советской Украины. 26 февраля Раковский направил в Бухарест радиотелеграмму, аналогичную телеграмме Чичерина [Мельтюхов, с. 91]. 3 марта румынский премьер-министр сообщил Чичерину, что принимает предложение вступить в мирные переговоры.

Однако с самого начала переговорного процесса выявилась противоположность позиций сторон. Бухарест волновали признание румынского статуса Бессарабии и возвращение ценностей, отправленных в Россию в 1916–1917 гг., а советскую сторону – подписание мирного договора. Вопрос о возвращении румынских ценностей большевики увязывали с вопросом о Бессарабии и взаиморасчетах за долги, накопившиеся между двумя странами за годы Первой мировой войны.

Настаивая на участии Украины в переговорах, советская сторона предложила провести их в Харькове. Румыны отказались, предложив в качестве альтернативы польскую столицу. Но Г.В. Чичерин 17 марта 1920 г. уведомил румынское правительство, что РСФСР не может вести переговоры в Варшаве в силу военных действий с Польшей, и вновь предложил Харьков. Однако вскоре, в связи с началом польского наступления на Западном фронте, переговоры были отложены румынской стороной [Мельтюхов, с. 94].

24 июня 1920 г. Л. Троцкий разослал секретную телеграмму членам Политбюро, в которой говорилось: «... т. Красин (находившийся в то время в Лондоне во главе торговой делегации – Т.П.) сообщает о возможном давлении Англии на Финляндию, Латвию и проч. в целях военного вмешательства. Снова возобновляю свое предложение об открытом мирном обращении к Румынии. Поскольку Антанта теперь нажимает на Румынию с целью интервенции, нажим станет для нее труднее после нашего предложения Румынии... ..» [АВП. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52876. Л. 5].

10 августа 1920 г. министр иностранных дел Румынии Таки Ионеску сообщил наркому Г.В. Чичерину, что Румыния получила приглашение английского правительства принять участие в конференции, на которой будут обсуждаться условия мира между Россией и окраинными государствами, и что поэтому Румыния хотела бы продолжить разговор о заключении мира на лондонской конференции [АВП. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52875. Л. 20]. В ответе Чичерин подчеркнул, что советское правительство считает «прямые переговоры между Советской Россией и Румынией единственным путем к миру» [АВП. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52875. Л. 23, 24]. 9 сентября из Бухареста поступил положительный ответ. Однако намеченная в Лондоне конференция не состоялась, и переговоры между РСФСР и Румынией были вновь отложены [АВП. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52875. Л. 20].

Позиция большевистских властей во многом зависела от ситуации на советско-польском фронте. В результате понесенных в августе-сентябре 1920 г. поражений большевики готовы были пойти на существенные уступки Румынии. Но когда ситуация с Польшей до некоторой степени стабилизировалась, они вновь заняли твердую линию в отношении как статуса Бессарабии, так и возвращения румынского золота. Кроме того, с наступлением острой фазы советско-польской войны контакты с румынами какое-то время свелись к вялой переписке.

Советское руководство было крайне заинтересовано в том, чтобы оторвать Румынию от Польши и предотвратить заключение между ними союза против Советской России. Тем не менее 3 марта 1921 г. соответствующий польско-румынский договор был подписан.

22 сентября 1921 г. в Варшаве началась советско-румынская прелиминарная конференция, задачей которой являлось согласование программы будущей конференции с целью заключения советско-румынского мирного договора, определение даты ее проведения и повестки заседаний. Российскую делегацию возглавлял заместитель наркома иностранных дел Л.М. Карахан, румынскую – дипломат Г. Филалити. В состав делегаций входили: с российской стороны – дипломаты Е.Б. Пашуканис и Г.Б. Сандомирский, с румынской – К. Параскивеску и Д. Чиотори.

Л.М. Карахан предложил следующую программу будущей конференции:

1. Вопрос о Бессарабии, в настоящее время оккупированной румынскими войсками вопреки договору, заключенному между Россией и Румынией об очищении этой области¹.

¹ Имеется в виду договор 5–9 марта 1918 г.

2. Урегулирование русско-румынских границ.
3. Урегулирование судоходства по Дунаю.
4. Взаимные расчеты.
5. Возобновление торговых сношений.
6. Возобновление дипломатических и консульских сношений.
7. Охрана интересов национальных меньшинств.
8. Взаимное невмешательство во внутренние дела обеих стран.
9. Ликвидация банд, переходящих из Бессарабии на украинскую территорию с преступными целями.
10. Конвенция о возобновлении почтово-телеграфных и железнодорожных сообщений [Советско-румынские... Том 1, с. 132–133].

Румынская сторона в качестве основного предлагала обсудить вопрос о румынских ценностях, находившихся в России, и категорически возражала против обсуждения статуса Бессарабии, считая эту проблему окончательно решенной. Но еще в преддверии конференции нарком по иностранным делам Г.В. Чичерин писал Л.М. Карахану в качестве инструкции: «Мы не признаем их суверенитет над Бессарабией». На первом же заседании в Варшаве Карахан спросил Г. Филалити, является ли отказ обсуждать вопрос о Бессарабии ультимативным, на что Филалити заявил, что у него имеются формальные инструкции по этому поводу, запрещающие ему ставить этот вопрос на ближайшей конференции, так же как и вопрос о меньшинствах, принимая во внимание, что он был ранее решен Лигой Наций для всех стран¹. Дунайский вопрос, связанный с бессарабским, также не может быть поставлен [Советско-румынские... Том 1, с. 133–134].

Г. Филалити предложил обсудить на будущей конференции следующие вопросы:

1. Ценности, находящиеся в России в виде вклада.
2. Помещение и имущество румынского посольства в Петрограде.
3. Вклады в банках России, сделанные румынскими комиссиями по снабжению армии.
4. Немедленное освобождение, с разрешением вернуться на родину румын, задержанных в России.
5. Русские беженцы в Румынии, а также русские из армии Врангеля [Советско-румынские... Том 1, с. 134].

Как видно, между подходами румынской и российской сторон к повестке дня переговоров лежала пропасть. Кроме того, делегация Советской России настаивала, чтобы в качестве официальной и полноправной участницы будущей конференции была признана Советская Украина, правительство которой во главе с Х. Раковским находилось в Харькове. В связи с этим М.М. Литвинов писал Л.М. Карахану: «Это необходимо и по существу, чтобы лишить румын возможности считаться с Петлюрой как с единствен-

¹ 9 декабря 1920 г. Румыния подписала конвенцию, по которой была обязана предоставить национальным меньшинствам (молдаванам, русским, украинцам, болгарам, гагаузам и представителям других национальностей) равные гражданские и политические права с румынами в области языка, религии, разрешать им открывать свои школы и т. д. Но жизнь показывала, что эти права сплошь и рядом нарушались.

ным национальным украинским правительством» [АВП. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52875. Л. 81].

Накануне конференции, 18 сентября 1921 г., из ЦК КПУ на имя Л. Троцкого поступила телеграмма из Харькова (копия которой была передана В.И. Ленину), в которой говорилось, в частности, следующее: «Нам кажется, что Наркоминдел РСФСР недостаточно учитывает нашу чрезвычайно выгодную позицию по отношению к Румынии, вытекающую: во-первых – из факта, что занятие Бессарабии румынами по тогдашнему официальному заявлению послов в Яссах, оригинал которого находится у нас, является актом временным; во-вторых – из подписанного зимой Румынией с нами обязательства очистить Бессарабию в двухмесячный срок; в-третьих, из протеста Америки против постановления Верховного Совета считать Бессарабию за Румынией¹, в-четвертых, из имеющегося в наших руках акта протеста депутатов бессарабского сфатулцэрия², доказывающего, что голосование произошло при самом грубом нарушении регламента...» [РГАСПИ.Ф. 82. Оп. 2. Д. 1302. Л. 2]. В конечном итоге Румыния приняла предложение российской делегации об участии в конференции представителей Советской Украины, но в остальном ни на какие уступки не шла.

24 сентября 1921 г. Л.М. Карахан писал Г.В. Чичерину: «Румыны чувствуют, что обострение (наших) отношений с Польшей поднимает их акции... С Румынией нужно подписать (договор) немедленно, ценой больших уступок, чтобы гарантировать себя в развертывающемся конфликте с Польшей. Хотя следует учесть, что в случае войны удержать румын будет трудно. Такими уступками могут быть 1. Бессарабия, 2. Возврат всего имущества в ящиках. Что же касается золота и других расчетов, то возможно по договору образовать расчетную комиссию аналогично польской³ и туда перенести все претензии. Если принять во внимание, что в румынских ящиках ценностей немного, их главное содержание – это документы, платья, домашняя утварь, валютного интереса для нас не представляющие, то можно согласиться...» [АВП. Ф. 04. Оп.35. П. 227. Д. 52875. Л. 20].

Перед началом прелиминарной конференции, чтобы склонить румын к переговорам, Л.М. Карахан в частных беседах с Г. Филалити неоднократно намекал на возможность смягчения советской позиции по Бессарабии. Но, как подчеркивал он в письме к Г.В. Чичерину, «старался делать это таким образом, чтобы в нужный мо-

1 Американский представитель отказался подписать Парижский протокол Версальской конференции о присоединении Бессарабии к Румынии от 28 октября 1920 г.

2 Так в тексте. Правильно «Сфатул Цэрий» («Совет страны»). Речь идет о «Сфатул Цэрии» (Совете Страны), органе самоуправления Бессарабии, созданном 26 октября 1917 г. Был сформирован не на выборных началах, а путем представительства от политических партий, культурно-просветительских организаций и других организаций. Большинство мест занимала молдавская национальная партия, представлявшая молдавскую буржуазию и помещиков.

3 По решению российско-польской мирной конференции, состоявшейся в Риге 18 марта 1921 г., была создана комиссия, задачей которой являлось урегулирование спорных вопросов между Польшей и Советским государством, в том числе и касающихся польских ценностей, находившихся в СССР.

мент дать им разъяснение, уничтожающее этот смысл» [АВП. Ф. 04. Оп. 35. П.227. Д. 52875. Л. 20].

Дискуссии же на самой конференции подтверждают, что советская сторона «никогда не допускала даже косвенного признания захвата Румынией Бессарабии» [Виноградов, Ерещенко... с. 252, 276].

26 сентября глава румынской делегации сообщал премьер-министру Румынии А. Авереску: «...совершенно необходимо, чтобы правительство знало о моей беседе, которая состоялась у меня с Караханом наедине». (в присутствии только переводчика – Т.П.). По словам Филалити, Карахан сказал ему: «Если я поддерживаю идею с такой настойчивостью, что нужно обсуждать вопрос о Бессарабии и меньшинствах на будущей конференции, то я делаю это не столько для московского правительства, сколько для правительства в Харькове. Украина – соседка Бессарабии, а в Харькове находится Раковский, поймите же, что вопрос о Бессарабии не может не интересовать их... Что скажут хотя бы массы на Украине, когда увидят, что я не потребовал возвращения Бессарабии, и как мы сможем объяснить нашу незаинтересованность...» [Советско-румынские... Т. I, с. 137]. В ответ Г. Филалити заметил: «Г-н Карахан, вопрос о Бессарабии является одним из тех, который между нами и вами может быть решен только оружием, любые дискуссии мне кажутся излишними. Мы будем защищать эту румынскую провинцию всеми нашими силами и либо потерпим поражение, либо победим, но не откажемся от нее» [Советско-румынские... Т. I, с. 137].

Л.М. Карахан предложил Г. Филалити компромиссный вариант: «...я думаю о том, не можем ли мы найти способ прийти к соглашению. Я нашел один, свой собственный, и не знаю, будет ли он принят в Москве..., но поскольку Вы хотите, чтобы любой ценой наши дела закончились соглашением, вот что я Вам предлагаю: снимем с повестки дня будущей конференции вопрос о Бессарабии и меньшинствах, а в качестве компенсации согласитесь не касаться вопроса о каких-либо расчетах между нами...».

Г. Филалити: «Если я хорошо понял, Вы предлагаете нам торг. Вы хотите сделать из Бессарабии разменную монету, чтобы отказаться от нее, но избежать того, чтобы дать отчет в расчетах?» [Советско-румынские... Т. 1, с. 137–139]. «Да, это так, – сказал Карахан, – этот вопрос о расчетах – один из самых назойливых, он нас задержал на одном месте в течение почти 6 месяцев, пока я вел переговоры с поляками¹... так как наше желание – закончить все как можно скорее, если мы ликвидируем вопрос о расчетах, мы легко придем к согласию по другим пунктам; за две недели Вы и я подписываем соглашение и без необходимости другой, последующей конференции восстанавливаем дипломатические отношения». В ответ Филалити заявил: «Одним словом, путем отказа от расчетов Вы заставляете отказаться от наших ценностей и от возмещения того, что нам приходится за разорение посольства в Петрограде? Вы знаете, я думаю, что наши ценности были вкладом, сделанным правительством другому правительству, и как та-

1 Имелись в виду переговоры о мире РСФСР с Польшей, которые велись в условиях советско-польской войны начиная с лета 1919 г. [См. подробнее: Михутина, с. 105–230; Матвеев, с. 276–277].

ковой он священен, что все законы обязывают вас вернуть его нам целиком и что ценности были собственностью не только румынского государства, но и кредитных или культурных учреждений, так же как и частных лиц. Как же вы хотите, чтобы румынское правительство отказалось от того, что ему не принадлежит?» [Там же]

Л.М. Карахан, со своей стороны, указал на форс-мажорные обстоятельства, в которых оказалась Советская Россия в результате Гражданской войны и иностранной интервенции: «Да, я знаю все это, но что Вы хотите, события, через которые мы прошли, были так ужасны! Когда Москве угрожал Деникин, началась эвакуация ценностей, в том числе и румынских, которые были отправлены то ли в Нижний Новгород, то ли в Пермь или еще куда-то. Я не смог бы Вам сказать, все ли ящики были возвращены в Москву, но, конечно, ценности не могли остаться нетронутыми. Когда будете иметь своего представителя, он займется этим вопросом, и, конечно, в его распоряжение будут предоставлены все ящики, которые еще будут найдены. Потом посмотрим, какое значение вы придаете той мизерной сумме в сотню миллионов рублей золотом, которую составляет весь ваш металлический запас. Надеюсь, что вы признаете, что Бессарабия представляет нечто большее» [Советско-румынские... Т. 1, с. 137–139]. В ответ на это Г. Филалити обратил внимание Карахана, что «кроме денег и металла там были фамильные акты, акты собственности, документы, которые не имеют никакой ценности для вас, но бесценны для заинтересованных лиц...» [Там же]. Карахан заверил румынского дипломата: «Повторяю, все, что будет найдено, будет возвращено вашему представителю в Москве и, конечно, эти бумаги будут найдены неприкосновенными, но не ранее, чем будут восстановлены дипломатические отношения» [Там же].

В конце беседы Г. Филалити подчеркнул, что российская и румынская делегации занимают диаметрально противоположные позиции, и так как эти позиции не согласуемы, он готов завершить миссию, о чем поставит в известность свое правительство. Однако премьер-министр генерал А. Авереску рекомендовал Филалити «не ускорять события, а затягивать их в зависимости от обстоятельств и руководствуясь данными Вам инструкциями» [Советско-румынские... Т. 1, с. 143].

Как отмечалось выше, советское правительство стремилось получить от Румынии обязательства не вступать в военные союзы против Советской России и хотя бы сохранять нейтралитет в случае войны между Россией и другими государствами. Л.М. Карахану удалось включить этот вопрос в повестку дня конференции, однако румынское правительство отказалось давать такие гарантии [АВП. Ф. 0125. Оп. 5. П. 101. Д. 7а. 6]. В отличие от генерала А. Авереску, полагавшего, что «не в наших интересах прерывать контакты, которые мы установили» с Советской Россией [Советско-румынские... Т. 1, с. 142], непримиримую позицию в этом вопросе занял тогдашний министр иностранных дел Румынии Т. Ионеску.

21 октября 1921 г., когда дебаты на конференции грозили зайти в тупик, коллегия НКВД вынесла решение: «Применить взаимное погашение претензий или в форме постановки на конференции вопросов как о Бессарабии, так и о расчетах, или же путем устранения и того и другого... в случае отказа румын от взаимного погашения претен-

зий не останавливаться перед разрывом» [АВП. Ф. 0125. Оп. 5. П. 101. Д. 7а. 6; Д. 5. Л. 6, 15, 17]. Действительно, взаимоприемлемых решений не было найдено, и конференция завершилась безрезультатно.

Подводя итоги прелиминарной конференции и объясняя причины ее провала, Л.М. Карахан в своем интервью корреспонденту румынского агентства «Радор» настаивал на незаконности присоединения Бессарабии к Румынии: «Что же касается формальной стороны этого вопроса, то я нахожу недопустимым, чтобы Румыния присоединила к себе большую провинцию, бывшую неотделимой частью другого государства, без всякой конференции и, в особенности, без всякого соглашения с заинтересованным государством. Мы рассматриваем Бессарабию как принадлежащую и сейчас России, она была занята румынскими войсками, и несмотря на санкции (в значении «разрешение». – *Прим. ред.*) так называемых Великих держав мы все же считаем румынскую оккупацию Бессарабии как нонсенс с точки зрения права...» [Советско-румынские...Т. 1, с. 175–176].

На вопрос корреспондента о наличии в Москве румынского золота Л.М. Карахан, сославшись на свою неинформированность, ответил: «Должен вас уверить, что я никогда не объявлял категорически о пропаже и исчезновении румынского золота, не вижу никакого мотива, который сделал бы возможным такое исчезновение. Но не исключена возможность потери части его» [Советско-румынские... Т. 1, с. 176].

Дело в том, что по информации, переданной Г. Филалити румынской прессе, во время одного из заседаний Л.М. Карахан якобы отозвал его в соседнюю комнату и шепнул, будто румынского золота и румынских ценностей больше не существует. 17 ноября румынская газета «Эндепендус» («Независимость»), а вслед за ней и другие румынские издания опубликовали эти сведения. Заведующий 2-м Отделом Балканских стран НКВД Г.Б. Сандомирский в этой связи сообщал: «...уверяют (румыны), что советская делегация избегает всяких дебатов по этому вопросу (золота. – *Т.П.*) и не хочет брать на себя никаких обязательств, почему румынская делегация подозревает, что румынского золотого фонда более не существует» [АВП. Ф. 0125. Оп. 5.П. 101. Д. Л. 37].

Г.Б. Сандомирский также докладывал наркому Г.В. Чичерину, что Г. Филалити искажал советскую позицию: «по словам Филалити, русские предлагают... следующее решение вопроса: взамен признания Россией присоединения Бессарабии к Румынии, последняя должна отказаться от всяких претензий на возвращение ее вклада, эвакуированного в Москву, или от всяких взаимных расчетов» [АВП. 04. Оп.32.П. 209. Д. 85. Л. 81].

19 ноября 1921 г. Г.В. Чичерин в телеграмме, разосланной в российские зарубежные миссии, писал: «В румынской печати распространяются ложные сведения о варшавских переговорах Карахана с Филалити... Это все выдуманно. Мы все время ставили вопрос для полного примирения о Бессарабии и вопрос о финансовых расчетах. Но если Румыния в настоящее время ни в коем случае не хочет говорить о Бессарабии, мы согласны на чисто практическое решение по текущим практическим вопросам, таким

как судоходство, военнопленные, торговля, но ни в коем случае нельзя рассматривать также вопрос о взаимных финансовых расчетах, ибо рассматривать его можно только в том случае, если решение окончательное, то есть, если рассматривать вопрос и о Бессарабии. Другими словами, мы требуем, чтобы на конференции с Румынией или были поставлены все вопросы, включая и Бессарабию и финансовые расчеты, или были поставлены только текущие вопросы, т.е. без Бессарабии и без финансовых расчетов. Надо опровергать в печати у вас и в тех странах, где вы имеете возможность это сделать, румынские выдумки по поводу этих переговоров» [АВП. Ф. 0125. Оп. 6. П. 101. Д. 15/1.Л. 60].

Стоит отметить: тот факт, что к 1921 г. весь золотой фонд полностью сохранился, вызывает сомнения. В одной из записок, касавшейся оценки румынских ценностей, находившихся в Советской России, направленной М.М. Литвинову, говорится о том, что их общая стоимость (2,5 млрд. лей) «частично изменилась ввиду того, что часть их была нами частично изъята». «Точная сумма изъятых нами ценностей и состояние оставленного нам на хранение румынского архива выясняется Наркоминделом и тотчас же, по окончании его работы, будут Вам сообщены телеграфно» [АВП. Ф. 0125. Оп. 6. П. 101. Д. 2. Л. 143–143об.].

Вполне обоснованным, на наш взгляд, является вывод авторов коллективной работы «Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии»: «если имелись основания для претензии румынской стороны на возврат ценностей, сданных на хранение в Россию, то столь же естественным представляется право другой стороны на возмещение убытков, связанных с захватом имущества, оцениваемого в любом измерении» [Виноградов, Ерещенко... с. 260–261]. К сожалению, об этих претензиях советской стороны в работах румынских историков даже не упоминается. К тому же Румыния отказалась заявить о своем нейтралитете в случае агрессии против Советской России какого-либо государства, что в международных условиях, сложившихся после ее поражения в советско-польской войне, было для нее чрезвычайно важно.

Переговоры о восстановлении дипломатических отношений с Румынией продолжались вплоть до 1934 г., когда в результате прорыва советским государством международной изоляции этого, наконец, удалось достичь.

Литература

- АВП РФ Ф. 0125. Оп. 5. П. 101. Д. Л. 37.
- АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 209. Д. 85. Л. 81.
- АВП РФ. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52875. Л. 20.
- АВП РФ. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52875. Л. 23, 24.
- АВП РФ. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52875. Л. 81.
- АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 5. П. 101. Д. 7а. 6.
- АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 5. П. 101. Д. 5. Л. 6, 15, 17.
- АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 6. П. 101. Д. 2. Л. 143–143об.
- АВП. Ф. 0125. Оп. 6. П. 101. Д. 15/1. Л. 60

АВП РФ. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52875. Л. 10.

АВП РФ. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52876. Л. 5.

АВП РФ. Ф. 04. Оп. 6. П. 101. Д. 15/1. Л. 36.

АВП РФ. Ф. 04. Оп. 35. П. 227. Д. 52870. Л. 9.

Виноградов В.Н. Расчеты и просчеты румынских правителей в годы Первой мировой войны // Славяноведение. 2014. № 1.

Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. М., 1996.

Гросул В.Я. Бессарабия в годы Первой мировой войны // *Hlihor C., Shkundin G.D., Soare V., Stikalin A.S.* România și Russia în timpul primului război mondial. 1918–2018. București. 2018.

Документы Внешней политики СССР (ДВП). Т. 2. 1 января 1919 г. – 30 июня 1920 г. М., 1958.

Зарницкий С., Трофимов Л. Так начинался Наркоминдел. М. 1984.

Константину Ф. Х.Г. Раковский и бессарабский вопрос в советско-румынских отношениях (1917–1918) // Славяноведение. 2018. № 5. С. 17–31.

Левит И.Э. Бессарабский вопрос в контексте международных отношений (1919–1920 гг.). Тирасполь. 2012.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 50. М. 1970.

Матвеев Г. Пилсудский. (Жизнь замечательных людей). М. 2008.

Мельтюхов М.И. Бессарабский вопрос между двумя мировыми войнами. М. 2010.

Михутина И.В. Польско-советская война. 1919–1920. М. 1994.

Наринский М.М. Советско-польская война и рижский мир 1921 года // Забытый мир. Рижский договор 1921 г. М. 2014.

Покивайлова Т.А. Бессарабия в центре конфликта между Россией и Румынией и судьба румынского золота, перемещенного в Россию в годы Первой мировой войны // Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию рождения академика Ю.А. Писарева. М. 2017.

Покивайлова Т.А. Российско-румынские отношения в годы Первой мировой войны и проблема взаиморасчетов // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Очерки истории. М., 2015.

Польша в XX веке. Очерки политической истории. М. 2012.

Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР, ноябрь 1917 – март 1918 г. М. 2006.

РГАСПИ.Ф. 82. Оп. 2. Д. 1302. Л. 2.

Советско-румынские отношения. Документы и материалы. М., 2000. Т. I. 1917–1943; Т. 2. 1935–1941.

Терехина И.И., Яценко Я.С. В.И. Ленин. Биографические хроники. Т. 5 (без места и года издания).

Трут М. Мы оптимисты. М. 1985.

DOI 10.32726/2411-3417-2019-1-130-135

УДК 1; 94

Антон Крутиков

Трудное расставание с «имперскостью»

Аннотация. В рецензии рассматривается новая книга немецкого историка Й. Бёлера, посвященная борьбе за имперское наследство в Центральной Европе по окончании Первой мировой войны. Проблема конструирования новых национальных идентичностей в пограничном пространстве трех рухнувших империй оказалась напрямую связана с политическим и военным противостоянием нескольких национальных проектов. «Центром событий», с точки зрения автора рецензии, было возрожденное польское государство, при том что, как утверждает Й. Бёлер, в 1918 г. единой польской нации не существовало.

Ключевые слова: Йохен Белер, Центральная Европа, Польша, Первая мировая война, гражданская война, национальная идентичность, национальное самосознание.

Рецензия на книгу: Böhler J. Civil War in Central Europe, 1918–1921: The Reconstruction of Poland. – Oxford. 2018. (Бёлер Й. Гражданская война в Центральной Европе, 1918–1921. Возрождение Польши. – Оксфорд. 2018.)

Крушение любой империи, как правило, вызывает хаос и оставляет после себя территории, которые рано или поздно становятся «полями сражений» за ее наследство. Масштабы и характер этой борьбы могут различаться и зависеть от конкретных исторических условий, но само ее наступление неизбежно.

Эту простую истину германский историк Йохен Бёлер формулирует уже на первых страницах своей новой книги. Автор, известный работами, посвященными Второй мировой войне, на этот раз обращается к более ранней эпохе и рассказывает о политическом и военном противостоянии нескольких национальных проектов, раскинувшихся от Одера до Днепра.

История постверсальской Европы включает в себя судьбы новых национальных государств, возникших на обширных пространствах трех рухнувших тогда империй. В их создании воплотились самые смелые идеалы лидеров Антанты, безраздельно господствовавшие после знаменитой «январской речи» президента США Вудро Вильсона. Именно тогда был выдвинут новый принцип национального самоопределения народов – по словам австрийского военачальника Арца фон Штрауссенбурга, «вскру-

Сведения об авторе: КРУТИКОВ Антон Алексеевич – историк, научно-просветительский проект «Западная Русь»; bialyorzal1000@gmail.com.

жившие всем голову 14 пунктов». Они легли в основу государственного строительства в Центральной и Восточной Европе в 1918–1921 гг., но одновременно послужили основой для будущих межнациональных конфликтов.

Как утверждает Бёлер, ключевые для данного региона понятия «нация» и «империя», оказывается, далеко не всегда вступают в противоречие друг с другом.

Проблема преемственности во взаимоотношениях нации и империи представляет для автора особый интерес. Она рассматривается в ретроспективе, начиная с XIX столетия. Постепенно подводя читателя к фундаментальным изменениям, произошедшим в Европе в конце Первой мировой войны, Бёлер приходит к необычному и даже парадоксальному выводу: «национализм» в Европе до 1914 г. развивался в основном в рамках имперских проектов. В качестве типичного примера такой «национальной империи» автор называет Германскую, созданную в 1871 г. как прообраз «национального государства немцев, которое, однако, очень быстро проявило имперские амбиции» [Böhler, p. 17]. В начале XX в. усиление «национального самосознания» среди титульных наций подобных империй в Центральной и Восточной Европе привело к их дезинтеграции и утрате государственности. При этом монархи Германии, Австро-Венгрии и России сами зачастую способствовали «эмансипации наций». «Преследуя национальные группы, – пишет Бёлер, – реальные либо вымышленные, внутри своих империй, отказывая им в равноправии, ставя под вопрос их лояльность, они создавали новых национальных героев, новые мифы и объекты национальной памяти» [Böhler, p. 16]. А древний монархический принцип «divide et impera» оказался тем оружием, которое успешно использовали в своей борьбе не только имперские власти, но и «национальные активисты» [Там же].

Используя национальный фактор в качестве своеобразного «тroyанского коня» против центральноевропейских монархий, Антанта добилась эффектной победы в 1918 г. Однако итоги этой борьбы, устраивавшие в первую очередь местные национальные элиты, не привели к установлению в Центральной Европе прочного и справедливого мира. Новые национальные государства, возникшие в 1918 г., унаследовали очень многое от своих предшественниц-империй, что проявилось в первую очередь в их безудержном стремлении к расширению границ. По мнению автора, центральноевропейские государства в 1918–1921 гг. действовали как «мини-империи», а их отличие от империй «настоящих» заключалось лишь в том, что они были демократиями, а не монархиями. Впрочем, в 1920-е годы это отличие стало размываться, так как многие страны вступили на путь развития авторитаризма, «следуя общеевропейскому тренду» [Böhler, p. 18]. Демократические институты со второй половины 1920-х годов постепенно отходили на второй план.

Выводы автора во многом совпадают со взглядами известного чешского историка Яна Кржежа, утверждавшего, что в Центральной Европе «политические институты часто опережают социальную реальность». По этой причине поверхностное заимствование западных образцов и «имплантация» западной парламентской демократии в странах региона после 1918 г. оказались крайне недолговечны и неудачны [Кржеж, с. 25].

Амбиции Польши и Чехословакии не раз ставили Европу на порог нового большого конфликта. Вполне справедливым представляется замечание автора об их «имперскости», если вспомнить высказывание будущего президента Чехословакии Эдварда Бенеша, называвшего польское государство «Балканами Центральной Европы» и сравнивавшего его с Австро-Венгрией. А премьер-министр ЧСР Карел Крамарж еще в ноябре 1918 г. предупреждал, что польский вопрос является для Чехословакии «одним из опаснейших». «Мы не можем обойтись, – писал Крамарж министру иностранных дел Э. Бенешу, – без восточной Силезии, без ее угля [...]. И, как мне кажется, от Антанты мы заслуживаем большего понимания» [Beneš, s. 512].

«Имперскость» новых государств проявилась и в их отношении к национальным меньшинствам, причем положение этих меньшинств и в «авторитарной» Польше, и в «демократической» Чехословакии было далеко от идеала. Автор подчеркивает, что новые границы прошли через регион с мультикультурным и многонациональным населением и не соответствовали реальной этнической карте. Национальные меньшинства составляли значительную долю населения Польского и Чехословацкого государств, взаимно обвинявших друг друга в нарушении прав «соотечественников». В итоге «Тешинский вопрос», вызвавший конфликт 1918–1919 гг., и положение судетских немцев стали роковыми в судьбе Чехословакии, а Польша смогла пережить ее всего на один год.

Особенный интерес для Бёлера представляет возрожденное польское государство, так как именно оно было в 1918–1921 гг. «центром событий».

В 1918 г., утверждает Бёлер, не существовало никакой единой польской нации. Автор признает существование на территории Польши множества мелких «локальных идентичностей», а само понятие «национальность» для жителей ее пограничных районов считает практически неактуальным. До 80% населения Польши составляли крестьяне, жившие в рамках традиционной культуры. «Нам практически ничего не известно, – пишет Бёлер, – об их отношении к независимости и государственному строительству в начале века». В качестве примера автор приводит роман известного польского писателя, Нобелевского лауреата Владислава Реймонта «Мужики» («Chłopi»), опубликованный в 1904–1909 гг. и описывающий крестьянскую жизнь в «русской Польше». По словам Бёлера, это произведение погружает читателя в архаичный мир, «практически свободный от истории, политики и социальных изменений», в котором местный диалект является единственным маркером, «определяющим идентичность героев и самого рассказчика» [Böhler, p. 23].

Мы ничего не знаем и о том, продолжает Бёлер, сколько крестьян сохранили лояльность своим монархам до самого конца Первой мировой войны. Автор высказывает предположение, что их число было значительным. После 1918 г. крестьяне Центральной Европы были вынуждены расстаться со своей «имперской мультикультурной идентичностью», и им оставалось лишь приспособиться к тем новым национальным конструкциям, внутри которых они себя обнаружили, и к новым границам между ними.

Таким образом, заключает историк, мечта о польском суверенитете была в первую очередь мечтой аристократии, успешно мутировавшей в XIX в. в интеллигенцию и сохранившей связи между тремя частями бывшей Речи Посполитой. Именно интеллигенция оказалась у истоков создания независимого польского государства в 1918 г., а многомиллионные крестьянские массы были вовлечены в этот процесс значительно позднее [Böhler, p. 24].

Для жителей белорусско-польского и польско-украинского пограничья, считает Бёлер, было характерно наличие сразу нескольких идентичностей. Показательным является пример известного повстанческого атамана Станислава Булак-Балаховича, чья идентичность в 1918–1921 гг. эволюционировала от русского офицера-монархиста к «верному сыну белорусского народа» и поляку-католику, ставшему бригадным генералом польской армии. «Принимая во внимание его достаточно прагматичный подход к этничности, это не стоило ему больших усилий» [Böhler, p. 193]. То же справедливо и для его знаменитого современника – писателя Сергея Пясецкого (Sergiusz Piasecki), который выучил польский язык в 35 лет и родным языком которого всегда оставался русский.

Подобные примеры, считает автор, прекрасно иллюстрируют феномен «Кресов», жители которых, несмотря на все усилия властей по «национальному конструированию», так и не смогли сделать выбор в пользу одной из своих идентичностей. Они, отмечает Бёлер, могли быть «законопослушными гражданами днем и контрабандистами ночью», использовали в своей частной жизни русский язык, а в публичном пространстве – польский, посещали униатскую церковь и при этом называли себя православными [Böhler, p. 191]. До середины 1920-х годов любые попытки властей по модернизации и этнизации населения «Кресов» оказывались неэффективными. А польский Восток в целом (автор вводит даже новое понятие *Wild East*, по аналогии с Диким Западом в США) представлял собой удивительный и «загадочный мир, блестяще описанный в романах Пясецкого» [Böhler, p. 192].

Одна из глав работы Бёлера носит весьма характерное название: «Как мобилизовать польскую нацию». Автор показывает, насколько сложная задача стояла перед партией «активистов», поднявшей национальные флаги в Варшаве в ноябре 1918 г. Большинство польских крестьян, считает историк, не доверяли национальному проекту и не спешили вставать под знамена формирующейся польской армии. Хотя польские легионы сыграли важную роль в возрождении государственности, они формировались по разные стороны линии фронта правительствами противоборствующих империй. Понадобились годы, чтобы создать единую польскую армию с эффективным командованием, но и впоследствии она очень долго испытывала недостаток кадров. А многочисленные парамилитарные формирования не всегда могли эффективно защищать границы. Кроме того, как утверждает Бёлер, еще в декабре 1919 г. генерал-инспектор инфантерии польской армии подполковник Токажевский-Тарасевич подготовил секретный доклад, в котором рекомендовал не допускать в Войско польское «иностранцев». Под таковыми подразумевались в первую очередь лица еврейского происхождения [Там же].

Рассуждения Бёлера прекрасно иллюстрирует знаменитый польский агитационный плакат периода советско-польской войны с лаконичной подписью: «Hej, kto polak!» Сам плакат изображает объединенных в едином порыве крестьянина, рабочего и солдата. Такая картина соответствовала воображаемому идеалу польской нации, но не исторической реальности.

Эти обстоятельства представляются весьма важными для описания конфликта 1918–1921 гг., в котором народы оказались в большей степени жертвами, нежели участниками. «Борьба за границы» стала трагедией для жителей восточных и западных «Кресов», которые оказались разделены новыми национальными барьерами. Эта борьба была в первую очередь борьбой элит, и не удивительно, что никакого справедливого разграничения по ее итогам не произошло. Урегулированные Антантой конфликты в Галиции, Силезии и Познани принесли лишь временный компромисс, который не устраивал ни одну из сторон. Вводя термин «Центральноевропейская гражданская война», автор настаивает на преемственной связи ее событий с Первой мировой. Режимы, делившие имперское наследство, использовали в основном военный потенциал, накопленный в 1914–1918 гг., и продолжали военный опыт тех лет. Война стала серьезной угрозой существованию новых государств: даже представители одной национальности часто оказывались по разные стороны баррикад. Для поляков ирония заключалась в том, что только советское вторжение 1920 г. заставило их консолидироваться и встать на путь построения централизованной и во многом авторитарной Второй Речи Посполитой.

Значительной проблемой для мирного населения стали бывшие военные и члены парамилитарных формирований. Бёлер называет эту проблему «эффектом демобилизации». Опыт, который получили легионеры в 1914–1918 гг. и позднее, в период гражданской войны, не позволил им вернуться к полноценной мирной жизни. Их пацификация оказалась временной и была несовместима с современными требованиями демократического парламентского государства. Пребывание в легионах Пилсудского принесло этим людям «чувство элитарности», которое не было «ни национальным, ни демократическим». Оно было чувством превосходства. Бывшие военные и парамилитарии оказались главными участниками всех последующих кризисов и опорой нарастающего авторитаризма, начиная с событий в Вильнюсе в 1920 г. и заканчивая майским переворотом 1926 г. Кризис, вызванный господством правых в польском Сейме, привел этих людей к разочарованию в демократических ценностях и институтах. Конфликт 1918–1921 гг. продолжился в форме политической борьбы в межвоенные годы, а также вылился в противостояние государства и национальных меньшинств. Кульминацией этой борьбы стала гибель первого законно избранного президента Польши Габриэля Нарutowича (литовца по происхождению) спустя всего семь дней после его избрания в декабре 1922 г. Последующие события показали, полагает Бёлер, что процесс «демобилизации» не был завершен и в любой момент мог быть развернут вспять, когда одна часть вооруженных сил «конфликтовала с законным правительством»¹ [Böhler, p. 193].

1 В ходе майского переворота 12–15 мая 1926 г. маршала Юзефа Пилсудского поддержала часть польских военных и социалистическая Рабочая милиция Варшавы. На стороне законного президента Станислава Войцеховского выступили подразделения польской армии, сохранившие верность присяге. Итогом трехдневных боев стало поражение законного правительства.

Тематика, затронутая автором, весьма актуальна и для российского читателя. Колоссальные пограничные пространства – «borderlands» в терминологии Бёлера – стали ареной не только национального противостояния, но и многочисленных социальных экспериментов, предпринятых по обе стороны советско-польской границы после 1921 г. Как убедительно показал в своей работе Йохен Бёлер, события 1918–1921 гг. послужили основой для будущих вооруженных конфликтов и территориальных споров и стали предвестниками сентябрьской трагедии 1939 г.

Литература

Кржжен Я. Центральная Европа в европейском историко-географическом контексте. // Неприкосновенный запас. 2007. № 6(56) . С. 25–31.

Beneš E. Světová válka a naše revoluce. Vzpomínky a úvahy z bojů za svobodu národa. Praha, 1929. Díl III. S. 512–513.

Böhler J. Civil War in Central Europe, 1918–1921: The Reconstruction of Poland. Oxford. 2018.

Authors

Artyom BARYNKIN – Associate Professor of European Studies Chairs, International Relations Faculty, St Petersburg State University; Ph.D. in History; avbarinkin@yandex.ru.

Anton KRUTIKOV – Historian, Research and Information Project «Western Russia»; bialyorz1000@gmail.com.

Ekaterina NAROCHNITSKAYA – Leading Researcher, Institute of Europe RAS; Director of the Research Centre, Foundation for Historical Outlook; Editor in chief of «Perspectives and prospects. E-journal»; Ph.D in history; ye_naroch@inbox.ru.

Irina NOVIKOVA – Professor of European Studies Chairs, Dean of International Relations Faculty, St Petersburg State University; Doctor of History; irina-nowikowa@mail.ru.

Tatiana POKIVAYLOVA – Senior Researcher of Eastern European History Department, Institute for Slavic Studies, RAS; Ph.D. in History.

Vladimir ROMANOV – Professor, Tambov State University named after G. R. Derzhavin; Doctor of History; vromanov@mail.ru.

Ekaterina ROMANOVA – Researcher of Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Ph.D. in History; yevromanova@hotmail.com.

Vadim TRUKHACHEV – Lecturer, Russian State University for Humanities; Ph.D. in History; vadimvts@mail.ru.

Vladimir VASILIEV – Chief Researcher, Institute of USA and Canada, RAS; Doctor of Economics; vsvasiliev@mail.ru.

Petr YAKOVLEV – Head of the Center for Iberian Studies, Institute of Latin America, RAS; Doctor of Economics; yakovlev@yandex.ru.

Abstracts and Keywords

Artyom BARYNKIN, Irina NOVIKOVA

WORLD WAR I IN CONTEMPORARY POLISH HISTORICAL MEMORY

Abstract. *In the Polish historical memory, the World War I has been overshadowed by the events of 1918. Restoring Polish independence has come to the fore in scientific and public discourse. Narratives on this issue are particularly important to understand how national identity is built in Poland, what elements it consists of, and to what extent it is associated with specific historical events. The article is an attempt to examine Polish interpretations of the War's final stage, on the basis, primarily, of 2018 commemorative events.*

Keywords: *Poland, World War I, historical memory, R. Dmowski, J. Pilsudski.*

Anton KRUTIKOV

HARD PARTING WITH «EMPIRENESS»

Book Review: Böhler J. Civil War in Central Europe, 1918–1921: The Reconstruction of Poland. Oxford, 2018.

Abstract. *Review of a new book on the struggle for imperial succession in Central Europe after the end of the First World War by German historian J. Böhler. Constructing new national identities in the «borderlands» of three collapsed empires involved political and armed conflict among several national projects. The restored Polish State was at the «center of events», while no single Polish nation existed in 1918, according to J. Böhler.*

Keywords: *Jochen Böhler, Central Europe, Poland, World War I, civil war, national identity, national consciousness.*

Ekaterina NAROCHNITSKAYA

UKRAINIAN CONFLICT AND CRIMEA: A TEST FOR FRENCH DIPLOMACY

Abstract. *Although France stayed away from American and European projects crucially responsible for generating the Ukrainian conflict, she passively supported EU line on Ukraine and turned out to be hostage to its dramatic implications. The new situation in and around Ukraine has devalued the Fifth Republic's accomplishments in promoting her vision of European and global architecture. Concerned to face forthcoming marginalization, France engaged in active policy initiating the «Normandy format» for peace settlement. However, the room for maneuver appears to be scarce as Paris continues to stick to the EuroAtlantic paradigm with regard to Ukrainian crisis perception.*

Keywords: *French foreign policy, Russian-European relations, Eastern Partnership, Ukrainian conflict, sanctions, Normandy format talks, E. Macron, conflict resolution in Ukraine.*

Tatiana POKIVAYLOVA**FROM THE HISTORY OF SOVIET-ROMANIAN RELATIONS: PRELIMINARY CONFERENCE 1921 IN WARSAW**

Abstract. *After analyzing the causes and consequences of the rupture of diplomatic relations between Soviet Russia and Romania in January 1918, the author looks at the external and internal factors that demanded their restoration in the early 1920s. The work of the Soviet-Romanian Preliminary Conference (Warsaw, September 1921) is examined, revealing irreconcilable contradictions between the parties on issues such as the status of Bessarabia and the return of Romania's gold reserves sent to Russia in 1916.*

Keywords: *Soviet-Romanian relations, World War I, Warsaw 1918 Preliminary Conference, status of Bessarabia, Romanian Treasure.*

Vladimir ROMANOV**WORLD WAR I AND THE TRANSFORMATION OF GLOBAL THINKING IN US ACADEMIC COMMUNITY**

Abstract. *The article explores the US academic community's role in shaping the new ideological paradigm of the New World Order vision after the Great War end. Most American intellectuals shared the basic principles of Wilsonianism, although their community consisted of numerous research and educational corporations and renowned scientists with differing approaches. President Woodrow Wilson regularly engaged scientists in foreign policy planning process. While widening thinking among American political and academic elites, the WWI fostered in their minds a new pattern of American exceptionalism concept.*

Keywords: *World War I, New World Order, Wilsonianism, American exceptionalism, US political and academic community, League of Nations.*

Ekaterina ROMANOVA**EVOLUTION OF BRITISH PERCEPTIONS OF WORLD WAR I**

Abstract. *In British tradition, the World War I is almost invariably accompanied by the epithet «Great.» This war's memory is passed down from generation to generation, living in family archives and museum collections. However, British views on the Great War have evolved over the course of a century. The article examines how, among intellectual and political elite, the perception of the WWI has been changing and correlating with domestic and world developments.*

Keywords: *historical memory, World War I, British historiography, UK foreign policy.*

Vadim TRUKHACHEV**AUSTRIA'S CONTROVERSIAL POLICY TOWARD RUSSIA: PARTIES POSITIONS**

Abstract. *In recent years, Austria has become one of Russia's key partners in Europe. Austrian politicians have repeatedly suggested ways to ease or even lift anti-Russian sanctions, while, within the EU, the country, when it voted, each time agreed with their extension. There are very divergent points of view on relations with Russia among Austrian elites, and such a palette of opinions has an impact on Austrian-Russian ties and on the country's foreign policy in general.*

Keywords: *Austria, Russia, European Union, parties, Kurtz, sanctions.*

Vladimir VASILIEV**UNITED STATES VERSUS RUSSIA IN THE ERA OF INFORMATION WARS 2.0. REFLECTIONS ON DIALOGUES FROM A BOOK**

Abstract. *The debate between Russian TV journalist D.K. Kiselev and his American vis-a-vis N.V. Zlobin in the book «The Battle for Deeply Personal» («Bitva za gluboko lichnoe», Moscow, 2019) may well claim the status of a policy document of the new era of information warfare. It reflects basic patterns of ideological confrontation between Russia and the «collective West»; strengths and weaknesses of the platforms, on which broad sectors of Russian and American public have entered into «the battle for the deeply personal»; and an emerging discursive atmosphere in both countries. After analyzing this polemic and its context, the author concludes that the information war between Russia and the United States would be lengthy and in many ways would even surpass the ideological conflict of the Cold War in intensity and sharpness.*

Keywords: *information wars, Russian-American relations, strange attractors, cultural war, civilizational development, world order of the XXI century.*

Petr YAKOVLEV**VENEZUELA'S CRISIS IN AN ERA OF CONFLICTUAL MULTIPOLARITY**

Abstract. *The present and future of the country, which has the world's largest oil reserves, have been put on the line by Venezuela's crisis. So has the balance of power in the Latin American region and to a certain extent at global level. The internal political conflict, which deeply divided Venezuelan society, has crossed national borders to become one of the nerve centers of world politics. Due to the special significance of Venezuela for the leading powers of the world, attitude to events in this country has become geopolitically relevant. In fact, this is the first crisis in an era of conflictual multipolarity.*

Abstract. *Venezuela, crisis, Lima Group, USA, sanctions policy, China, Russia, ways to resolve conflict.*

Научный сетевой журнал

«Перспективы. Электронный журнал»

2019

№ 1 (17)

(январь – март)

E-journal «Perspectives and prospects»

2019

№ 1 (17)

(January – March)

journal.perspektivy.info

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-61061 от 5 марта 2015 г.

Дизайн обложки Ирина Гортинская

Дизайн-макет Ирина Гортинская

Техническое редактирование и компьютерная верстка Ирина Гортинская

Фонд исторической перспективы

Центр исследований и аналитики

127051, Москва, ул. Долгоруковская, д. 33, стр. 2

тел./факс: +7(495)789 80 87